БЮЛЛЕТЕНЬ ЛАБОРАТОРИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

ВОРОНЕЖСКАЯ САТИРА ОТ МАРИНА́ ДО НЕРВИНА

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ ВГУ

БЮЛЛЕТЕНЬ
ЛАБОРАТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

ВЫПУСК 8

ВОРОНЕЖСКАЯ САТИРА ОТ МАРИНА́ ДО НЕРВИНА

Редактор-составитель Д. С. Дьяков

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2021

УДК 070
ББК 7601
Б98

Б98 **Бюллетень лаборатории региональной журналистики : Воронежская сатира от Марина до Нервина** / ред.-сост. Д. С. Дьяков. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2021. – Вып. 8. – 224 с., ил.

ISBN 978-5-9273-3276-2

Восьмой выпуск «Бюллетеня лаборатории региональной журналистики» посвящен воронежской сатире, ее традициям, особенностям, трансформации. Впервые предпринята попытка проследить изменения этого жанра за два века его существования в нашем регионе.

В сборнике представлены произведения более трех десятков авторов.

УДК 070
ББК 7601

ISBN 978-5-9273-3276-2

© Дьяков Д. С., составление, 2021
© Факультет журналистики ВГУ, 2021
© Оформление, оригинал-макет. Издательский дом ВГУ, 2021

Дмитрий Дьяков

ОСОБАЯ ФОРМА ЭТИКИ

Вместо предисловия

Легендарный профессор журфака ВГУ Лев Ефремович Кройчик, всю жизнь в теории и на практике постигавший тайны комического, сформулировал шесть заповедей этого жанра, в одной из которых провозгласил смех территорией свободы.

«Комическое во всех своих проявлениях демонстрирует несоответствие реальности идеальному представлению об окружающем мире»[1], – именно этой фразой Лев Ефремович и обосновывал вредность цензуры для смеха. При этом мэтр само собой считал, что комическое выступает исключительно на стороне добра.

Однако, как свидетельствует история, в нашей стране подчас возникают ситуации, при которых зло начинает заполнять всё пространство окружающего мира, и тогда именно комическое становится особой формой этики, позволяющей выжить. «Вместо морали – ирония. Она помогла преодолеть послереволюционную пустоту, когда неизвестно было, что хорошо и что плохо»[2], – пояснил в свое время подобное состояние писатель-сатирик Евгений Петров в набросках к ненаписанной книге «Мой друг Ильф»…

Новый сборник из серии «Бюллетень лаборатории региональной журналистики» – попытка отразить это состояние в разные исторические периоды. С одной лишь оговоркой: в него вошли тексты авторов, для которых окружающим миром на разных этапах их творчества становилось наше черноземное пространство. Таких авторов оказалось немало: только в этой книжке тридцать три имени. Годы их рождения охватывают период с 1776-го по 1955-й, образуя, таким образом, почти двухвековой (179 лет) период существования воронежской сатиры и юмора.

Из теории мы знаем, что комическое, как эстетическая категория, принимает либо социально-комическую (сатира), либо элементарно-комическую (юмор) формы. Спутать их сложно: в сатирических произведениях господствует пафос разоблачения, юмористическое же восприятие основано на снисхождении и терпимости, добродушии и прощении.

Примечательно, что воронежские авторы XIX столетия в основном отдавали предпочтение сатире, направляя обличительные стрелы подчас даже на государственные устои. Увы, судьбы авторов таких произведений складывались печальным образом: родоначальник русской политической сатиры землянский дворянин Михаил Милонов спился и умер в долгах и нищете, поэт-обличитель Кондратий Рылеев кончил свои дни на виселице, а излишне рьяно иронизировавший по поводу национальных нравов Василий Слепцов провел несколько месяцев в Петропавловской крепости, вскоре после чего отдал Богу душу… Эту печальную закономерность уже в следующем столетии продолжили Андрей Новиков (расстрелян при Сталине), Осип Мандельштам (погиб в ГУЛАГе), Андрей Платонов (затравлен при жизни)…

Словом, сатирические опыты воронежским авторам приносили в жизни, как правило, лишь беды и несчастия.

То ли дело юмор.

Работающих в этом жанре воронежцев нередко ожидали почет и уважение. Вообще, вряд ли в России можно сыскать другое, нежели Воронеж, место, где добродушное остроумие помогало бы авторам занимать достаточно солидные должности. Судите сами.

Среди тех, кто отметился на юмористическом поприще в наших краях, были и собственный корреспондент по региону одной из главных советских газет, и редактор областной партийной газеты, и редактор областной комсомольской газеты, и официальный фельетонист партийной газеты[3], и председатель комитета по культуре обладминистрации и даже… два кадровых офицера органов госбезопасности!

Словом, был такой период в истории Воронежского края, когда смеяться здесь старались все, в результате чего веселость у нас перестала иметь отношение к объекту, а сделалась признаком идеологической зрелости, здорового тонуса и правильного настроения самого веселящего общество субъекта.

Впрочем, длилось это недолго: как и следовало ожидать, беззлобная шутка сверху, не найдя питательной подпитки в партийной идеологии, при очередном историческом повороте была с позором изгнана в массы, где и трансформировалась в разрушительную иронию.

Общего смеха не получалось. Карнавальная площадь Ленина беспощадно разделилась на сцену и зрительный зал.

«Веселые идеалисты с удивлением обнаружили на собственном лице не улыбку, а гримасу смеха: смеяться они устали, да и причин становилось все меньше, а привычка осталась», – подмечали исследователи культуры П. Вайль и А. Генис[4].

А поскольку жизнь продолжалась, то смех отныне пришлось привести в соответствие со вновь поменявшим направление вектором целесообразности.

Иными словами, пойти на компромисс, основу и суть цинизма.

Подобный демарш обернулся тотальной желчной иронией по отношению к себе и окружающим, по причине чего в Воронеже (как, впрочем, и в других уголках страны) цинизм стал неплохим убежищем для неунывающего человека.

Проблема, однако, была в том, что презрительное отношение к нормам морали, свойственное циникам, не требовало соучастия. Циник, как известно, – существо одинокое. И это тоже разрушало смех: плакать в одиночку еще можно, а вот смеяться – получается

плохо. В лучшем случае выйдет издевательство или скабрезность, – то самое, что имел в виду писатель-сатирик Михаил Задорнов, делясь впечатлениями о творчестве одного современного воронежского автора: «Я от души смеюсь над рассказами Саши… но читать их с эстрады мне не позволяет нравственность»[5].

Что поделаешь, наступившее тысячелетие всё больше убеждает нас, что смех – это не только территория свободы, но и зона хорошего вкуса, без которого, как мы уже знаем, подлинная свобода невозможна.

---

[1] *Кройчик Л. Е.* Усомнившийся Платонов: стихия комического в произведениях писателя. Воронеж, 2019. С. 13.

[2] *Петров Е.* Мой друг Ильф. Вступительная заметка, составление и публикация А. Ильф. Вопросы литературы, 2001, № 1. С. 196.

[3] Тавтология слова «газета» в этом предложении допущена намеренно, дабы продемонстрировать обоснованность разговора о сатире и юморе в рамках лаборатории региональной журналистики.

[4] *Вайль П., Генис А.* 60-е. Мир советского человека. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 151

[5] Цит. по кн.: *Мешков А.* Мешок историй про шалого малого, М., 2015.

СЕРГЕЙ МАРИН

Сергей Никифорович Марин *родился 18 января 1776 года в Воронеже. Отец его первоначально был на военной службе, с 1779 года перешел на гражданскую. В 1797–1798 годах служил воронежским вице-губернатором, а затем год был губернатором в Новгороде.*

Сергей обучался сначала дома, а затем поступил в Воронежское народное училище, которое окончил в 1789 году. 14 лет, в 1790 году, был определен в лейб-гвардии Преображенский полк. По словам брата Марина, Аполлона Никифоровича, первым стихотворным произведением Сергея Марина стали вирши «На новый 1790 год».

В 1797 году Марин был произведен в портупей-прапорщики. В начале своей службы при Павле I он попал в немилость к императору, потому что на одном из вахтпарадов перед Зимним дворцом, проходя со знаменем в руках перед царем, сбился с ноги. За это он был разжалован в рядовые и посажен на дворцовую гауптвахту. Очевидно, в это время Марин пишет свою пародию на оду Ломоносова.

Через несколько месяцев, молодцевато, «по-гатчински» отдав честь императору, Марин вернул себе офицерское звание, став прапорщиком. В ночь на 12 марта 1801 года, когда произошло

убийство Павла I, Марин был на стороне заговорщиков. В эту ночь он командовал дворцовым караулом от Преображенского полка. Заговорщики были многим обязаны Марину.

Когда в 1805 году началась война России с Францией, Марин написал «Преображенский марш» («Пойдем, братцы, за границу бить отечества врагов…»). Его пели во всех полках гвардии, с ним выступил в поход и сам Марин. В чине поручика он участвовал в сражении под Аустерлицем, где был тяжело ранен. За Аустерлиц он получил золотую шпагу с надписью «За храбрость».

В августе 1807 года, в чине штабс-капитана, Марин получил звание флигель-адъютанта. В 1807 году, в сражении при Фридланде, где его батальон «действовал с особенным мужеством», он был контужен в голову осколком гранаты. После заключения Тильзитского мира Марин послан в Париж, где вручил Наполеону депешу от Александра I.

В 1808 году в Петербурге участвовал в издании журнала «Драматический вестник». Марин был известен в литературных кругах не только как автор сатирических стихов, но и как драматург-переводчик.

В 1812 году Марин исполнял должность дежурного генерала по 2-й Западной армии, состоявшей под командованием князя П. И. Багратиона. В сентябре 1812 года Марин тяжело заболел. Он скончался 9 февраля 1813 года в Петербурге. 21 марта 1813 года Батюшков писал Вяземскому: «Марин умер, и я о нем жалею».

Сергей Никифорович Марин не был сатириком большого диапазона, но как поэт оригинальный, остроумный пародист он внес свой вклад в русскую сатирическую поэзию.

ХВОСТЫ

Отец богов! Тебе пеняю,
Что ты некстати заслонил
Отверстие, что по случаю
К сердцам нам Момус продолбил.
С тех пор в них стали кладовые

Обманов, злости, суеты;
Услугой сей довольны злые,
Но добрых тем обидел ты.

С тех пор мы дружбы убегаем,
Страшимся лесть найтить под ней,
И различить никак не знаем
Людей коварных от друзей.
Ты сделал вещью невозможной,
Чтоб друга по виду судить,
За что ж, любви дав знак неложный,
Забыл им дружбу наделить?

Всегда красавица узнает,
И даже в темноте ночной,
Старик ли дряхлый подступает
Или любовник молодой.
А нам и солнце не поможет
Изгибы сердца проницать,
И что в собаках всяк знать может,
То в людях трудно распознать.

Юпитер, днесь мое моленье
Услышь: в Олимпе сидя, ты
Окончи в дружестве сомненья,
Дай, как собакам, нам хвосты.
Приделай сам сей знак надежный
Ты ко хребтам твоих рабов.
Он будет знамем дружбы нежной,
Сердечных стрелкою часов.

Ты от хвоста сего пружины
Старайся к сердцу протянуть,
И чтоб без истинной причины

Нельзя им было шевельнуть.
Тогда бы за версту умели
Льстеца мы с другом различать:
Друзья хвостами бы вертели,
Льстецы должны бы хвост поджать.

Тогда бы видел всякий ясно,
В ком совесть истинно чиста,
И полагаться б не напрасно
Мог на движение хвоста.
Не слышно б было клятв притворных
И слов двоякий оборот,
И даже бы язык придворных
С хвостами стал совсем не тот.

Юпитер, взяв мое моленье,
Решился чудо сотворить
И дал Меркурью повеленье,
Чтобы глаза мне просветить.
О, страх, о, зрелище ужасно!
Я вижу всех людей с хвостом.
Движенье вижу несогласно
Хвоста сего с их языком.

Я вижу в городе, в деревне,
Между крестьян, купцов, вельмож,
В палатах, в хижине, в харчевне,
Одну и точно ту же ложь.
Друг друга всякий уверяет,
Что с ним готов он всё терпеть,
Жмет руку, к сердцу прижимает, –
А хвост-злодей висит, как плеть!

Я вижу пред царем собранье.
И если по виду судить,
У всех в сердцах одно желанье –
Чтоб для него на всё идтить;
Но изо всех, что здесь кружатся
С улыбкой, с выгнутой спиной,
Хвостов десяток шевелятся,
А прочие – кишка кишкой!

Страстям, порокам всё послушно,
Являют ясно то хвосты,
Нельзя смотреть мне равнодушно,
Что всех прельщают здесь мечты.
Так зрелище сие я чудно,
Юпитер, видеть не хочу;
За любопытство безрассудно
И так я дорого плачу.

Возьми ж твой дар назад обратно,
Сними очарованье с глаз,
Оно ужаснее стократно
Того, что получил Мидас.
Я вижу всех коварств сплетенье.
Ты справедлив, богов отец,
Что лучше в вечном быть сомненьи,
Чем знать всю черноту сердец.

МИХАИЛ МИЛОНОВ

Михаил Васильевич Милонов *родился 5 марта 1792 года в имении Придонский Ключ Задонского уезда Воронежской губернии. Отец его был просвещенный человек, масон.*

В 1803 году М. В. Милонов поступил в пансион при Московском университете, где «был одним из первых и самых лучших благородных воспитанников в учении и поведении, в знак чего при публичных экзаменах получил две книги, серебряную и золотую медали и одобрительный лист за отличные успехи в науках, особливо в беллетрах» («Русская старина», 1887, № 11, с. 364). Имя Милонова было записано золотыми буквами на доске отличных воспитанников пансиона. 23 декабря 1805 года он поступил в Московский университет, окончив его в 1809 году со степенью кандидата.

По окончании университета он едет в Петербург и поступает в бывшее при Министерстве внутренних дел Главное правление мануфактур. Познакомившись с поэтом-баснописцем И. И. Дмитриевым, тогда министром юстиции, Милонов переходит в 1811 году в департамент министерства юстиции, где и служит до мая 1813 года.

Однако он не находит удовлетворения в отупляющей канцелярской службе, когда, как сообщает в письме к Н. Ф. Грамматину,

в «убийственном бездействии» сидит «между приказною челядью» и теряет «самое драгоценное и лучшее в жизни время».

Понимание несоответствия, существующего между идеалами и реальностью, и явилось первопричиной начавшихся запоев Милонова. Впоследствии это приведет его к гибели.

В 1815 году Милонов увольняется из департамента министерства юстиции и живет то в Задонске, то в Петербурге. В это время Михаил Васильевич страшно нуждается и потому вынужден вновь искать место. А. И. Тургенев из сострадания определяет его в конце 1818 года в департамент духовных дел, взяв с Милонова обещание не пить. К этому же времени относится и подготовка Милоновым издания своих стихотворений, которые он продает книгопродавцу Глазунову за 500 рублей. Вскоре Тургенев был вынужден уволить Милонова, и тот в 1819 году определяется в провиантский департамент военного министерства, находя покровительство в лице генерал-провиантмейстера Абакумова, который участливо отнесся к несчастному поэту. Но Милонов был уже слишком тяжело болен, еще в 1818 году в письме к Гнедичу он говорил о случающихся с ним эпилептических припадках, перед смертью в нем приметно было «помешательство ума».

17 октября 1821 года Милонов скончался.

У него был большой талант, который лишь в силу обстоятельств его жизни не смог раскрыться во всей своей полноте. Современники считали наивысшими поэтическими достижениями Милонова сатиру.

ОТРЫВОК ИЗ ЛУЦИЛЛИЕВОЙ САТИРЫ ПРОТИВ ЕГО ВЕКА

Какие времена! какое ослепленье!
За злато плебей вступают в знатный сан,
Берут достоинств мзду и кроют преступленье!
Весь Рим – софистов сонм! нет истинных граждан!
Где древних праотцев прямое превосходство,

Их в бранях храбрый дух, их неизменный нрав,
Ко Славе, Истине любовь и благородство?
Всё пало, всё падет! таков судеб устав!
О, мир, довольствие, народа благоденство!
Весь град огнем вражды мятежной воспален,
Благое сограждан сокрылося равéнство –
И отрок слабых сил владыкой наречен!
Изображу ль семейств печальную картину?
И там порок возжег погибельный раздор.
Подвластных ли возьму несчастную судьбину,
К владычеству ль простру свой огорченный взор –
Везде лишь ищут польз других к вреду и стону,
Везде лишь сильному предстательство и кров;
Суды суть торжища, судьи – враги закону,
Бесчестьем осквернен и самый сан жрецов.
Где Рима древнего величие и сила?
Почто не обращен мгновенно он во прах!
Здесь прелесть слабых жен порфиры блеск затмила,
Там стыд властителей, там воев низкий страх...
Где любомудрый взор, стрегущий суд и брани?
Там знатный род возвел надменного глупца
В священный сан вождя, дал меч и жезл во длани
И чтит достоинством гражданского венца!
О, участь жалкая! умов порабощенье!
В могиле хладной я почто еще не скрыт?
Ах, лучше бы меня богов постигло мщенье,
Чем римлян чувствовать и бедствие, и стыд!
Оплачем, граждане, наш жребий униженный,
Я видел... о, почто очей был не лишен,
Наш сильный легион, коварством подкупленный,
Без браней, без побед повергшийся во плен!
Я зрел и алтарей, и жатв опустошенье,
Я зрел оратая среди его трудов –
Без силы, без надежд, с отчаяньем боренье!

Я зрел, при пышности вельможеских дворов,
Как вмиг, их алчности в угодность, исчезало
Терпение и труд чрез целый ряд годов,
Как Истину и Честь изгнанье осрамляло!
Я зрел… Отечество! красу твою и щит,
Героев, средь смертей себя на жертву несших,
И, возвратясь к тебе, о, срам, о, вечный стыд!
Презор, и нищету, и глад себе обретших!
Я зрел – и скорби мрак мой дух отяготил;
Оставим всё, о вы, для коих предков слава
Еще в душах жива, еще сердец отрава,–
И будем Рим искать… среди одних могил.

<1810>

КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ

Кондратий Фёдорович Рылеев *родился 18 сентября 1795 года в селе Батово Софийского уезда Петербургской губернии. Из дворян. Учился в 1-м кадетском корпусе (Санкт-Петербург). Согласно Д. А. Кропотову, одному из первых биографов Рылеева, «часто… вину товарищей он принимал на себя и сознавался в проступках, сделанных другими. Подобное самоотвержение приобрело ему множество друзей и почитателей, вырученных им из беды и потому питавших к Рылееву безграничное доверие».*

Участник войны 1812 года. Выйдя в отставку, служил чиновником в Санкт-Петербурге. Член Вольного общества любителей русской словесности (1821). Публиковался с 1820 года. Автор поэмы «Войнаровский» (Москва, 1825), исторических «дум», гражданской лирики. Совместно с А. А. Бестужевым (Марлинским) основал альманах «Полярная звезда» (1823–1825). Один из организаторов восстания 14 декабря 1825 года. Казнен в Петропавловской крепости 13 июля 1826 года.

Жизнью и творчеством Рылеев тесно связан с Воронежским краем. Конноартиллерийская рота, где он служил, весной 1817 года была расквартирована в Острогожском уезде. Летом Рылеев находился преимущественно в слободе Белогорье, зимой – в слободе Подгорное. В январе 1819 года он женился на дочери местного помещи-

ка Н. М. Тевяшовой. В городе Острогожске и окрестных слободах и хуторах у Рылеева было много знакомых. По делам службы он неоднократно бывал в Воронеже, а в 1-й половине 1820-х годов несколько раз приезжал в Острогожский уезд. Вдова Рылеева весной 1827 года вернулась в село Подгорное с уцелевшей частью архива мужа и некоторыми книгами и журналами из его библиотеки.

На воронежской земле были созданы многие произведения Рылеева. Местными преданиями навеяна дума «Петр Великий в Острогожске» (1823). В Острогожском уезде надолго сохранился особый интерес к имени Рылеева. Именем поэта названа улица в Воронеже.

Стихотворная сатира Рылеева потрясала дерзким пафосом обличения. По словам современника, «одаренный необычайною живостию характера и саркастическим складом ума», Рылеев «писал на всех сатиры и пасквили, быстро расходившиеся по рукам».

К ВРЕМЕНЩИКУ
(Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию»)

Надменный временщик, и подлый и коварный,
Монарха хитрый льстец и друг неблагодарный,
Неистовый тиран родной страны своей,
Взнесенный в важный сан пронырствами злодей!
Ты на меня взирать с презрением дерзаешь
И в грозном взоре мне свой ярый гнев являешь!
Твоим вниманием не дорожу, подлец;
Из уст твоих хула – достойных хвал венец!
Смеюсь мне сделанным тобой уничиженьем!
Могу ль унизиться твоим пренебреженьем,
Коль сам с презрением я на тебя гляжу
И горд, что чувств твоих в себе не нахожу?
Что сей кимвальный звук твоей мгновенной славы?
Что власть ужасная и сан твой величавый?
Ах! лучше скрыть себя в безвестности простой,

Чем с низкими страстьми и подлою душой
Себя, для строгого своих сограждан взора,
На суд их выставлять, как будто для позора!
Когда во мне, когда нет доблестей прямых,
Что пользы в сане мне и в почестях моих?
Не сан, не род – одни достоинства почтенны;
Сеян! и самые цари без них – презренны,
И в Цицероне мной не консул – сам он чтим
За то, что им спасен от Каталины Рим…
О муж, достойный муж! почто не можешь, снова
Родившись, сограждан спасти от рока злого?
Тиран, вострепещи! родиться может он.
Иль Кассий, или Брут, иль враг царей Катон!
О, как на лире я потщусь того прославить,
Отечество мое кто от тебя избавит!
Под лицемерием ты мыслишь, может быть,
От взора общего причины зла укрыть…
Не зная о своем ужасном положеньи,
Ты заблуждаешься в несчастном ослепленьи,
Как ни притворствуешь и как ты ни хитришь,
Но свойства злобные души не утаишь.
Твои дела тебя изобличат народу;
Познает он – что ты стеснил его свободу,
Налогом тягостным довел до нищеты,
Селения лишил их прежней красоты…
Тогда вострепещи, о временщик надменный!
Народ тиранствами ужасен разъяренный!
Но если злобный рок, злодея полюбя,
От справедливой мзды и сохранит тебя,
Всё трепещи, тиран! За зло и вероломство
Тебе свой приговор произнесет потомство!

[1820]

ПРОВИНЦИАЛ В ПЕТЕРБУРГЕ

1. Первый выезд. Магазины

Приехав с женою в Петербург, которого ни я, ни она родясь еще не видали, захотелось нам побывать в нем везде и посмотреть на *все*. В следствие сего намерения, на другой же день нашего приезда предположили мы начать осмотр свой с храма Казанской богоматери: «в котором-де кстати, – примолвила жена моя, – и отслужим по долгу добрых христиан, благодарственный молебен за благополучное совершение нашего пути, а оттуда, душенька, заедем в магазин мадам А…» На первое предложение, как на богоугодное, я согласился с удовольствием, но при втором, признаюсь чистосердечно, от страху я невольно затрепетал, лоб мой покрылся морщинами и брови нахмурились… Жена моя хотя и не читывала Лафатера[1], но в четыре года замужества так успела всмотреться во все черты лица моего, что по малейшему движению умеет узнавать сокровеннейшие мысли мои. Приметив, вероятно, что я готовлюсь противуречить ей, она подскочила ко мне и так нежно, так сладко поцеловала, что все мои морщины, подобно тучам от дуновения ветра, исчезли, и я приказал Трифону (который, если не хвастает, знает Петербург *и вдоль, и поперек*) надеть свою ливрею и с запяток указывать кучеру дорогу.

Едва проехали мы несколько сажен по Невскому проспекту, как жена моя вскричала: «Ах, друг мой! Посмотри какая бесподобная шляпка! Заедем пожалуйста!» – Что ты! В уме ли? Разве позабыла, что мы не отслужили еще молебна! «Друг мой! ангел! утешь же меня! Ну, сам посмотри: что за шляпка на мне! Как я буду стоять в Казанской! Я сгорю со стыда!» Она проговорила это с таким жаром и так громко, что и проезжающие и проходящие оглянулись на нас. Боясь, дабы жена моя не заговорила еще громче, я поскорей приказал поворотить сани и привез ее в магазин.

– Что вам угодно? – спросила нас Француженка, не приподнявшись даже со стула своего. *Она, верно, встретила нас по платью…*

– Вот ету шляпку, – сказал я, указывая на ту, которая соблазнила жену мою.

– Подай! – сказала Француженка одной из сидевших за рукоделием девиц.

Шляпок было множество и одна другой лучше! Прежняя не обращала уже на себя внимания. Ее поставили на свое место – и начался перебор, который продолжался около часа. Сама мадам подошла на помощь – и, наконец, шляпка выбрана. Только я приготовился отсчитать сто двадцать рублей, как был остановлен сими словами:

– Постой, друг мой! я еще хочу взять этот эшарп[2].

– Не угодно ли, сударыня, – спросила мадам с чрезвычайной вежливостию, – взять еще чего-нибудь? У меня теперь очень много новостей из Парижа.

– Из Парижа? Ах, покажите, пожалуйста!

И услужливая торговка начала выдвигать ящики и выдвигать шкафы. Не более как в две минуты столы были завалены: материи разных сортов, платки, платочки, блонды[3], кружева лежали в самом соблазнительном беспорядке!

Между тем как на лице жены моей, у которой, как говорится, *разбежались глаза*, было написано удовольствие и радость, сердце мое билось так сильно, так сильно… как стенные часы! Мне весьма было досадно и на жену мою, и на модную торговку. Я предчувствовал, что от прихотей первой и от услужливости другой бумажник мой может истощиться. Рассудок беспрестанно твердил мне: пора для собственного благополучия сделать формальную ретираду[4]; но природная моя застенчивость и боязнь услышать от вежливой и услужливой мадам А. какое-нибудь неприятное приветствие не позволили мне воспользоваться добрым советом его. Я безмолвствовал, торговка без умолку лепетала, девушки как угорелые бегали по магазину с модною дрянью, а жена моя с жадностью пересматривала все. Наконец, выбрав себе материи и на капот, и на платья – с длинными и короткими рукавами, два эшарпа, из коих один *тру-тру*[5], блонд и несколько платочков, жена моя, попросила все уложить в кордон. Я заплатил пятьсот семьдесят пять рублей, и мы отправились далее. Мадам А. проводила нас до самых дверей, отворила их и

наговорила столько вежливостей, что и самым мелким письмом не упишешь и половины из оных на целом листе. *Она, верно, проводила нас по покупке.*

Только спустились мы с Полицейского моста, как взглянув налево, жена моя опять вскричала: «Ах, друг мой! Что мы сделали?.. Стой, Федот!» Кучер остановился. Я перепугался и подумал, не позабыла ли она чего в магазине, или не оставил ли я в нем бумажника своего, в котором было еще четыреста двадцать пять рублей, кроме пятнадцати рублей, особенно отложенных для молебна; я осмотрелся и удостоверился, что последней беды еще не случилось.

– Что ж сделали мы, и куда ты ведешь меня? – спросил я у жены, которая, взяв меня за руку, почти тащила на лестницу.

– Ужасную глупость! – отвечала она.

– Какую же?

– Ту, что купили шляпку не в етом магазине. Я видела в окошко одну такую, какой родясь еще не видывала.

– Сумасшедшая!.. – вскричал я. Но двери были уже отперты, и мы вошли. Жена моя и здесь принялась пересматривать и перебирать модные вещи, *только что привезенные из Парижа*. Мадам Б. услуживала еще ловче, нежели мадам А., и особенно умела прельстить одною шляпкою и модными часами с золотою цепочкою. Я было решился вооружиться всем моим хладнокровием, не слушать никаких просьб и убеждений и тем сохранить бумажник свой от конечного разорения, почему, приняв решительный вид, сказал твердым голосом: «Теперь у меня нет денег. Заедем *завтра*!» Но жена моя так нежно взглянула на меня, как еще ни разу не взглядывала, – даже и в самый день свадьбы нашей. Я растаял и спросил:

– Что стоют часы сии и шляпка?

– *Ровно* пятьсот рублей.

– Не дорого ли?

– Помилуйте! Мы лишнего никогда не просим: это весь город знает. *Мы никого не грабим.*

При сих словах мадам сделала такой суровой вид, как будто бы я обидел ее ужаснейшим образом. «Что делать? потешу жену и удовлетворю мадам», подумал я и, вынув бумажник, отдал последние из

оного четыреста сорок рублей, включая в то число и пятнадцать, взятых на молебен. Потом вынул я и кошелек, в котором как будто нарочно было золота и серебра ровно на шестьдесят рублей. Расплатившись таким образом и простясь с удовлетворенною Француженкою, сели мы в сани.

– Куда же мы теперь поедем? – спросил я у жены.

– Как куда, друг мой! А к Казанской… ты разве позабыл?

– Да зачем? Ведь мы хотели молебен отслужить, а у меня, по милости твоей, не осталось теперь ни копейки! Что делать? Поворачивай, Федот! Поедем домой.

Таким образом возвратились мы к себе в дом, не только не отслужив молебна, но даже не видев Казанского собора. Теперь я вот уже трое суток безвыходно сижу дома. Боюсь выдти. Что мне делать, сам не знаю!.. Первый выезд стоил мне тысячи семидесяти пяти рублей. Что, если и второй, и третий столько же будут стоить? Ехать вместе с женою – беда! Одну ее отпустить – и того опаснее! Сам выехать – боюсь; ибо, судя по неотступным просьбам жены, чтобы опять ехать в *Казанской собор*, я подозреваю, что она снова умышляет навестить или мадам А., или мадам Б., или незнакомую еще мадам В., которую особенно рекомендовала жене моей двоюродная сестрица.

2. Древние и новые

– Что тут удивительного, сестрица? Люди всегда и везде люди! – говорил наш уездный судья.

Не знаю откуда занял он сие короткое изречение, но верно уж не из судейской своей Архивы, ибо я уверен, что подобных справедливых сентенций ни он, ни предшественник его не делывали от самого учреждения Уездных Судов.

– *Люди всегда и везде люди!*.. Как это прекрасно сказано! Сие изречение, конечно, принадлежит какому-нибудь *древнему* мудрецу, который знал свет, как Трифон Петербург – *и вдоль и поперек*. Готов биться об заклад, что новые не скажут так коротко и вместе так ясно.

– Как же бы они сказали? – спросила меня двоюродная сестрица, которая не терпит ничего старого.

– Они верно бы сказали: «*Люди* и во времена патриархов, и во времена фараонов, и в золотой век Греции, и в славные дни Рима, т. е. *всегда*, и на востоке, и на западе, и на севере, и на юге, т. е. *везде*, были, как и в наше время, – злы, лицемерны, низки, подлы, льстивы, глупы, жестоки, коварны, любопытны, неверны, слабы, несправедливы…»

Но, сударыня, если я стану продолжать, то, верно, и в целый час не кончу, ибо *новые* так плодовиты, так болтливы, что каждую мысль, которую б *древние* выразили в нескольких словах, распространят, разукрасят, распестрят с таким усердием, что едва оная уместится и на двух страницах. Да и я не понимаю, сестрица, как может тебе нравиться долгий период? Он может утомить, замучить.

– Да что ж проку и в слишком коротких? Ах! сестрица, в краткости, мне кажется, и заключается главное достоинство…

– Воля ваша, – сказала сестрица, – думать как вам угодно, а мне *новые* нравятся гораздо более, нежели *древние*.

Кто переспорит женщину, а особливо такую, как моя сестрица? Что однажды возьмет она себе в голову, того уж ничем не вытеснишь из нее. Так, например, она утверждает и твердо стоит на том, что «Липецкие воды»[6] несравненно превосходнее «Недоросля». Сколько я ни опровергал сие странное мнение, но никак не мог оспорить оного. Я говорил, что характеры в «Липецких водах» не выдержаны; она, напротив, уверяла, что они и выдержаны, и списаны еще с натуры, и именно главное лицо и есть настоящий портрет княгини N., с которою сестрица не ладит. «Когда суждением управляет ненависть или пристрастие, можно ли тогда ожидать справедливости», подумал я, и – замолчал.

Может быть, некоторые читатели полюбопытствуют узнать, к чему сказал я сестрице: *люди всегда и везде люди*.

Вот в чем дело.

Сестрица, которой новости обеих столиц и даже из нашей степной губернии сообщаются посредством ее корреспондентов и кор-

респонденщиц с непостижимою скоростию, приехала *удивить* меня и жену мою вестью, полученною ею из нашего уездного городка.

– Знаете ли вы госпожу Зефирину?

– Боже мой, как не знать! – вскричала жена моя: – она первая красавица в нашем уезде, и хотя, по бедности родителей своих, не имела за собой ничего, но по участию вышла за одного хотя и *старого*, но богатого и доброго человека, который женитьбою своею составил не только для нее, но и для всех родственников ее счастие, помогая им в нуждах и воспитывая детей их на свой счет.

– Ну, так поздравьте же благодетельного помещика: Зефирина бросила *старика* и бежала с одним *молодым* драгунским офицером.

– Какая ужасная неблагодарность! – вскричала, жена моя, и на лице ее изобразилось негодование.

– Вот, братец, какие казусы случаются ныне и у вас в степи!

– Что ж тут удивительного, сестрица? – сказал я: – *люди всегда и везде люди!*

1821

---

[1] Лафатер (1741–1801) – основатель так называемой физиономистики – «учения», согласно которому по строению черепа, по очертаниям лба и лица можно определить характер человека.

[2] Эшарп – шарф.

[3] Блонды – шелковые кружева тонкой работы, белого или кремового цвета.

[4] Ретирада – отступление.

[5] Тру-тру – украшение из кружев.

[6] «Липецкие воды» – имеется в виду полемическая комедия А. А. Шаховского «Урок кокеткам, или Липецкие воды», направленная против В. А. Жуковского и его друзей – участников литературного объединения «Арзамас».

ВАСИЛИЙ СЛЕПЦОВ

Василий Алексеевич Слепцов *родился 17 июля 1836 года в Воронеже. Из дворян. Отец служил в Новороссском драгунском полку, который был расквартирован в Воронеже; спустя год Слепцов-старший вышел в отставку и семья переехала в Москву.*

В 1846 году будущий писатель начал учиться во 2-м классе 1-й московской гимназии, но из-за переезда семьи в Саратовскую губернию с 1848 года стал учиться в Дворянском институте в Пензе, который и окончил. Поступил на медицинский факультет Московского университета (1854), но через год увлёкся сценой и устроился актёром в Ярославский городской театр (под псевдонимом Лунин).

По словам Д. Мирского, «дворянин и красавец, Слепцов обладал необыкновенной привлекательностью для противоположного пола; он осуществлял на практике идеалы свободной любви, которые пропагандировало его поколение». От лицедейства Слепцов скоро перешёл к изучению народного быта и, по предложению этнографического отделения Императорского географического общества, отправился, по тогдашней моде – пешком, во Владимирскую губернию.

В 1857–1862 годах числился чиновником в канцелярии московского гражданского губернатора, часто бывал в московском литературном салоне графини Салиас-де-Турнемир.

Опубликовал несколько очерков из народной жизни в журналах разного направления, включая некрасовский «Современник» и «Северную пчелу». Под влиянием романа «Что делать?» Н. Г. Чернышевского увлёкся практическим решением «женского вопроса» и организовал в Петербурге в сентябре 1863 года знаменитую Знаменскую коммуну, просуществовавшую до июня следующего года и вгонявшую в ужас родителей молодых дворянок.

30 апреля 1866 года Слепцов был арестован по делу Каракозова, который 4 апреля покушался на жизнь императора Александра II. Никаких доказательств предполагаемой преступной деятельности Слепцова получено не было, и 18 июня 1866 года он был освобождён из Петропавловской крепости с оставлением под надзором полиции.

Умер 23 марта 1878 года в городе Сердобске Саратовской губернии.

По воспоминаниям А. Я. Панаевой, Слепцов хорошо знал людей из «простого класса», самые мрачные и молчаливые из них «становились с ним разговорчивыми до откровенности… с каждым из них у него был особенный слог, который совпадал с языком какого-нибудь мастерового, мужика-рабочего или торговки-бабы».

Определив жанр своих текстов как «записки», Слепцов создает рассказы, основанные на личных наблюдениях и сообщениях встречных. В них он мастерски передает диалоги, сохраняя индивидуальные речевые особенности говорящих и не скрывая собственного иронического, а подчас и сатирического отношения к происходящему.

По словам А. М. Горького, в прозе Слепцова «чувствуется печальная усмешка человека, который сомневается во всем, что в ту пору было принято думать и говорить о деревне. Он изображает мужика неумным, равнодушным к ближнему и своей судьбе, притерпевшимся ко всем несчастьям, почти безропотно подчиненным чужой воле даже тогда, когда ему ясно, что ее цели глупы и вредны его интересам».

СВИНЬИ
Деревенские сцены

В Куравинском волостном правлении получена была на имя волостного головы бумага такого содержания:

«По случаю следования по тракту, пролегающему чрез Куравинскую волость, его сиятельства графа Остолопова, имеешь ты немедленно озаботиться о том, чтобы дороги, равно мосты и гати находились к 13-му числу сего месяца в исправности и надлежащем порядке, а так как его сиятельство во время перемены лошадей в селе Куравине будут иметь обеденный стол, то вменяется тебе в непременную обязанность неупустительно сделать зависящее распоряжение и строжайше внушить сельским старостам, сотским и десятским, дабы они не препятствовали крестьянам означенной волости встретить его сиятельство с хлебом-солью. Буде же которое-либо сельское общество в отдельности или же все в совокупности пожелают отслужить напутственное молебствие о здравии его сиятельства или, отпрягши лошадей, везти графский экипаж на себе, то и сему также не препятствовать, но о таковом желании крестьян донести мне лично, для чего имеешь ты явиться ко мне в город».

Волостной писарь, получив это предписание, послал сейчас же сторожа за головою. Сторож нашел голову на пчельнике, где он сидел на корточках у пенька, весь обмотанный тряпками, и подкуривал пчел. Лицо у него было завязано решетом.

– Что там еще? – закричал голова, недовольный тем, что ему помешали.

– Идите проворней, бумага пришла. Нужно, – говорит сторож, отмахиваясь от пчел.

– Тьфу ты! пропасти на вас нет, с бумагами-то совсем, – говорил голова из-под решета. – Отроиться не дадут.

Однако через несколько времени он пришел в правление. Писарь прочел ему бумагу. Голова слушал молча и глядя в землю.

– Понял? – спросил писарь.

– Понял. Ну-ка, прочитай-касьеще!

Писарь еще раз прочел.

– Так, – сказал голова. – Ну, что ж теперь делать?

– Больше ничего, что поезжай в город.

– В город, – повторил голова и вздохнул; потом стал чесать в затылке; чесал, чесал, наконец сказал: «Тьфу ты!» – и ушел. Однако сейчас же опять вернулся.

– Что ж это такое значит? Иван Митрич, скажи ты на милость, – спросил он у писаря. – Господи!

– Да ничего! Что ты? Поезжай, скажут.

– Знаю я, что скажут, да… ах ты! главная это досада пчела. Такая пчела, я тебе скажу, – сила! Сроду я такой пчелы не видал. Только было стал подсаживать. Матка – настоящий бык ревет. Да ведь какая обида-то – намедни еще в лесу три пенька поставил.

– Это точно, что обидно, – подтвердил писарь.

– А ты как думал? Теперь, братец мой, пчеле самый ход, а ты в город. Ах, Боже мой! Я онамедни лекарю говорю: «Нет, говорю, мне счастья на пчел, хоть ты что хочешь. Нету, нет».

– Что делать, служба, – заметил писарь и стал вносить «входящую» в настольный регистр.

– Служба? А я про что ж? Самая наша каторжная жись. Вот летошний год тоже было охоту завел – гусей; ну, бросил. Ох, так как же насчет бумаги-то?

– Говорят тебе, что скажут.

– А отписаться нельзя?

– Нельзя. Поезжай лучше без разговору.

– И поедешь. Ничего нельзя сделать, – говорил про себя голова, уходя из правления.

Вернувшись домой, он убрал пчел, новую матку в пустой пенек отсадил и велел сыну не отходить от нее; потом запряг лошадь, постоял среди двора, подумал, залез в тележку, сказал сам себе: «В город» – и поехал.

Народ в это время был весь почти в поле, на жнитве, а потому никто и не знал о полученной бумаге. Только писарь сходил к дьячку, да еще сторож болтнул целовальничихе, что по дорожному делу голову потребовали в город. Однако мужики, вернувшись на ночь

домой, уж узнали, что дело неладно. Сейчас одна старушонка накинула зипунишко и побежала к другой.

– Ох, мать, беда!

– Какая беда?

– И-и! Такая ли беда – неслыханная. Ты что знаешь? Ведь голова-то в город уехал.

– Что так?

– Да слышь, грамоту прислали, чтобы тыись всем миром молебствие служить, потому, слышь, дорогу такую хотят строить, чтобы на людях возить.

– Полно?!

– Сейчас провалиться.

– Ах, Господи!

– Да еще какой грех-то, мать ты моя: который, слышь, ежели везть не захочет, станет упираться, – того сейчас к лошадиному хвосту привяжут и по чисту полю размычут.

– М-м! Царица небесная!

– Последние наши денечки пришли.

Старухи сели рядышком на лавку и стали причитать, как над покойником.

А дьячок, как свиделся с другом своим, с целовальником, так и пошел всех останавливать на улице, говоря:

– Братцы, постоим за веру православную! Что ж? Неужли ж нам перед батюшкой-царем свиньями себя показать?

– Это в казаки, что ли? – спрашивал на улице один мужик у другого.

– В казаки. К Успленьему дню чтобы тыись в готовности быть, одно слово.

– Да, да, да. Это конные?

– Уж одно слово – казаки.

– Ну, так, – заключил мужик и пошел дальше.

В кабаке уж стон стоял.

– Как же так это, братцы, на людях возить станут? – спрашивал один мужик у другого. – Какая же это такая правила?

– Такая, стало быть, и есть, – отвечал ему другой.

– Да где ж она показана, эта самая правила?

– Нигде не показана. А вот запрягут, и повезешь.

– Ври больше!

– Вот тогда узнаешь.

– Это верно, – заметил третий. – Запрягут, известно, повезешь.

– Ничего не поделаешь, – подтвердили все.

– А вот я так не повезу, – вдруг выискался один бездомный мужичонка.

– Как так?

– А так, что не повезу. Сейчас упаду наземь – и шабаш.

– Упадешь! Как же! Нет, там тоже на вашего брата, поди, чай какой кнут припасен.

– Упадешь. Ишь ты ловок!

– Да что ты кнутом-то своим со мной сделаешь? – настаивал мужичонка. – Ну, бей! Побьют, побьют и отстанут. Я сейчас дух в себя вберу и не дышу. Вот гляди!

Мужик хлопнулся об земь и прикинулся мертвым. Однако другие вступились:

– Нет, это что ж, братцы; это так скверно. Нет, у нас чтобы без обману: уж коли везть, так везть всем миром, а то на-ка что!

– Эдак, пожалуй, всякий захочет: об земь хлопнулся – раз! и кончено.

– Нет, братцы, так не годится. Трушка, черт, вставай! Где тут палка-то у нас?

Трушка вскочил и убежал.

Мужики тоже пошли вон из кабака, но на улице в разных местах толпился народ; везде шли толки про дорогу. Впрочем, о дороге скоро совсем бросили рассуждать. Об этом пуще всего бабы горячились. Ну да мужики им мало верили, потому что бабы стали рассказывать совсем уж несообразные дела.

Один мужик пришел домой, видит, баба сидит на пороге, воет.

– Что ты, дура, воешь?

– Ох, головушка горькая!

– Чем горькая-то!

– Да ведь я синельшыку холстину-то отдала.

– Ну что ж, что отдала?

– Теперь небось от синельшыка-то одни косточки остались.

– Почему так?

– Да ведь его к хвосту привязали.

– Кто тебе сказал?

– Бабы сказывали.

– О, дура! Поди ужинать сбирай!

А многие бабы, как услыхали про дорогу, так стали сбираться: все тряпье уложили в коробья и попрятали, кто на гумно в солому, кто в подполицу. Одна баба схватила ухват и всю посуду перебила.

Муж пришел.

– Ах ты, окаянная! Что ты наделала?

А баба так и крошит горшки, чтобы никому не доставались.

– На что ты доброе-то переколотила?

– Да куда ж его беречь? Как эдакая страсть придет, что тогда? Ничего не унесешь.

– Какая страсть-то?

– А Бог ее знает, какая!

На другой день, утром рано, голова вернулся из города, а уж его старуха с невесткою все свои коробья в лес перетаскали, сами надели котомочки с хлебом и собрались уходить.

– Куда вы?

– А в лес.

– Зачем?

– Корониться.

– От кого корониться?

Бабы и не знают.

Голова, как приехал, так первое дело сходил на пчельник, поглядел, не отроился ли новый рой, а потом сейчас же велел десятским народ скликать на сходку. Старухи еще пуще стали выть. Мужики собрались все у правления, а бабы столпились позади их. Вышел голова.

– Здравствуйте, православные!

– Здравствуйте, Прохор Степаныч, – сказали мужики.

Голова посмотрел вокруг.

– Бабы, пошли прочь отселе!

Бабы стали приседать и прятаться.

– Пошли домой! Робята, гоните баб!

– Ну вас! – закричали мужики.

Но бабы не шли.

– Постой! – сказал один десятский; выдернул из плетня кол и начал махать на баб. Другой десятский сбегал в правление и принес метлу; и прогнали баб.

Голова не вдруг мог собраться с мыслями, наконец сказал:

– И что теперича я вам скажу, старички почтенные.

Мужики слушали, но голова затруднялся и не знал, как приступить к делу.

– Да уж ты не томи нас, – заговорили мужики.

– И вот я вам скажу, – начал опять голова, – от начальства приказ. И как типериче, значит, весь мир, которые все православные християне у престола всевышнего творца все равно, как верные рабы. Так будем говорить: вот хучь бы ты, Пахом Игнатьич, – как ты сейчас перед заступницей царицей небесной, так все одно…

Но на этом слове его перебили:

– Да уж ты сказывай, что ли, по многу ли с души-то.

– По гривне, что ли?

– Нет, не по гривне, а больше ничего, что ежели теперь кто слово, то велено представлять. Вот и всё. А как, значит, мир, то, чтобы всё в порядке, не как прочие, а так надо стараться, чтобы как лучше.

– Да ты это про что?

– А все про то, что мосты мостить.

– Это на что ж так?

– А на то, что велено. И еще дорогу ровнять, все выбоины землей закидать, а в трясину хворосту навозить, потому начальство поедет, так чтобы мне из-за вас в ответе не быть.

– Так бы ты и говорил! А еще что?

– А еще ничего. Когда скажут, тогда и узнаете.

Мужики задумались.

– Да говори! Чего мяться-то? – спросили некоторые.

– Не знаю. Говорят вам, не знаю.

– Ну, полно, Прохор Степаныч. Да ты хошь так, намекни!

– Что ж, мы тебя не выдадим. Не опасайся.

– Сказывай скорей! В казаки, что ли? – крикнул кто-то сзади.

– В какие казаки?

– Да уж мы знаем, в какие.

– Мы, брат, уж это все узнали. Ты нас не морочь.

– Что вы, черти? С ума вы спятили?

– Нету, брат, – загалдели мужики. – Нас тоже на кривой-то не объедешь.

– Вот окружной узнает, он вам таких казаков задаст!

– Толкуй: окружной! Ступай, сказывай окружному. Окружной!.. Эй, робята, кто в кабак? Там все дела разберем.

Сходка разошлась. В кабаке действительно все дела разобрали и на том порешили, чтобы последний разок послужить – дорогу сровнять, хворосту навозить, а потом в казаки. Хлеб так в поле и покинули.

– Не замай, птица поклюет, – рассуждали мужики. – Птица-то, ведь она тоже есть хочет. А нас Господь напоит, накормит. И без этого хлеба живы будем.

– Мы и так довольны. Слава тебе, Господи!

Один мужик пришел к голове и сказал ему:

– Мы, брат, тобой довольны. Пойдем, я тебе косушечку поднесу.

Баб хотя и прогнали со сходки, но они все-таки сзади подкрались к мужикам и все слышали. Мужики поехали в лес за хворостом, а бабы повязались красными платками, пошли канавки рыть, дорогу ровнять и весь день на работе песни играли. На ночь все мужики опять собрались к волостному правлению и послали за писарем, а сами припасли ведро вина. Пришел писарь, его обступили. Один взял его за плечо и сказал:

– Вот что, брат, Иван Митрич, ты слушай: мы тебе ведро вина и три целковых деньгами, а ты чтобы все по-нашему. Понимаешь?

– Ну, только, чур, чтобы не вилять, – прибавили остальные.

– Да что вам нужно-то?

– Пиши нас в казаки!

– Как в казаки?

– Так и пиши, что жалаем, охотой идем.

– Что, мол, так и так вот, мужички оченно жалают.

– Гм! – сказал писарь. – Как же я вас буду писать?

– Уж это твое дело. Мы, брат, что следует, мы от свово слова не отопремся. Сказано – кончено дело.

– Да это что говорить, – подтвердили все.

– Уж это верно, без обману. Сказано, три целковых деньгами, ведро вина и шабаш. Чтобы без разговору.

– Понимаю я все это, понимаю.

– Ну, а коли понимаешь, так, значит, и толковать нечего. Получай и пиши!

– Написать, отчего не написать, это не трудно; да что толку-то? Положения-то ведь такого нет, чтобы в казаки записывать.

– Нет, есть, – вступился мужик.

– Где оно есть-то?

– Известно где. Да ты нам этого не толкуй. Мы тоже слыхали довольно слова-то эти.

– Мы, брат, тоже не глупей тебя, – загалдели мужики.

– Ишь дураков нашел! Положение! Как нет положения? Сказано, в казаки, ну, и…

– Ну и что? – спросил писарь.

– Ну и ёрник ты, и нечего с тобой толковать, – закричал мужик.

– Ёрник и есть, – подтвердили остальные. – Это все у них одна шайка подобрана.

– Черти! – закричал писарь. – Что ж, мне из-за вас под суд идти, что ли? Аль мне жысь не мила?

– На что под суд? А ты говори дело! Мало тебе ведра, ну два поставим, а не то – три. Мы из-за этого не постоим.

– Ах вы, оглашенные! Что мне с вами делать? Слушайте вы!..

– Нет, ты слушай, что мы тебе говорим, а нам тебя слушать нечего. Бери деньги и пиши; а не хочешь, – мы другого найдем.

– Ну и ищите.

– Ну и найдем. А ты думал, не найдем?

– И черт с вами совсем. Сами лезете в омут головой. Туда вам и дорога.

– Ступай к кобыле под хвост, – сказали мужики.

Писарь плюнул и пошел домой.

Мужики стали рассуждать промеж себя:

– Целковый-рубь накинуть можно. Волки его ешь!

– Черт его дери, так и быть, накинем.

– Робята, верните его!

– Эй! – закричали они писарю вслед. – Бери четыре целковых, черт с тобой! Гляди сюда – вот они!

Но писарь махнул рукой и пошел дальше.

– Наплевать, – сказали мужики.

Кто-то присоветовал:

– Посылайте за дьячком!

Послали; но посланные вернулись без дьячка, – нейдет.

– Пойдемте сами к нему.

Пришли.

– Ты что ж, долгогривый шут, нейдешь?

– А вот постойте, братцы, я к батюшке схожу, – спрошусь.

– Не ходи!

– Нет, никак нельзя, надо спроситься.

– Ну, пути не будет, – сказали мужики.

Пошел дьячок к попу и пропал. Ждали, ждали, нет дьячка.

– Ах, дуй-те горой! Сходите, робята, к попу, покличьте дьячка!

Один парень выискался, пошел; подкрался из проулочка к попову дому, заглянул в ворота, видит – попова работница стоит, рубашки вешает.

– Эй! слышь ты, умница!

– Что ты?

– Выдь сюда! У! дура! что ты боишься?

Работница поглядела кругом и вышла.

– Где у вас дьячок?

– А он на гумне лежит, в солому зарылся.

– А, чтоб те прострелило! Как быть, братцы мои? – рассуждали мужики, все еще стоя у правления.

Вот едет мимо в телеге мужик, из соседней деревни торгаш.

– Что вы тут стоите? Здравствуйте, братцы!

– Здорово, – ответили мужики.

– Ай драть кого хотят? – спросил торгаш.

– Зачем баловаться, – ответили мужики.

– Не все драть, пора это оставить, – заметили другие.

– Чего ж вы дожидаетесь?

– Да вот дела тут у нас, – нехотя ответили мужики.

– Какие дела?

– А вот запись подавать хотим, охотой в казаки идем.

– Да, да. Так что ж? За чем дело стало?

– Ни за чем не стало. Мы хошь сейчас, а главная причина – грамотея такого не найдем.

– Писарь-то что ж?

– А ну его! Толковать еще с ёрником. Ты не слыхал ли, брат, тут человечка такого, пописьменнее? Очень было нам нужно.

Торгаш стал думать.

– Да вот нешто Поликашку-кантониста к вам послать. Такая-то петля! Его тоже за эти дела пужали немало.

– Подавай его сюда! – закричали мужики в один голос.

– Бегите, робята, проворней, лошадь запрягать, за Поликашкой.

– Какой такой Поликашка? – спрашивали, подходя, остальные мужики.

– Да кантонис.

– Ах, в рот те, кантонис! – замечали мужики и пошли дальше.

* * *

Накануне же с вечера приехал повар с кухнею и поместился в волостном правлении. Он сейчас же потребовал дров одну сажень, кур восемь штук, яиц полсотни и три ведра молока. Когда все было принесено, повар надел куртку, колпак и стал готовить. Бабы всю ночь так от правления и не отходили, все глядели в окна.

За полночь в кабаке за перегородкою сидел у стола кантонист. Перед ним лежал лист бумаги и полтинник денег. Тут же стояла свеча в железном подсвечнике, чернильница и полштоф водки. Вокруг стола толпились мужики. За перегородкою было жарко и тесно; му-

жики отирали с лица пот, вздыхали и пристально глядели на бумагу. Они молча поодиночке подходили к столу, получали от кантониста перо, и каждый ставил на бумаге по три креста. В дверях виднелся целовальник, в ситцевом фартуке, со сложенными на груди руками. На потолке гудели мухи. В отворенное окно слышно было, как кто-то неподалеку рассуждал:

– Ну, наделаете вы дела. Помяните мое слово.

А девки всю ночь песню играли:

Как на речке на Дунае,
Там казак коня поил.

Прошло три дня. Все это время мужики из кожи лезли, старались: дорогу сровняли, гать завалили хворостом и песком усыпали, мосты поправили, возле дороги канав нарыли и дерном обложили. Приехал окружной, собрал мужиков и начал их учить, как графа встречать: отобрал пять человек стариков повиднее, велел им расчесать бороды и одеться получше. Двое должны были поднести хлеб-соль, а остальные трое – местное произведение, дугу. Прочим мужикам сказано было, что как только окружной махнет рукой, то чтобы шапки вверх кидать и кричать ура. Кроме того, еще двоих верховых отрядили встречать; один за мостом должен стоять, а другой за полверсты от села, на дороге; и только завидят графский экипаж, сейчас должны скакать сломя голову в село. А когда будет уезжать, то все должны броситься, отпрячь лошадей и по всему селу провезти экипаж на себе. Ребятишек на этот случай велено всех убрать и на улицу ни под каким видом не пускать; кур, гусей и собак тоже всех запереть. Распорядившись таким образом, окружной сел в тарантас и собрался было ехать в город; вдруг видит, с поля гонят стадо домой. Он велел кучеру остановиться и закричал пастуху:

– Эй, ты! как тебя? Пастух!

Пастух остановился и снял шапку.

– Чего извольте?

– Слушай! Завтра ты скотину домой не загоняй, покуда я тебе не велю! Слышишь?

Пастух глядел на окружного и хлопал глазами.

– Слышь, что я тебе говорю?

– Слышу, – ответил наконец пастух. – Как не уйдет, так не пригоню, а как ежели уйдет, что с ней сделаешь? Ведь она скотина.

– А я тебе говорю, не пускай! Какой же ты пастух после этого?

– Это точно, только… Эй, Ионка! – закричал он подпаску. – Верни овец! Тррь - ря! Вот позвольте, что я вашей милости доложу!

– Ну?

– Вот вы изволите приказывать – не пущай; ну, как вам угодно, а я с свиньями плачу.

– Об чем же ты плачешь?

– Да как же? помилуйте! Эта свинья – хуже ее нет. Теперь стадо-то еще вон де, в поле, а уж свиньи дома. Уж у ей такая привычка. Как ей час пришел, так уж в тот раз ее ни с чем не удержишь: уйдет и уйдет. А тут и вся скотина за ней. Так-то.

– Ну, мне тут некогда с тобой толковать. Сказано тебе, и кончено, – там как знаешь. Умирай с ними в поле, а не пускай! – ответил окружной и поехал.

– Слушаю-с, – сказал пастух, поправил кнут на плече и пошел, потом оглянулся на тарантас окружного, надел шапку и крикнул на овец: «Гай-ди! Рь!..»

* * *

Наступило 13 число. Бабы чуть свет вскочили – печки затоплять, париться; а мужики дегтем сапоги стали мазать. Собралось начальство: голова, сотские, десятские, и пошли стариков снаряжать; голова дугу принес новую, всю расписанную, в городе купил. Пришли все в правление, а потом за стариками пошли. Старухи как увидали, так хлопнулись об земь и стали вопить:

– Ох, вы на-ши кор-ми-и-лецы! Ох, и кор-ми-ле-цы, по-и-илецы!

– Полно вам, дуры! – закричал на них голова.

– Ах, да на ко-го ж вы нас по-ки-инули?

– Говорят, перестань! – кричал голова, дергая одну старуху за руку. – Вот окружной приедет: он вам ужо даст вопить.

– Ох, и батюшка ты наш, Про-хор Сте-па-ныч! – продолжала старуха, валяясь по земле.

– Ну их! – сказал наконец голова. – Пойдемте, старички'! Авось живы будем. Ну, с Богом!

Повели стариков.

– Ты, дядя Матвей, не опасайся, – говорил один парень на ухо старику. – Коли ежели чуть что, выручим.

– Все Божья воля, – сказал старик и вздохнул.

А бабы рассуждали:

– Вот ведь по-нашему и вышло. Ишь ты, запрягать повели.

Когда взошли все в правление, голова сказал:

– Ну, старички, молитесь Богу!

Старики стали молиться. После того голова велел их замереть в чулан и приставил к ним двух сторожей с дубинками; а еще двух парней, которые побойчей, отрядил верховыми и послал на дорогу графа высматривать. Потом все разошлись.

Голова, вернувшись домой, велел своей старухе пироги сажать, сам пошел на пчельник, меду целую корчагу принес и поставил на стол.

– Ты у меня смотри, – говорил он своей жене. – Ноне у нас граф будет обедать. Потить за водкой послать. Федька, беги проворней, четверть возьми сладкой! Слышишь? – говорил он сыну. - Он поди, чай, окромя сладкой, никакой не пьет. А то нет, постой! Четверть мало. Да что тут толковать; возьми полведра! Да вот что! Старуха!

– Чего?

– Поди из анбара принеси пряники, что я онамедни купил в городу, и орехи захвати! Все на стол становь, – говорил голова, вытирая стол полою кафтана.

В это время к окну подъехали верховые. Голова вышел на крыльцо.

– Прохор Степаныч, нам тоже по дубинке взять? – спросил его один.

– На что?

– Да как же? Нельзя. В случае что.

Голова задумался.

– А я было какую дубинку вырезал, – сказал другой.

– Ну, что ж? Ну, возьмите! – сказал голова. – Трогай!

Парни поскакали.

Приходит к голове мужик:

– Прохор Степаныч!

– Чего тебе?

– Оченно уж у меня хомут хорош. Шлея сыромятная, здоро-овая. Продаю.

– На кой мне его?

– А для стариков. Как же без хомута?

Голова его прогнал.

А у кабака народ все прибывал. На завалинке сидел Поликашка-кантонист, вокруг него толпились мужики.

– Тепериче вы, братцы мои, – говорил Поликашка, – и глядите. Как он из стола будет вылезать, тут вы сейчас ему под веселую руку и подайте!

– А окружному не сказывать? – спрашивал один мужик.

– Эк ты! Окружной чтобы ни Боже мой не знал. Он тебя туда запрячет, что ты и не выдерешься.

– Так, так, – говорили мужики.

– Ну, кому ж теперь эту самую грамоту беречь? Давайте канаться!

– Зачем канаться, а надо так, кто старше. Петра! Тебе много ли годов?

– Кто их считал? Я почем знаю.

– Ну, значит, тебе, Максим Иваныч. Ишь борода у те какая!

– Нет, я не возьму.

– Что так?

– Я боюсь.

– А, дурак-черт!

– Стойте, робята! Никому не отдавайте! Что я вздумал!

– Ну, что?

– В землю зарыть.

– Эвося! Собаки выроют.

– А мы камнем завалим.

– И то. Несите, братцы, заступ да тряпицу захватите почище!

– Постой, я онучи принесу.

– Онучи не годятся. Тут надо платок. Стащите кто-нибудь у бабы платок.

– Ах, вы, головы! Платок! Порядку не знают. Нешто можно в платок? В законе как показано?

– Как?

– Там прямо показано: в чистое, говорит, полотенце и с молитвой…

– Да ты почем закон-то знаешь? Нешь ты поп?

– Поп не поп, а знаю.

– Поди к черту!

Принесли заступ, завернули бумагу в платок, зарыли у кабака и камнем завалили. Тем временем одна старуха продиралась в волостное правление, к чулану, где сидели старики. Сторожа ее гонят.

– Батюшки, голубчики! – просила старуха.

– Что тебе нужно?

– Да мне старика-то мово поглядеть. Хошь одним бы глазком глянуть на него.

– Ступай! ступай! – закричали на нее сторожа.

– Родимые вы мои! Пустите, в щелочку посмотреть!

– Не велено. Ступай!

Старуха вытащила из-за пазухи две лепешки и подала сторожам, говоря:

– Вот хошь лепешки-то ему отдайте. Может, пожует. Прохорыч! да жив ли ты? – крикнула старуха.

– Жив, – ответил в чулане старик.

– Ах, кормилец! – вскрикнула старуха и залилась слезами.

* * *

Около полудня прискакал становой, покричал, покричал и уехал; за ним вслед исправник, потом окружной. Суета пошла по селу, беготня; ребят всех попрятали, старухи забились по углам. Исправник кричит: «Лошадей!» Окружной кричит: «Десятских сюда! Старики с хлебом-солью вперед! Баб и девок поставить на выгоне хороводы водить! Мужиков сюда, больше! Хромые и увеч-

ные, пошли домой! Бабы, которые постарше, тоже домой! Десятские, по местам!»

Пока окружной приводил все в порядок, прискакал нарочный с известием, что граф будет только к вечеру, чай кушать. Несмотря на это, мужикам не велено отлучаться с места. Так все и простояли до вечера. Наконец, часу в осьмом, завидели парня, скачущего во весь дух к селу.

– Едет! едет! – загудели мужики.

Толпа зашаталась, перекрестилась и тронулась навстречу графу.

– Нну! что Бог даст!..

Впереди шел окружной, за ним голова в форменном кафтане и сотские с бляхами; потом два старика с хлебом-солью и три старика с дугою. За ними двигалась толпа мужиков. В сторонке на выгоне кучей стояли бабы и девки.

– Запись-то здесь, что, ли? – спрашивали шепотом в толпе.

– Уж она, брат, в кабаке давно. Трушка подает. Его теперь так-то ли вином накачивают – для смелости.

– Шапки вверх кидай! Но, робята, не робей! Ура! о! у!

Полетели шапки. Граф, сидя в коляске, кланялся. Окружной к нему подлетел…

– Лошадей! – сказал граф.

– Его сиятельство чай кушать не будут, сейчас едут, – говорил окружному графский лакей.

В это время подошли к коляске сельское начальство и выборные от крестьян.

– Вассс… – зачастил окружной, – осчастливьте! Народное чувство, вассс… дерзнули…

– Благодарю, благодарю, – сказал граф.

– Местное произведение, вассс… – сказал окружной, указывая на стариков с дугою.

– А! Это хорошо. Рад.

– Проворней лошадей! – кричал графский лакей.

Из кабака в это время вышли два мужика, ведя под руки Трушку с бумагою в руках.

– Мотри не робей! – толковали ему мужики.

– Ну, вот! Где он тут? Давай его сюда! – кричал Трушка.

– Тише, дьявол! – унимали его мужики.

– Э! Пропадай Трушкина голова!..

Лошадей привели таких, что шесть человек удержать не могут. Окружной махнул, девкам: валяй! Девки затянули песню. Лошадей в одну минуту запрягли, и все вышло как следует.

– Прикажите начинать? – спросил голова шепотом у окружного.

– Начинай!

– Эй! Робята, на себе!

– Ура-а! – заревели мужики и бросились отпрягать лошадей.

Давка пошла. Вожжи оборвали…

– Не надо, не надо, – милостиво улыбаясь, говорил граф.

А Трушка между тем уже лез в коляску с бумагою.

– Ты куда? – крикнул на него окружной; в один миг вырвал у него бумагу и спрятал, так что граф и не видал.

Еще не успели отпрячь лошадей, вдруг видит окружной, что с поля бегут свиньи: одна, другая, третья, а за ними без шапки, с кнутом, вылупя глаза – пастух; за пастухом овцы, коровы, хвост кверху, рев, блеяние, визг… Налетели, и под ноги лошадям. Лошади взбесились, вырвались и понесли. Мужики за ними: держи! держи!..

Наконец поймали, запрягли. Граф, перепуганный и недовольный, уехал.

Когда все кончилось, окружной велел мужикам собраться к правлению и вышел на крыльцо; в руках у него была запись.

– Ну-ка, голубчики! Кто в казаки желает, выходи сюда! – сказал окружной.

Мужики опустили головы.

1864

ИВАН ВОРОНОВ

Иван Карпович Воронов *родился в Воронеже 3 января 1870 года. Окончил Воронежскую учительскую семинарию (1889), учительствовал в Землянском уезде, позднее служил в статистическом отделе Воронежского губернского земства.*

Автор книг «Материалы по народному образованию в Воронежской губернии» (Воронеж, 1899; редактор и предисловие Ф. А. Щербины), «Город Воронеж: Население и недвижимые имущества» (Воронеж, 1903). В 1900-е годы участвовал в революционном движении, находился временами на нелегальном положении, в конце 1909-го переселился в Петербург, а спустя полгода эмигрировал в Англию.

Осенью 1911-го вернулся в Россию. С декабря 1918 года работал в Воронежском губернском отделе народного образования: заведующий статистическим подотделом, помощник заведующего школьным подотделом. Некоторое время читал лекции по английской литературе в Воронежском государственном университете. В последние годы жизни работал экономистом в облплане.

Автор имеющего сатирическую направленность цикла «тюремной лирики», публиковавшейся в горьковском сборнике «Знание» (1909–1911), а также рассказов из народной жизни, статей о русских и зарубежных писателях.

Умер в Воронеже 15 ноября 1934 года. Воронежская писательница О. К. Кретова опубликовала о нем очерк «Мой дядя Ваня».

СЛЕСАРЬ

Пришел рабочий к королю:
«Я – слесарь…» – «Наш привет! –
Король ответил. – Очень жаль,
Что королевы нет…»

«Сойдет и так, – сказал бедняк, –
К тебе я: трудно жить!..»
– «Кому легко! – вздохнул король. –
Но чем могу служить?»

«Ломоть бы хлеба мне…» – «Ломоть?
Ясней сказать изволь!»
– «Но что же может быть ясней:
Я голоден, король!»

«Что значит – голоден, мой друг?
В таких делах я – пас!
Но канцлер мой – знаток большой;
За ним пошлю сейчас…»

Немало времени прошло,
Пока скакал гонец;
Премудрый канцлер во дворец
Явился наконец.

«Послушай, канцлер, – как же так?
Вот – голоден бедняк…»
И был ответ учтив и быстр:
«Сейчас придет министр».

Пришел и он, отдал поклон
И, не подняв очей,
Сказал печально: «Государь,
Здесь нужен казначей».

И тот пришел, и тот нашел,
Что правда дело дрянь,
Но в этом деле не сильна
И казначея длань.

«От склада хлеба и муки
Я не храню ключей, –
За этим смотрит эконом», –
Прибавил казначей.

На зов явился эконом
И, плача, уверял,
Что хлеб хранится под замком,
А ключ он потерял.

«Но я за слесарем пошлю;
Как только приведут…
Постой! – воскликнул эконом. –
Да он ведь тут как тут!»

«Ура! ура! – вскричали все,
И каждый поднял нос. –
Как ловко разрешили мы
Запутанный вопрос!»

Но слесарь им: «Спасибо вам.
В другой, однако, раз
Помочь себе сумею сам
И обойдусь – без вас!»

<1910>

ЕВГРАФ ДОЛЬСКИЙ

Евграф Евгеньевич Дольский *родился 30 мая 1890 года в Воронеже. Сын священника. Окончил Воронежскую гимназию (1908), Петербургский политехнический институт, служил инженером в Обществе Юго-Восточных железных дорог (Воронеж). В 1919 году ушёл с белыми на Кубань, в Воронеж вернулся в 1922 году. Инженер в службе пути Юго-Восточной железной дороги. С 1930 года работал в Воронежском инженерно-строительном институте. Автор ряда учебников по механике. Во время Великой Отечественной войны оказался в Киеве, где позднее работал в инженерно-строительном институте, будучи кандидатом технических наук.*

Как сатирик печатался в воронежской периодике с конца 1900-х годов. С 1913 года публиковался в петербургском журнале «Новый Сатирикон». В 1920-х годах помещал произведения в ленинградских журналах «Бегемот» и «Смехач». После 1929 года художественные произведения не публиковал.

Автор нескольких изданных в Ленинграде книг юмористических рассказов, в том числе «Весёлые приключения» (1927), «Похищение ведьмы» (1928).

Умер в 1963 году в Киеве.

Сатира Евграфа Дольского принципиально онтологична. В своих рассказах он высмеивает саму основу бытия, а не какой-то конкретный отдельный социум. Таков был знаменитый стиль «Нового сатирикона», где Дольский начинал. Но если большинство авторов самого популярного сатирического журнала Серебряного века повествовали исключительно о жизни в имперской столице, то героями рассказов Дольского были обитатели провинции, где писатель обнаруживал немало смешного и абсурдного.

ГРУБЫЙ АГЕНТ

Тук, тук, тук!

– Что вам угодно?

– Дайте, пожалуйста, билет в жесткий вагон до Воронежа.

– Вы ошиблись, гражданин, это не билетная касса, а телеграфное отделение.

– Ну?

– А билетная касса рядом.

– А вы билетов не продаете?

– Нет.

– Один не можно продать?

– Можно и двадцать, но только в билетной кассе. Рядом.

* * *

Тук, тук, тук!

– Что вам угодно?

– Скоро билет?

– Какой билет?

– Билет в жесткий вагон до Воронежа. Только, пожалуйста, дайте мне в вагон подальше от паровоза. А плацкарту нечетную.

– Гражданин, я уже сказал вам, что это телеграфное отделение, а билетная касса рядом.

– Там написано, что все билеты проданы

– Что же делать, помочь вам ничем не могу.

– Если нельзя дать в вагоне далеко от паровоза, дайте в каком придется.

– Гражданин, вы знаете, что такое телеграф?

– Знаю.

– А если знаете, так, позвольте, я закрою окошко.

– Ладно. Только вы, пожалуйста, поскорее. Уже первый звонок был.

* * *

Тук... тук... тук...

– Что уг... Опять вы?

– Уж очень вы, дядя, копаетесь, эдак и поезд может за мое почтение уйти.

– Извините, мне некогда. Уберите руку.

– Вы не имеете права разговаривать так с пассажирами.

– А вы не имеете права требовать билета в телеграфном отделении.

– Где же прикажете требовать?

– Вам русским языком сказано, что в билетной кассе, – рядом.

– Тем же самым русским языком вам сказано, что там все билеты проданы, а окошко закрыто.

– Постучите.

– Стучал. Не откликаются. Должно быть, правда никого негу.

– Ну, это не мое дело. Я билетов не продаю и, вообще, прошу вас не отрывать меня от работ.

– Что же вы тогда, – позвольте узнать, – продаете?

– Марки.

– А билеты?

– Рядом.

– Говорят же вам, что там уже проданы все билеты.

– Пустите руку.

– Ну, ну, ну!

– Пустите... Пус...

Хлоп!

* * *

Тук… тук… тук…

– Кто там?

– Отворите.

– Говорите, что надо?

– Открытку.

– Три копейки.

– И билет до Воронежа.

– Гражданин, честное слово, вы смеетесь надо мной.

– Голубчик, до смеха ли мне, если позарез надо выехать из Москвы, а на всем вокзале нельзя купить паршивого билета!

– На вокзале купить можно…

– Так что же вы не продаете? Разве вы не на вокзале?

– Это телеграф. Понимаете – телеграф, Здесь можно послать телеграмму, купить марку, открытку, перевод, – ясно?

– А билет продать рука отвалится? Вы думаете, поверю я вам, что вы не можете продать? Одна компания! Что, тот же кассир будет в претензии, если один билет продадите вы, а не он?

– Позвольте, я закрою окошко.

– Нет, не позволю. Наплодили чертовых бюрократишек, и носись теперь с ними. Видите ли! Ежели посадили меня на марки, так хоть тресни, я билета не продам! Стыдно! Надо хоть немножко заботиться об интересах пассажиров! Тоже! Москва!

– Ругаться вы можете и при закрытом окошке! А ну!

Хлоп!

* * *

– Слушайте, я жаловаться буду! Откройте окошко! Вам говорят, откройте! Откройте! Вы думаете, мне надоест стучать?

– Что надо? Что надо? Билет? Нет билетов! Это телеграф! Нет билетов! Это телебиле-телебиле… тьфу!

– Отошли?

– Ну, вас!

– Ну, ну, успокойтесь... Я, конечно, понимаю вас, – жалованье маленькое, семья большая, еле-еле на прокорм хватает... Вот и сорвешь иной раз злобу на пассажирах. Ну, ничего, я принесу вам сейчас из буфета бутылочку пива, чтобы вы совсем успокоились, а вы тем временем, не сочтите за труд, дайте мне билет до Воронежа и, пожалуйста, подальше от паров...

День... День... День...

– Третий звонок Рязань – Козлов – Воронеж – Ростов.,.

– Эх, ты, дотянул! Бюрократишка! А я его хотел еще пивом угощать! Тьфу!

1925

ТАРАКАНЫ

На какой-то версте, – я уже не помню, на 579-ой или 759-ой, – стоит путевая будка. В этой будке живёт путевой сторож Ермолай Пряников. Если сложить, во-первых, лета будки, во-вторых, лета Пряникова, а, в-третьих, то самое число лет, какое не ремонтировалась будка, то получится круглая цифра: «двести».

Однажды случилось вот что:

Подъехала дрезина и с неё слезло шесть человек. Люди вошли в будку и осмотрели её.

Потом сказали Ермолаю Пряникову:

– Ну, дядя, отпустили, наконец, средства на ремонт будки. Отремонтируем её тебе, будет, прямо, первый сорт.

– Так точно, – ответил Пряников.

– И всех тараканов тебе выведем, – пообещало начальство.

– Выведешь? – не поверил Пряников.

– Выведем.

Пряников глянул в сторону печки. Глянули туда и все: там стояла Матрёна Пряникова.

– Слышь, Матрёна, – сказал Ермолай, – тараканов выведут.

– Скажут! – не поверила Матрёна.

– А вот увидишь! – успокоило её начальство. – Так тебе преобразим будку, что ни одного таракана не останется!

И уехало. И сдержало слово.

Будку чинили, скоблили, чистили, белили, словом, сделали всё, что надо. Получилась не будка, а пряник.

– Ну, – припомнило начальство, – не верил, что ни одного таракана не оставим? Ну?

– Так точно, – ответил Ермолай, – нет ни одного.

– То-то и оно. Чистота, так уж чистота. Ну, прощай, живи в полное удовольствие…

– Вот, Матрёна, – сказал Ермолай после отъезда начальства, – будка теперь у нас первый сорт. Может, только у комиссара и есть такая чистота. Но только как же это такое, что тараканов нам всех вывели?

– Не сомневайся, – успокоила его Матрёна, – не сомневайся, Ермолай Иванович, я целую баночку тараканов поядренее на развод оставила.

– Да, ну! – обрадовался Ермолай, – ах, чтоб тебе! Разуважила! Ну, спасибо! Стой! А живы ли они?

– Живы, живы, сама их прикармливала.

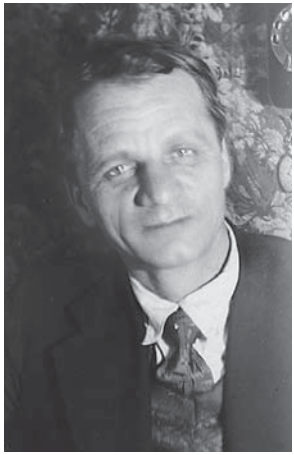
– Ну, подавай их сюда. Пущай гуляют.

И, любуясь побежавшими врассыпную тараканами, прошептал:

– Блааадать… Блааадать… И чистота, и уют… Блааадать!..

1926

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ



Андрей Платонович Платонов *(настоящая фамилия Климентов) родился 16 августа 1899 года в Ямской слободе, пригороде Воронежа. Из рабочих. Окончил в Воронеже 1-е высшее начальное училище (1914), электротехническое отделение железнодорожного политехникума (1921), недолго учился на историко-филологическом факультете Воронежского государственного университета (ноябрь 1918 – май 1919). Трудовая деятельность началась для Платонова с осени 1914 года. К лету 1918 года относятся первые известные публикации стихов. С февраля 1922 года являлся сотрудником губернского земельного отдела (управления). Возглавил в губернии мелиоративные работы и электрификацию сельского хозяйства. Одновременно занимался журналистикой и литературной деятельностью. В мае 1926 года переехал в Москву (позднее неоднократно бывал в Воронеже).*

В годы Великой Отечественной войны – фронтовой корреспондент газеты «Красная звезда».

Умер 5 января 1951 года в Москве.

По словам профессора Л. Е. Кройчика, автора книги «Усомнившийся Платонов: Стихия комического в произведениях писателя», этот автор «в своих комических произведениях свободно разрушал границы между абсурдом и реальностью, снимая покров неуязвимости с изображения отрицательного явления».

Андрей ПЛАТОНОВ

АНТИСЕКСУС

От переводчика. Ниже нами приводится текст рекламной брошюры, изданной в Нью-Йорке на 8 европейских языках «Международным промышленным обозрением» («Industriale Internationale Revu»).

Нельзя отказать в незаурядном литературно-рекламном даровании составителю этой брошюры, как нельзя отказать этому деловому сочинению в империалистическом цинизме, корректной порнографии и чудовищной пошлости, вызывающей своими размерами даже грусть. Однако есть что-то в стиле этой брошюры, что роднит ее с духом Анатоля Франса, если позволено нам будет здесь произнести это великое и честное имя. Это, отчасти, и дало нам смелость опубликовать это неслыханное произведение.

Нет лучшего документа для характеристики эпохи живого загнивания буржуазии и ее полной моральной атрофии, чем нижеприводимый.

Ничего подобного не приходилось читать даже нам – искушенным профессиональным читателям.

Ожидая всего от современных заправил капитализма, бюрократии, фашизма и военщины, давших свои отзывы рекламируемому прибору, мы все же не ожидали у них полного отсутствия ума и чувства элементарного такта.

Конечно, т. Шкловский, тонко сыронизировавший посредством формального метода надо всей этой ахинеей, из этого правила исключается.

Оказывается, не права физиология («мозг разлагается одним из последних органов»), а права русско-большевистская поговорка: разум отнимается первым – у того, кого хочет казнить История.

Именно так: поэтому и смердит на все земное пространство от этого демонстрируемого англо-евро-американского сочинения, от этого сектора империализма.

Поэтому лучшая контр-«антисексуальная» агитация – напечатание этого любопытного документа, ибо у людей задвигается вы-

ражение на лицах, а на лицах засияет розовый смех – лучший друг души и желудка и худший враг всего этого индустриально-морально-физиологического удушающего безумия.

Антисексус

Патентованные аппараты
Беркман, Шотлуа и Сн, Лтд.

Главное правление: Берлин – Лондон – Женева – Вашингтон.
Генеральные агентства:
Лондон, Париж, Копенгаген, Брюссель, Нью-Йорк, Варшава, Будапешт, Багдад, Пекин, Сингапур, Шанхай, Гонконг, Мельбурн, Чикаго, Франкфурт-на-Одере и на-Майне, Токио, Лиссабон, Севилья, Рим, Афины, Монтевидео, Константинополь, Ангора, Калькутта, Рио-де-Жанейро, Буэнос-Айрес, Мекка, Каир, Вифлеем, Александрия, Бангкок, Дамаск, уполномоченные на всех пассажирских судах «Гамбург – Америка линия», а также на воздушных линиях «Дерулюфт» и «Люфтганза».

Милостивые государи и государыни!

Столь различны эпохи, столь различны местоположения стран, столь различны культуры, где работает наша мировая фирма. Однако, спрос на наши патентованные изделия имеется всюду – от Арктики до Антарктики, включая и эти последние, не исключая, однако, и диких стран меж тропиками Рака и Козерога.

Страсти человечества господствуют над временами, пространствами, климатами и экономикой. Распространение нашей фирмой изделий металлообрабатывающей промышленности для удовлетворения этих страстей есть дело космического порядка – и по линии метафизики и по линии морали.

В высшей степени симптоматично то, что, вопреки общепринятому мнению, кривая годового сбыта наших изделий, при равных условиях экономики и числа населения, в северных широтах не разнится от таковой же кривой сбыта в широтах южных – в тропиках.

Отсюда позвольте заключить, что физиология человека почти абсолютно одинакова и стоит вне зависимости от пространств, времен, рас, уровня культур, наличия книгопечатания или отсутствия такового, безобразия расы или прелести таковой и прочих привходящих обстоятельств.

Отсюда очевидно, что полное наличие удовлетворения обуславливает наличие потребности. Мир сам по себе стремится лишь к потреблению, а не производству, мир не производит даже желания наслаждения, когда нет возможности получить это последнее.

Имея уже мировой опыт сбыта своих изделий, неустанно совершенствуя конструкцию выпускаемых аппаратов, расширяя сеть заводов (число их достигло – к 1/I-1926 – 224), неусыпно заботясь об индивидуальных оттенках потребления и приспособляя к этим оттенкам конструкции своих аппаратов, мы решили включить в свой экспорт рынок Советского Союза, полагая, что емкость его достаточна, чтобы оправдать наши организационные расходы, неминуемо связанные с необходимыми приспособлениями к особенностям этого нового рынка, ибо без учета всех конкретностей данной обстановки нет коммерческого успеха.

Виднейшими моральными авторитетами мира наша деятельность признана не подлежащей никакому сомнению, напротив, достойной государственного поощрения и частной благотворительной поддержки, чем фирма не преминула своевременно воспользоваться и будет пользоваться впредь.

Шеф фирмы г. Беркман уже включен в кандидаты на получение премии имени Нобеля и в истекшем году получил honoris causa почетное звание д-ра этических и эстетических наук от Парижской академии.

Не задерживая Вашего дорогого стоящего внимания, разрешите поделиться, в самых общих чертах, теми принципами, кои положены в основу деятельности нашей мировой и единственной фирмы ее учредителями.

Сдавленные эпохой войн сексуальные силы человечества неудержимо расцвели в послевоенное время. Это отчасти способствовало загрузке наших заводов и финансовому благополучию фирмы.

Неурегулированность половой жизни человечества, чреватость бедствиями, как последствие этой неурегулированности, – вот предмет мучительного душевного беспокойства учредителей нашей фирмы и истинная причина нашей положительной деятельности.

Общеизвестна также связь сексуального чувства с нравственностью. Общепризнана святость древнейшего института брака, вытекающая из непреложности супружеской любви и вечности общего спального ложа, таящего в себе высшие положительные наслаждения и, как следствие, душевное умиротворение. В браке истина заменена покоем. Во всяком случае – ни один философ мира не докажет, что лучше. Человечество же высшей истиной признало покой. Объектом же индустриальной и коммерческой деятельности может быть лишь человечество, а философы таким объектом не могут быть.

Исходя из этого, наша фирма заявила патенты во всех цивилизованных странах на электромагнитный аппарат «Antisexus», долженствующий урегулировать сферу пола, и вместе с ней и благодаря этому, – высшую функцию человека – дух его, так сказать, притаившееся божество, которое нужно, наконец, сделать явным и общеупотребительным, как одно из рядовых благ цивилизации.

Неурегулированный пол есть неурегулированная душа – нерентабельная, страдающая и плодящая страдания, что в век всеобщей научной организации труда, в век Форда и радио, в век Лиги наций, Резерфорда и проектируемого межпланетного сообщения посредством живой силы, вложенной в так называемый «кирпич» Крейцкопфа, – не может быть терпимо.

Прогресс идет ломаной линией, т. е. отдельные точки его бессильно отстают от других точек. Наша фирма призвана уравнять линию прогресса, наша фирма призвана уничтожить сексуальную дикость человека и призвать его натуру к высшей культуре покоя и к ровному, спокойному и плановому темпу развития.

В век социально-экономических кризисов, когда материально затруднен брак, в век алиментов, когда почти невозможно деторождение, когда женщина стала вновь лишь призраком поэтов, благодаря нищете мужчин, мы призваны решить мировую проблему пола и души человека.

Из грубой стихии наша фирма превратила половое чувство в благородный механизм и дала миру нравственное поведение. Мы устранили элемент пола из человеческих отношений и освободили дорогу чистой душевной дружбе.

Учитывая, однако, высокоценный момент наслаждения, обязательно присущий соприкосновению полов, мы придали нашему аппарату конструкцию, позволяющую этого достигнуть, по крайней мере, в тройной степени против прекраснейшей из женщин, если ее длительно использует только что освобожденный заключенный после 10-ти лет строгой изоляции. Таково наше сравнение – таков эквивалент качества наших патентованных аппаратов.

Далее, особый регулятор позволяет достигать наслаждения любой длительности – от нескольких секунд до нескольких суток, будет свободное время у уважаемого потребителя. Особая план-шайба позволяет регулировать в объемных единицах расход семени, и этим достигать оптимальной степени душевного равновесия, т. е. не допускать излишнего истощения организма и понижения тонуса жизнедеятельности.

Наш лозунг – душевная и физиологическая судьба нашего покупателя, совершающего половое отправление, вся должна находиться в его руках, положенных на соответствующие регуляторы. И мы этого достигли. Кроме того, глубокие старики, выпавшие из сексуального чувства, вновь приобщаются к нему нашими приборами. Мы работаем для всех возрастов и для всех народов.

Мы уже 8 лет выпускаем лишь три типа наших аппаратов для мужчин и три типа для женщин. Рынок, по-видимому, не требует большего разнообразия, благодаря широким вариациям, которые допускает устройство каждого типа, в соответствии с индивидуальными особенностями потребителя.

Идя навстречу нашему новому покупателю – оригинальному обитателю советских стран, мы допустили особые льготы, как то: членам профсоюзов по коллективным спискам скидка до 20% с прейскурантной стоимости и рассрочка до одного года. Цены наших аппаратов на 1926 г. следующие:

1. Тип BS^{S} 00042 для индивидуального потребления,
без стерилизатора – 20 длр.

2. Тип BS^{S} 001843 для потребления ограниченной группой лиц (напр., для мужской части семьи),
со стерилизатором – 40 длр.

3. Тип BS^{S} 000000401 для потребления неограниченной массой лиц (ставится в общественных уборных, ж. д. вагонах, рабочих бараках, на митингах, в театрах, на улицах, в учреждениях и т. п.),
с автоматом-стерилизатором – 100 длр.

Цены указаны без скидки, без упаковки, франко-база.

Для женщин идут те же три типа прибора, тех же назначений, лишь с удорожанием на 15% против указанных цен.

Еще раз подчеркивая недосягаемость, по нравственной высоте, наших принципов деятельности, почтительно указывая на необходимость организации Вам в себе самой существенной Вашей части – души, стоя на страже Ваших экономических интересов, оберегая таковые от покушений половых стихий, смеем предложить Вам, произведя необходимые одновременные капитальные затраты, раз навсегда вычеркнуть статью расходов по половому удовлетворению из расходной части Вашего бюджета и тем самым стать на путь финансового и морального преуспеяния.

В ожидании Ваших любезных заказов и запросов,
пребываем к Вам с совершенным почтением
генеральный агент для Сов. стран
Яков Габсбург

Отзывы знаменитых людей об аппаратах «Antisexus»

Война – всемирная страсть человечества. Она не пребудет, пока не пребудет жизнь на земле, что бы ни говорили усталые люди и их мечтатели-политики. Война – мужество: она пребудет, пока мужественна и поступательна жизнь.

Аппараты гг. Беркмана, Шотлуа и сына последнего сыграют, я уверен, в ближайшую же войну великую роль, когда ими будут обслужены тысячи молодых людей, скопленных на фронте.

Уже в истекшую войну военачальники считались с духом войск. Вынужденное целомудрие порождает излишнюю нервность. Нервное же войско есть поражение. Нам нужны армии людей с душевным равновесием, способных к десятилетиям войны.

Вышеназванные аппараты призваны помочь военачальникам в их тяжелой работе на пути к победе.

Гинденбург

Гг. Беркман, Шотлуа и С^{н} открыли новую блестящую эру в нравственном служении человечеству. Нет сомнения, исторический оптимум есть всеобъемлющее регулирование вселенной мозгом человека, – регулирование, которое должно предстать перед нами в виде трансформатора, превращающего стихии в закономерные автоматы.

В свое время, когда мне было 25 лет и я только женился, уже предо мною стояла эта задача, задача регламентации брачной физиологии в точную форму, но моя мысль, отвлеченная занятиями по механике, не сосредоточилась тогда на этом. Сожалею об этом. Может быть; я отказался бы тогда от организации предприятий по фабрикации автомобилей и пошел бы по пути фабрикации приборов, автоматизирующих и нормализирующих нравственность, что более соответствует моему душевному строю.

Но гг. Беркман, Шотлуа и С^{н} предугадали мою юношескую мысль и широко ее осуществили на пользу общества. Душевно рад этому.

Желаю новой промышленности, так блестяще организованной гг. Беркманом, Шотлуа и С^{н}, мирового процветания, желаю расширений сбыта благотворной продукции этой удивительной фирмы, распространив продукцию через скотоводов для всего животного населения планеты, а не только для людей, число коих роковым образом будет ограничиваться работой аппаратов этой же фирмы. Таковым мероприятием укрепится активная часть баланса фирмы, а с нею укрепится и моральная устойчивость мира.

Генри Форд

Из анализа себестоимости аппаратов под названием «Антисексус» мы усмотрели его излишнюю дороговизну. Я поручил калькуля-

ционному бюро пересчитать эту стоимость применительно к нашему сырью и оборудованию и выяснить возможность ее снижения. Мне доложили, что понижение возможно на 30% (пока). С будущего года мы ставим производство Антисексусов на своем заводе в Детройте.

Кроме того, мы позволим себе допускать рассрочку платежа до 5-ти лет, чем покупаемость аппаратов сделаем абсолютной для каждого гражданина.

Этим навсегда и сразу будет ликвидирована проституция, а также все безработные приобретут эти аппараты.

От молодых же рабочих мы отнимем необходимость жениться, чем стабилизируем их бюджет, а это последнее позволит нам обойтись без дальнейших повышений зарплаты, столь тормозящих дальнейший прогресс технического усовершенствования наших заводов.

Форд-сын (Иезекииль)

Лучше в железку сливать семя, если не хочешь превратить его в древо мудрости, чем в беззащитное тело человека, созданное для дружбы, мысли и святости.

Ганди

Приборы гг. Беркмана, Шотлуа и $C^{н}$ облегчают метрополии управление страстными расами колоний и снижают число бессмысленных бунтов, направленных против цивилизации и имеющих в своей причине, как теперь можно установить, лишь одно неудовлетворенное половое чувство молодых людей. Очень серьезно также облегчилось командирование в колонии первоклассных администраторов, так как их женам не грозит, обычное прежде, изнасилование. Независимо от того, и жены администраторов, снабженные аппаратурой фирмы, не пойдут навстречу изнасилованию.

Чемберлен

Я против Антисексуса. Тут не учтена интимность, живое общение человеческих душ, – общение, которое всегда налицо при слиянии полов, даже когда женщина – товар. Это общение имеет незави-

симую ценность от полового акта, это то мгновенное чувство дружбы и милой симпатии, чувство растаявшего одиночества, которое не может дать антисексуальный механизм.

Я за фактическую близость людей, за их дыхание рот в рот, за пару глаз, глядящие в упор в другие глаза, за ощущение души при половом грубейшем акте, за обогащение ее за счет другой встретившейся души.

Я поэтому против Антисексуса. Я за живое, мучающееся, смешное, зашедшее в тупик человеческое существо, растратой тощих жизненных соков покупающее себе миг братства с иным вторичным существом. И еще потому я против всей этой механики, что я всегда стоял и буду стоять за конкретное, жалкое, смешное, но живое – и обещающее стать могущественным.

Чарли Чаплин

Примечание фирмы. Принимая во внимание протест г. Чаплина, не избегая печатания отрицательных отзывов, фирма доводит до всеобщего сведения, что она уже поручила лучшим своим инженерам изыскать рациональную конструкцию нового Антисексуса, действующего не только на половую сферу, но и на высшие нервные центры одновременно, дабы механически создать те бесценные моменты ощущения общности с космосом и дружбы высшего смысла ко всему живому, о которых так исчерпывающе пожалел г. Чаплин.

Фирма полагает, что это ощущение общности жизни ей удастся создать не в виде отвлеченного чувства, а в виде милого конкретного образа женщины или мужчины, соответственно полу потребителя, – образа наиболее близкого, наиболее желанного нервно-психическому строю потребителя.

Однако, фирма не надеется на широкое распространение аппаратов этого типа, ибо известно, что любовь, – а в отзыве г. Чаплина речь идет, очевидно, об истинной, хотя и преходящей, любви, любовь не есть свойство, общее всем людям, и расчеты на нее, мы полагаем, не могут коммерчески рентироваться. Любовь, как установила современная наука, есть психопатическое состояние,

свойственное организмам с задатками нервного вырождения, а не здоровым деловым людям. Но мы работаем не только для всех возрастов и всех народов, но также и для всех органических структур во всем их разнообразии, ибо фирма преследует цели нравственного благоустройства мира прежде всего.

По поручению фирмы:
Г. Беркман

Сделав половой акт единоличным, вытеснив из него вторую живую половину, сделав половое отправление общедоступным, без всяких препятствий, – мы на прямой дороге к целомудрию, к господству омолаживающего принципа – использование выделений желез внутренней секреции в пределах самого организма.

Проф. Штейнах

При употреблении Антисексуса переживаешь молодость и после крепко спишь. Я не спал так хорошо за последние 25 лет. В моем организме открылись какие-то замершие было источники юности. Я очень благодарен фабрикантам Антисексуса. Моя дочь предложила мне основать Институт перманентной юности имени гг. Беркмана, Шотлуа и сына его. Я дал согласие и деньги на это счастливое дело.

Морган

Мы потеряли с введением антисексуальных аппаратов известный комплекс красивых и мощных движений, сопутствующих божественной страсти. Об этом надо пожалеть.

Но мы приобрели известный половой комфорт, определенную экономию времени, равновесие здорового организма и независимость от женских капризов. Это надо приветствовать… Кроме того, я думаю, современное кино скомпенсирует утраченный комплекс половых движений, очистив их от привкуса бессознательного и зверско-стихийного, заменив их легким преодолением пространств могучим и девственным телом.

Дуг Фербенкс

Будущее принадлежит цивилизации, а не культуре: будущее завоюет душевно-мертвый, интеллектуально-пессимистический человек. В пошлой плоскости истинной цивилизации немыслим брак – дух фаустовского стиля, – там мыслимо лишь механическое освобождение от избытка сырых органических сил, не могущих сублимироваться в дух. Автомат «Антисексус» еще раз ознаменовал ту эпоху, в которую мы входим – цивилизацию – мертвое, удобное здание, фундамент которого уперт в зеленые травы живой, погибшей культуры.

Освальд Шпенглер

Автомат «Антисексус» чрезвычайно необходим при долгих путешествиях и очень удобен в пользовании. Эти автоматы совершенно необходимо теперь включить непременными элементами в оборудование каждой экспедиции, мало-мальски научно снаряженной. Наличие автоматов – лишний плюс для обеспечения успеха экспедиции.

Свен Гедин

Когда я был в России, я слышал песенку:

Хорошо тому живется,
Кто с молочницей живет:
Только ступит на порог,
Как сметана и творог!

Теперь, когда ежедневно беднеет Европа, и еще далеко не богата Россия, когда на каждого не придется по жене-молочнице, нужна механическая «молочница». Ее и призван заменить механизм «Антисексус». Ежегодно на проституцию тратит человечество около пятисот миллиардов рублей, не считая косвенных затрат здоровья, потери колоссального времени, наличия целого международного общественно вредного класса проституток и проституток и пр. и т. п.

На эти сбережения, которые в сумме дадут около триллиона рублей в год, можно купить молока, сметаны и творога для каждого, не обуславливая такое сытное питание необходимостью иметь жену-молочницу.

Да. Но экономию в триллион в год, общедоступное молочное питание сделал ведь Антисексус! Поэтому он действительнее любой самой революционной экономической реформы.

Клайнс

Я не пишу, я обычно действую. Я рассматриваю Антисексусы как необходимое вооружение каждого культурного человека, – вооружение, действительное и дома и на фронте. Наш король декретировал освобождение Антисексусов от всякого налога и пошлины. Женщина, освобожденная от половых обязанностей и половых последствий, увеличит актив нашей страны. Для члена союза фашистов наличие Антисексуса обязательно – его должен иметь каждый, – от римского нищего до нашего короля.

Муссолини

Женщины проходят, как прошли крестовые походы. Антисексус нас застает как неизбежная утренняя заря. Но видно всякому: дело в форме, в стиле автоматической эпохи, а совсем не в существе, которого нет. На свете ведь не хватает одного – существования. Сладостный срам делается государственным обычаем, оставаясь сладостью. Жить можно уже не так тускло, как в презервативе.

Виктор Шкловский

Примечание фирмы. Не имея возможности поместить все отзывы здесь, фирма предполагает издать три тома, специально посвященные оценке наших аппаратов мировыми светилами ума, чувства, поэзии, науки, добра, пользы, социал-демократизма, финансов, политики, коммунизма, техники и эстетизма. В ближайшем томе будут помещены оценочные рассуждения гг. Л. Авербаха, Землячки, Корнелия Зелинского, Сун Цзилин, Бачелиса, Гроссман-Рощина, Детердинга, С. Буданцева, Лоуренса Виндроуэра, Осинского, генерала По Лу Гай, Тарасова-Родионова, проф. Вестингауза, Киршона и мн. др. уважаемых авторитетов.

Андрей Платонов,
переводчик с французского

<1925–1926>

АНДРЕЙ НОВИКОВ

Андрей Никитич Новиков *родился 18 декабря 1888 года в селе 1-я Семеновка Воронежского уезда Воронежской губернии. Из крестьян. Участник Первой мировой войны. Редактор газеты «Известия» (город Балаково Самарской губернии, 1919). В 1922–1925 годах – сотрудник периодических изданий в Воронеже («Воронежская коммуна» и др.), Орле, Иваново-Вознесенске, Брянске. С весны 1925 года жил в Москве. Член литературной группы «Перевал» (до октября 1931 года). Близкий друг Андрея Платонова. Автор нескольких изданных преимущественно в Москве книг, в том числе «Барский двор» (1928), «Причины происхождения туманностей» (1929), «Родословная многих поколений» (1935), «Ратные подвиги простаков» (1935, 1936).*

12 января 1940 года арестован, расстрелян 28 июля 1941 года. Посмертно реабилитирован в 1957 году.

На родине писателя (ныне – Верхнехавский район) сельская библиотека носит его имя (с 1989), в ней оборудована комната-музей писателя.

В Воронеже в 2005 году вышел сборник избранных сочинений Новикова «Ратные подвиги простаков». В предисловии к книге профессор ВГУ Т. А. Никонова, определяя главное свойство сатирической прозы писателя, отмечает: «Для А. Новикова бюрократ – не

только чиновник, мешающий нормальной работе государственной машины. С его точки зрения, он есть порождение глубоких внутренних противоречий, корни которых в несовпадении интересов народа и власти. Отдельный человек бюрократической власти не нужен, она оперирует только „массами“».

ЛИКИ ВОРОНЕЖА

Кое-что из его прошлого

Воронеж – город старый. Вот выписка из приказа: «Построить город на реке Ворона, что от Великого Затона днища два».

Как видите, Воронеж основан тогда ещё, когда расстояние не измерялось мерами длины, а измерялось днями, человечьим шагом без счету, т.е. пешком от Великого Затона «днища два».

Тому делу назад лет около четырехсот. После, лет через двести, по приказу «великого человека» мобилизуются десятки тысяч «малых людей» – крестьян для постройки кораблей.

Оживает город – гибнут, умирают оторванные от семейства, от родного очага люди.

Вспыхнули и погасли «великие идеи» – замирает жизнь «надолго и всерьез».

Это маленький кусок из далекого прошлого. К нему мы вернемся ещё, он служит фактором, из которого вылились последствия. Да не один Воронеж и начало не с его времен. Начиналось это давно, ну и пускай. Дальше в старое засматривать не будем, а лучше перейдем на –

Проспект Революции

Тоже своя маленькая история. Раньше Большая Дворянская, ныне, по воле Великого Октября – проспект Революции. Тогда, днем чисто выбритая метлою дворника, ночью – залитая электричеством. Ныне же она исковыряна великим временем.

С раннего утра суетливо бегут хозяйки, прислуги и хозяева – на рынок. В десять – суетливые лица с портфелями и без оных. Напудренные, завитые барышни на службу не спешат, идут, раскланиваются, стараются встретить знакомого, передать о часе свидания.

Днем улица безмолвна. Одиноко торчат неуклюжие торговые будки да изредка бойкий торговец папиросами – мальчик, пробегая, крикнет нараспев:

– Эклер 900, ростовские здеся, вот они…

Извиняюсь. То было недавно. Теперь мелкая торговля запрещена, и мальчики рекламируют «свою торговлю» другим способом: налетят с ящиком 5–10 человек и – наперебой:

– У меня хорошие: Совнаркомовские, Наполеон, Сальве.

– Дядя, у него не бери, у меня дешевле.

– Ванька, мать твою туды, не отбивай покупателя, морду набью.

Торговля мальчиков строится по-взрослому. Имеются мальчики «крупные торговцы»: для мелких продают оптом, розницей не занимаются.

Категория вторая уличных детей – нищие. За вами каждый раз бегут и слащаво-жалобным голосом:

– Дяденька, дайте хоть сто тысяч на хлеб. Дяденька, подай, Христа ради, на хлеб.

Бежит до тех пор, пока свернете в квартиру или дадите просимое.

Косится, проходя, толстопузый нэпман:

– Ишь, сколько вас развелось, «господа-товарищи», пройти некуды.

Крепко сплюнет и выругается человек в прокопченной блузе:

– Тьфу, черт вас возьми, да где же вам набраться копеечек?

А иногда (очень редко, конечно) солидная дама откроет ридикюль, вытащит красненький лимон.

– Возьми, деточка, Христос с тобою!..

День сменяет тусклый вечер. Глотают люди пыль, выбивают остатки цемента, уничтожаются подметки ботинок.

Шепчутся «сладкие любовные» слова, переливается звонкий смех, толкаются, ходят важно, не спеша.

Позднее выходят женщины в ярких костюмах, чересчур напудренные, с налепленной на губах краской.

– Гришка, ежли б тебя поцеловала ета мамзеля, то вся бы краска прилипла к тебе на губы.

– Пойдем и поцелуешь. За сто рублей – тридцать три удовольствия…

Идут, напевают:

– У-у… у-у… у-у…

Щемит сердце, наполняется оно грустью, тяжело давит грудь. Хочется крикнуть:

– О, люди!

– Есть, есть хотим! – звучит другой голос в ушах.

Да. Кусок хлеба, а из-за него – многие.

На правой стороне «профессионалки» – специалистки, потрепанные жизнью, сифилисом, триппером, хрипатые, накрашенные, в шляпах с широкими полями. Правая сторона – бойкое место.

– Не заработаешь – не поешь. Не угодно ли вам провести приятно времячко?

Время на них махнуло рукой – они неисправимы.

Категория вторая – на левой стороне от Михайловских часов до Зимнего театра. Здесь: молодые, робкие, скромно одетые, меньше накрашенных. Ходят парочками, с книгами в руках. Это начинающие.

Робко шепчут проходящему:

– Одолжите закурить.

Голос таинственный, тяжело вздыхают, у каждой свой роман, вроде:

– Взял, обесчестил, выбросил, как ненужную вещь.

Категория третья – любительницы. Дамы они важные, внешность прикрывают умело. Одеты они изящно, гуляют по проспекту с мужчинами, гордо подняв голову, знакомым кланяются вежливо, подавая руку, изгибают ее для поцелуя.

Целуют им руки не только привыкшие к такому роду «почтения к даме», но… но, к сожалению, краснею за них, люди общественного положения, наши «новые люди» с этикеткой на пролетария.

Любительницы имеют лозунг:

– Жить, брать от жизни всё, иначе какой смысл в жизни.

Денег они не берут. Пьют спирт, шампанское, проводят весело время, а деньги:

– Боже сохрани и помилуй, разве я какая-нибудь проститутка?!

…Строился город по приказу. По приказу гибли люди. Гибнут теперь в погоне за куском хлеба, гибнут от грубости. Сильной волей смылось проклятое прошлое, результатом чего – настоящее. Всякая борьба – насилие, в насилии грубость. Загрубели сердца, но не нужно жалости, нужен разум. К разуму и общественному мнению мы обращаемся по сему вопросу.

Рынок-базар

У каждого рынка – свои особенности.

Где бывает так, как у нас в Воронеже? Юркий торговец-мальчик на руке таскает с полдюжины дырявых лицованных брюк.

– Вот брючки, галифе, клеш, дешево и сердито! Есть на миллиард, пятьсот тысяч и дороже!

Глазеет мужичок в Каратае длинном, лезет под «треух» рукой, почесывает затылок, думает:

– Шаровары-то они нужны и цена-то подходящая…

А мальчик сразу понял и перед самым носом:

– Вот они, брючки, самые лучшие, надо что ли?

Лезет мужик ещё раз под «треух» и сквозь зубы:

– А ценой как?

– Лимонад, как отдать, больше ни гроша!

Переминаясь с ноги на ногу, вытирает рукой нос:

– Дороговато.

Подступает другой мальчик – компаньон, задорно трунит:

– Ишь, какой покупатель, да у тебя денег нет!

Подхватывает сам «торговец», ещё раз мотнет «товаром» перед носом:

– А, денег нет, а покупать лезешь.

Затронуто самолюбие покупателя:

– Хватит денег, самого куплю.

– Нет денег, а, стыдно! Давай миллиард за все!..

Покупатель в азарте: лезет в карман, достает кошелёк, вырывает брюки, берет их подмышку.

– Денег нет? На, получай!

– Что же, я своему слову хозяин, давай.

Получает, скрывается в толпе, а здесь общий хохот.

– Эх ты, ворона мокрая, вздумал кого обмануть.

Опомнился, взглянул и ужаснулся. Здесь же все перекупают.

– Возьми, двести за всё!

* * *

Рядом, где навалены овощи, где торчат рундуки – неинтересно. Торговцы постоянные, места насиженные.

– На одном месте – покупатели привыкают.

Редко бывает, когда мелкая торговка подхватит свою корзинку и… дай Бог ноги.

– Батюшки-светы, агент по сбору налогов.

Арбузы, дыни, огурцы покрывает слой пыли, бойкие выкрики:

– Любой на взрез, любой!

* * *

Вот ряд торговцев вещами из благородных металлов. Сияют лощеные физиономии, на головах шляпы с широкими полями, на толстовках лаковые ремешки. На жирных покрасневших пальцах золотые кольца с фальшивыми камнями, через кисть руки «золотая» цепь или «серебряный» ридикюль, в руках портсигар.

– Помилуйте, серебро лом 50 руб. золотник, а вы за такую вещь даете полтора лимонада, здесь 80 золотников.

– Послушайте, не подойдет ли вам вот это? Я сейчас сбегаю!

Солидная мадам таинственно вынимает из-под полы чайные ложечки.

– Вы не купите у меня?

– 20 рублей золотник…

* * *

То покупка вещей. А вот слепые торгуют. В одном месте на гармошке:

– Что ты, курва, задаешься…

В другом тоже гармошка, слащаво-приторно, гнусаво:

– Вставай, проклятьем заклейменный…

А целый «хоровод» слепых женщин тоже под гармошку:

– Ох, яблочко, куда катишься…

Через десять шагов другая группа:

– Единая матушка обоих родила…

На середине Плехановской, у столба, слепец с книгой водит пальцами и во все горло:

– И возшедшие на гору един…

* * *

В рядах, где старый хлам, – любители «редкостных вещей!».

Запыхавшись, догоняет один из приятелей.

– Смотри, смотри, за 200 рублей две золотых запонки купил, старуха, она ничего не понимает.

Окружают, рассматривают.

– Ха… ха… ха.., да это медные.

– Ах, старая! Черт, думал, что я её обманул, а, оказывается, она меня…

* * *

У Кольцовского женщины торгуют на комиссионных. На железной изгороди развешаны ковры, одеяла.

– Я сегодня не заработала ни рожна. Возьми, родимый, дай заработать малость.

Напротив толстая стена людская.

Автомобиль кричит, надрываясь, толпа раздвигается слегка и сейчас же закрывает собой след.

* * *

На Хлебном сплошное море крестьянских телег. Приподняты вверх оглобли, как горелая роща. На телегах сидят, кто жует кусок калача, у кого от арбуза на бороде мокро.

– Почем пошеница?

– Девяносто, без лишнего.

– Дороговато, по семьдесят пять нельзя ли? Возьму весь.

– Да к вашей манухватуре не подступишься.

Около одного воза девчата в «плисовых» куртках. Одна из них «рыдает» на «елецкой»:

– *Рильти-гильти, рильти-гильти…*

Вторит другая:

– *У гармошки мехов много,*

Гармонист похож на Бога…

Свистки милиционера на время прерывают людей, насторожатся уши, и снова гам, шум.

Базар как базар. Не обманешь – не продашь.

По кафе-ресторанам

При НЭПе – по-нэповски: новые «торговые люди», новые помещения. Где раньше магазины, ныне – кафе-рестораны.

На проспекте люди почище, поблагороднее, любят «эффект», для них «товар подается лицом».

Вот, примерно, «Чашка чаю».

В действительности чай там никто никогда не пьёт и едва ли он бывает в обиходе.

А мужичок из деревни глазел и навыворот прочитал на вывеске:

– На-а-рроот с сее-рр.

«Чашку чаю» прочитал как следует и порешил:

– Эфто, стало быть, для серого народа чашками чай подают.

Вошел, посмотрел, почесал затылок:

– Мамзеля с каким-то господином не из чашек чай, а из бутылки узким стаканом жидкостью, цветом хотя и похожей на чай, но пахнет старой миколаевской монополией, потребляли.

– Здесь обманывают простой народ…

У Белова – посолиднее, с верным расчетом: днем – на семейную публику, вечером – на «людей нашего времени».

Белов рассчитал верно: у него уютнее, вкуснее, дешевле, публики больше.

Официанты вежливы. Говорят:

– Что прикажете… с…с…с…

Висел плакат, на котором написано вроде этого:

– Взаимное отношение посетителей с официантами должно быть вежливо.

Часть того плаката прикрывалась другим.

Спрятано дальнейшее: «На чай не берем».

Публика обращается с официантами кто как, смотря по внешнему виду и внутреннему его «миру».

Один рычал по-нэповски, когда официант попросил разменять деньги.

– Что я вам, банк? Пошёл вон!

Покорно промолчал тот, тая в душе:

– Что же, такова уж наша доля. Не угодишь гостю, не угодишь и хозяину. Я – раб двух господ!

Вечером – солидные люди с любительницами (любительница – особый род «порядочных» проституток. Выражение воронежское) в заранее заказанных кабинетах.

Любительницы вначале скромны, «солидные люди» – корректны. Через десять-пятнадцать минут шампанское развязывает языки, оболочку скромности, корректности – к черту.

– Ах, как мы вчера в компании с таким-то завом… – рассказывает «солидный» о делах, которыми «волею судеб» он ворочает.

У ресторана на тротуаре ссорятся извозчики.

– Я всегда эфтого дилектора вожу, а ты чаво дожидайшься?

– Я тебе сказал, что ево здесь нету, так верь!

– Ах ты какой! Сам видел. Я всегда его вожу!..

* * *

У военных – по-военному. Вот вывеска, выделяется так же, как комиссарское галифе, и по-военному бросает.

«Привет».

«Привет» – военная столовая. Не всякому «привету» можно радоваться, но этому – порадуешься поневоле.

С 4 дня до 12 ночи гремит оркестр военной музыки.

Военный – по-военному. Так было в старых офицерских собраниях; музыкант – простой красноармеец или вольнонаемный. Надо же приучить публику. Обед у военных хуже, чем где-либо, и дороже, но музыка заманчива.

«Любительницы» и там, но откровеннее.

На днях две женщины с четырьмя военными сидели навеселе и гнусавили надменно:

– Ах, вы – военные, ничего с вами не поделаешь. Ну да ничего, выдержим и четверых. Ха-ха-ха…

В «Привете» официанты по-военному:

– Слушаю-сс!

Вечером у подъезда автомобили 2–3. То большое и малое начальство «по служебным делам» приезжает покушать.

– Что стоит бензин для нашей страны, который сжигается при подобных поездках?

– Что шофер, ожидающий у подъезда? Быть может, он просто красноармеец?

Завтра военный прочтет, сплюнет и скажет:

– Демагогия!..

* * *

В «Виллу Родэ» давно бы надо запустить вроде вил в бок.

По ночам игра в лото, карты «без азарта». Всякий сброд обывательщины сидит, уткнувши носы в цифры.

На тротуаре сборище проституток в ожидании заработка:

– Выиграл, что ли? Пойдем, проведем приятно времячко!

То в пользу раненых и больных красноармейцев.

– Больные и раненые, нужны ли вам крохи с этого стола?

* * *

Вот «Золотой якорь» – якорь вещь, которую бросают на морское дно, чтобы пароход «поставить на якорь».

«Золотой якорь» опущен на дно преисподней – в беспросветную тьму.

«Золотой якорь» – скопище «молодых хулиганов», отпетых головорезов.

«Золотой якорь» – гнусная, легкая нажива Василь Ваныча, отпетого мародера.

«Якорь» работает с 12, с 1 часу ночи, когда кончается гулянье в «Отдыхе» и «Семейке». Там весь уголовный и хулиганский Воронеж, там танцы-шанцы и мордобитие. Поются похабные куплеты. Пахнет спиртом, самогоном… Там драка, безобразия, за билетами очередь.

Кто проходит ночью мимо «Якоря», тот рискует быть избитым.

Не опустить ли «Золотой якорь» на дно, чтобы он остался там навсегда?..

1923

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ

Осип Эмильевич Мандельштам *родился 3 января 1891 года в Варшаве. С 1897 года жил в Санкт-Петербурге, где окончил Тенишевское училище (1907), учился в университете (с 1911). Печатался с 1910 года. В мае 1934-го арестован и сослан на три года в город Чердынь Свердловской области. Вскоре место ссылки было заменено на Воронеж, где Мандельштам с женой Надеждой Яковлевной пробыл с конца июня 1934 года до середины мая 1937 года. Лето 1936 года Мандельштамы провели в Задонске. В мае 1938-го Осип Эмильевич вторично арестован, осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей.*

Созданные в период воронежской ссылки стихотворения относятся к числу лучших произведений в лирике Мандельштама; во многих стихотворениях присутствуют местные мотивы и приметы. К Мандельштамам в Воронеж приезжали в гости (1936) А. А. Ахматова, Э. Г. Герштейн. В Воронеже Мандельштам общался ссыльными филологами С. Б. Рудаковым, П. И. Калецким, а также воронежцами Н. Е. Штемпель, П. Л. Загоровским, К. К. Швабом. Пребывание Мандельштама в Воронеже, его участие в местной культурной и литературной жизни отражено в письмах С. Б. Рудакова, мемуарах Н. Я. Мандельштам, Э. Г. Герштейн, Н. Е. Штемпель, О. К. Кретовой и других.

В 1990 году в Воронеже была издана книга «Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама», в 1994 году в городе состоялись III Международные Мандельштамовские чтения, по итогам которых выпущен сборник статей «Отдай меня, Воронеж...» (1995).

На одном из домов, где Мандельштамы снимали комнату (улица Фридриха Энгельса, 13), установлена мемориальная доска (1991). В 2008 году в Воронеже поставлен памятник Мандельштаму работы московского скульптора Л. Т. Гадаева.

Авторы почти всех воспоминаний о Мандельштаме сходятся в том, что это был человек неистребимой веселости: шутки или остроты от него можно было ожидать в любую минуту, вне зависимости от внешних обстоятельств. Но при этом между шуточными и «серьезными» стихами он проводил четкую грань: чем строже и аскетичней становилась его лирика, тем раскованней и своевольней писались шуточные стихи. В них, как правило, поэт тяготел к острым портретным эпиграммам, тонким каламбурам, вообще к филологическим эффектам, любил комические стилизации. Его юмор – это акмеистическая «веселость едкой литературной шутки». («Шуточные стихи – это петербургская традиция. Москва признавала только пародии», – вспоминала вдова поэта Н. Я. Мандельштам). В шуточных стихах Мандельштама ощутимо влияние пушкинского поэтического юмора.

Умер 27 декабря 1938 года в пересыльном лагере «Вторая речка» под Владивостоком.

Один из крупнейших русских поэтов XX века.

САТИРИЧЕСКИЕ СТИХИ

* * *

Скажу ль,
Во Франции два брата, два Гонкура,
Эдмонд и Жуль,
Когда б не родились и не писали вместе,
Не оказали б им такой французы чести.

Два брата, но одна у братьев голова –
У них цилиндра два и редингота два…
Жуль если только книгу пишет,
Эдмонд не кушает, не дышит.
Покуда Жуль пером себя бессмертит,
Эдмонд мороженицу вертит.

А вечером, лей дождь хоть из ведра,
С Эдмондом Жуль идут в Гранд Опера.
И, не считаясь с тем, кто пишет лучше, плоше,
Друг другу подают не в очередь калоши.

Где братья, там салон, капустник иль премьера.
– Намедни я обедал у Флобера.
Нет, что ни говори,
Изрядно у него выходит «Бовари»!..

1925

Дайте Тютчеву стрекозу

Дайте Тютчеву стрекозу –
Догадайтесь почему!
Веневитинову – розу.
Ну, а перстень – никому.

Боратынского подошвы
Изумили прах веков,
У него без всякой прошвы
Наволочки облаков.

А еще над нами волен
Лермонтов, мучитель наш,
И всегда одышкой болен
Фета жирный карандаш.

1932

Мы живем, под собою не чуя страны…

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны,
А слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, кует за указом указ –
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина.

1933

САМУИЛ МАРШАК

Дружеский шарж КУКРЫНИКСОВ

Самуил Яковлевич Маршак *родился 22 октября 1887 года в Воронеже. Лауреат Ленинской (1963) и четырёх Сталинских (1942, 1946, 1949, 1951) премий. Почётный гражданин Шотландии.*

Раннее детство прошло в воронежской пригородной слободе Чижовка, при мыловаренном заводе, где работал отец. С лета 1896 года жил с родителями в Острогожске, где в 1899–1902 годах учился в местной гимназии. Тогда же начал писать стихи. О своем отрочестве Маршак рассказал в автобиографической повести «В начале жизни» (1961). Встреча в Санкт-Петербурге летом 1902 года с авторитетным критиком В. В. Стасовым определила дальнейшую судьбу Маршака: переезд в Санкт-Петербург, жизнь в Ялте, отъезд в 1912 году в Англию и Ирландию, учеба на факультете искусств Лондонского университета.

Весной 1915 года Маршак прибыл в Воронеж в связи с необходимостью военного переосвидетельствования. Здесь он давал уроки английского языка, а осенью 1916 года начал служить в конторе трубочного завода, одновременно занимался с детьми беженцев из западных губерний России. Именно тогда у поэта созрело решение посвятить свое творчество детям. В январе 1917 года Маршак

уехал в Петроград. Во 2-й половине 1930-х годов он еще раз побывал в родном городе.

Умер в Москве 4 июля 1964 года.

В Воронеже имя Маршака носит Центральная детская городская библиотека. Дома в Воронеже (улица Карла Маркса, 72) и Острогожске (улица Орджоникидзе, 133), где жил Самуил Яковлевич, отмечены мемориальными досками. Одна из улиц обоих городов носит его имя. 2012 год был объявлен в Воронеже Годом Маршака, а 28 октября 2015 года у дома № 72 по улице Карла Маркса был установлен памятник Самуилу Маршаку (скульптор – М. И. Дикунов).

С 2015 года в Воронеже осенью проходит детский театральный фестиваль «Маршак».

В творчестве Маршака глубокий и острый взгляд на вещи неизменно сочетается с прирожденным чувством комического, с шуткой. В своих стихах для детей он живой, занятный, неистощимо изобретательный рассказчик. Но и в сатирических стихах для взрослых, беспощадно высмеивая отрицательные явления действительности, он остается жизнерадостным, щедрым на выдумку. Поэтому стих его не теряет ни серьезности, ни значительности. Оттого в сатире Маршака так отчетливо видна ее бодрость, веселость.

СТАРАЯ ВЕСЕЛАЯ АНГЛИЯ

К портрету духовного лица

Нет, у него не лживый взгляд.
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец – плут.

При посещении богатой усадьбы

Наш лорд показывает всем
Прекрасные владенья…
Так евнух знает свой гарем,
Не зная наслажденья.

Книжный червь

Пусть книжный червь – жилец резного шкафа –
В поэзии узоры прогрызет,
Но, уважая вкус владельца-графа,
Пусть пощадит тисненый переплет!

Надпись на могиле сельского волокиты

Рыдайте, добрые мужья,
На этой скорбной тризне.
Сосед покойный, слышал я,
Вам помогал при жизни.

Пусть школьников шумливый рой
Могилы не тревожит…
Тот, кто лежит в земле сырой,
Был им отцом, быть может!

Эпитафия Вильяму Грэхему, эсквайру

Склонясь у гробового входа,
– О смерть! – воскликнула природа. –
Когда удастся мне опять
Такого олуха создать!..

Эпитафия мужу, который был у жены под башмаком

Со дней Адама все напасти
Проистекают от жены.
Та, у кого ты был во власти,
Была во власти сатаны!

На художника-портретиста

В своих портретах, как ни бился.
Добиться сходства он не мог.
Его детьми утешил бог –
И в них он сходства не добился!

Надгробная надпись

Степенная, внушительная дама
Покоится на лоне Авраама.
Ей хорошо на лоне у него,
Но Аврааму каково?

Напрасные усилий

Он долго в лоб стучал перстом,
Забыв названье тома.
Но для чего стучаться в дом,
Где никого нет дома?

О пьянстве

Для пьянства есть такие поводы:
Поминки, праздник, встреча, проводы,
Крестины, свадьба и развод,
Мороз, охота, Новый год,
Выздоровленье, новоселье,
Печаль, раскаянье, веселье,
Успех, награда, новый чин
И просто пьянство – без причин!

Отзыв на пьесу

Хвалю я пьесу вашу, сэр,
Особенно вторую часть.
Но почему бы, например,
Вам и начало не украсть?

О певцах

Не всякий лебедь должен петь,
Почуяв близость смерти.
Иному лучше помереть
До первых нот в концерте.

Эпитафия скряге

Он умер оттого, что был он скуп:
Не полечился, денег было жалко…
Но если б знал он цену катафалка,
Он ожил бы, чтобы нести свой труп!

«Не презирай сонета»

Не будь к сонету, критик, слишком строг.
Пускай бездарен он и скучен очень часто,
Но в нем не более четырнадцати строк,
А ведь в иных стихах бывает полтораста!

О дураках

Жму руки дуракам обеими руками
Как многим, в сущности, обязаны мы им!
Ведь если б не были другие дураками,
То дураками быть пришлось бы нам самим.

Критику

«Поэзия глупа!» В суждении таком
Есть свой резон. Но не забудь при этом,
Что не всегда дурак рождается поэтом, –
Он может быть и просто дураком!

На смерть похоронных дел мастера

Оплакивал он многих – по профессии.
Но только раз себе позволил он
Лежать во время траурной процессии
И не напиться после похорон.

Вечная тайна

Увидев девушку безвестную случайно,
«Как поживаете?» – опросил ее поэт.
Ни слова девушка не молвила в ответ,
И как живет она, навек осталось тайной…

Наследственность по Менделю

В наследственность верит не всякий.
Но белая, бывшая в браке
С одним из цветных.
Родила шестерых:
И белых, и черных, и хаки.

Странная походка

Он был чудаком и, куда бы ни шел,
Проделывал путь круговой,
Поскольку он шел,
Куда нос его вел,
А нос у него был кривой.

О ханже и его лошади

Ханжу кобыла укусила.
Она была права:
Его же проповедь гласила,
Что наша плоть – трава!

Встреча

Небритый человек, неряшливо одетый,
Актера Гаррика случайно встретил где-то
И подошел к нему с протянутой рукой.
– Здорово! – говорит.
– Но кто же вы такой?
Знакомым с вами быть я не имею чести…
– Ах, братец, память у тебя плоха.
На сцене столько раз мы выступали вместе:
Ты – в роли Гамлета, я – в роли петуха!

Литературные воспоминания

Припомнив прошлое с усильем,
Писала бабушка о том,
Что с ней встречался Вордсворт Вильям
И славный Кольридж ей знаком.

В атлас и кружева одета,
Она дремала на лугу,
Когда великих два поэта,
Причмокнув, молвили: – Агу!

Они ушли куда-то оба,
Но на любезные слова
Успела юная особа
Ответить классикам: – Уа!

Загадочная женщина

Моля о свиданье опять и опять,
Не тронул я сердца прелестницы…
Хоть женщинам свойственно чувства скрывать,
К чему меня сбрасывать с лестницы?

Искательнице успеха

Вся ее жизнь эпиграммой была,
Тонкой, тугой, блестящей,
Сплетенной для ловли сердец без числа
Посредством петли скользящей.

Эпитафия бездушному дельцу

Здесь Джон покоится в тиши.
Конечно, только тело...
Но, говорят, оно души
И прежде не имело!

Надпись на могиле школьного педанта

В кромешный ад сегодня взят
Тот, кто учил детей.
Он может гам из чертенят
Воспитывать чертей.

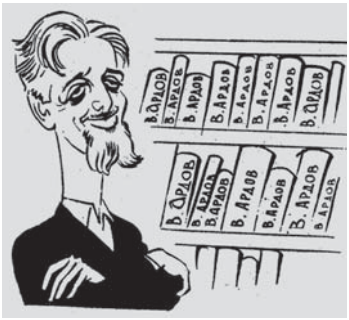
Разговор духовного отца с прихожанином

– Мой сын, смирению учитесь у овец!..
– Боюсь, что стричь меня вы будете, отец.

* * *

Всю жизнь любовью пламенной сгорая,
Мечтал я в ад попасть, чтоб отдохнуть от рая.

ВИКТОР АРДОВ



Дружеский шарж Н. Лисогорского

Виктор Ефимович Ардов *(настоящая фамилия Зигберман) родился в Воронеже 8 октября 1900 года в семье инженера-железнодорожника. Учился в 1-й гимназии (Воронеж, 1911–1914). С 1914 года жил в Москве, тем не менее в 1918 году поступал на юридический факультет Воронежского государственного университета. Окончил экономический факультет Института имени Г. В. Плеханова (Москва, 1925). Печатался с декабря 1921 года. С 1925 года писал для эстрады. Во время Великой Отечественной войны работал во фронтовой печати.*

Автор около 60 книг сатирических и юмористических рассказов, фельетонов, сценок, нескольких комедий, либретто опер, киносценариев, а также исследований по вопросам разговорного жанра на эстраде и в цирке. Бывал многократно в Воронеже, где выступал с чтением своих произведений (1941, 1945, 1964, 1970), активно поддерживал земляческие связи.

Гостеприимный дом Ардова на Ордынке знала вся эстрадная, литературная и театральная Москва. Здесь в любое время привечали всех, кто нуждался в поддержке и помощи. В этом доме подолгу жила Анна Ахматова, для неё даже всегда специально держали свободной комнату.

Радушие хозяев превратило его квартиру в любимое место встреч и задушевных бесед для Михаила Булгакова, Осипа Мандельштама, Михаила Зощенко, Ильи Ильфа, Евгения Петрова, Мате Залки, Юрия Олеши, Михаила Светлова, Фаины Раневской, Лидии Руслановой, Бориса Пастернака, Лидии Чуковской, Дмитрия Шостаковича… Все они обожали Ардова – гостеприимного балагура и остряка, у которого для каждого гостя находился кров, еда, свежий анекдот и слова поддержки…

Юмор его был простым и понятным, стиль – лёгким, не удивительно, что читатели полюбили его рассказы и в какой-то период они обходили по популярности произведения Зощенко и Ильфа с Петровым. Например, в сборнике «Советский юмористический рассказ 20–30-х годов» было опубликовано 26 рассказов Ардова, 25 произведений Зощенко и 19 – Ильфа и Петрова.

«Имя Виктора Ардова говорит само за себя. Он – старый и верный друг всех любителей юмора, всех участников художественной самодеятельности, всех, кто несет со сцены радость улыбки и смеха…», – написали в предисловии к одной из его книг Арк. Арканов и Г. Горин.

Умер 26 февраля 1976 года в Москве.

СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩЕЕ

А. В. Баталову

Когда я вошел, было около девяти часов вечера. Особа, к которой я, собственно, и явился, – Нина Антоновна Окуневская, миловидная гражданка двадцати двух лет, широко расставив ноги, гулко топала в коридоре, рыча в то же время:

– А вот я сейчас! Вот сейчас, сейчас! О-го-го-го! Вот иду, иду!!!

Нина Антоновна широко раскрыла рот, выпятила губы и затрубила не то как паровоз, не то как слон.

Я непроизвольно вздрогнул и осторожно обернулся к выходу.

– Куда вы? – негромко и совершенно нормальным тоном сказала мне Нина Антоновна. – Раздевайтесь. Он сейчас уснет, и мы с вами будем пить чай.

– Кто уснет?

– Леша. Он, знаете, не засыпает, пока его не пугнешь Бабой-ягой. О-го-го-го! Вот сейчас, сейчас! – вновь зарокотала моя собеседница.

Я понял. Леша был трехлетний сын Нины Антоновны, и, стало быть, я попал как раз в тот момент, когда в педагогических целях разыгрывалась сцена с участием Бабы-яги.

Сняв пальто, я вошел в комнату, где находился капризный зритель этого спектакля.

Румяный и белокурый Леша стоял, держась за оградительную сетку своей кровати, и, с интересом скосив на дверь голубые глаза, тянул:

– А пчму-у?

Подле него стояла добровольная нянька – приятельница матери – и с трудом выворачивалась в обстоятельном допросе.

– Почему она не входит? Баба-яга-то?

– Та,– сказал Леша (в тех случаях, когда его что-нибудь занимало, слово «да» он произносил с большим придыханием и глухо: «та»).– Та. Пчму-у-у?

– Она потому не входит, что она очень страшная. Она может напугать мальчиков.

– Пчму-у-у?

– Почему страшная?

– Та.

– Так уж она устроена. Тут у ней рога, тут клыки, тут горб…

Рев скрывшейся за дверью ведьмы прервал описание ее, ведьминой, внешности.

– Ну, ложись скорее, спи, а то она тебя сейчас сунет в мешок и унесет.

Леша немного подумал, потом лег и позволил накрыть себя одеялом.

– Ффу! Наконец-то! Ниночка, можешь войти.

Нина Антоновна вошла и, убедившись в том, что ее талантливая игра возымела действие, принялась хлопотать о чае.

– Негодный мальчишка, – сказала она, – раньше было достаточно упомянуть о Бабе-яге, потом пришлось стучать: дескать, вот она пришла… А теперь, видите, приходится целые сцены разыгрывать…

Негодный мальчишка уже мирно посапывал, закрыв глаза, и просто не верилось, что для приведения его в это состояние нужно было стучать ногами, рычать и описывать страшную внешность Бабы-яги.

Следующая моя встреча с Лешей и его мамой была такая. Леша сидел на собственной своей табуретке перед собственным своим столом, размер которых был строго согласован с ростом их владельца. На столе лениво испускала пар тарелка с манной кашей, а сам Леша ударял по столу ложкой, перепачканной в этой каше.

Нина Антоновна стояла подле него и усталым голосом говорила:

– Ну, три ложечки: за папу, за маму, за бабушку.

– Не хочу.

– Ну, две ложечки: за папу и за маму.

– Не хочу.

– Ну, тогда сейчас придет Баба-яга и заберет тебя.

Лицо Леши заметно оживилось. Он поглядел в сторону двери и спросил:

– А где она?

– Баба-яга?

– Та…

– А там вон. В коридоре. Сейчас придет и заберет.

– Пчму-у-у?

– Потому что не слушаешься. – Тут Нина Антоновна обернулась ко мне и конспиративным шепотом сказала: – Пожалуйста, выйдите в коридор и порычите немного. Можно также стучать. Если увидите что-нибудь подходящее потяжелее, бросьте на пол.

Я вышел в коридор, рычал, стучал, топал ногами и бросал на пол портфель, галоши, телефонную книгу и поднос в течение десяти минут. Затем, сделав большую паузу, я прислушался. Нина Антоновна говорила испуганным будто бы голосом:

– Слышишь? Стучит!

– А не громко пчму-у-у? – прозвучал Лешин голос.

Я со злостью бросил на пол сразу все перечисленные выше предметы. Кажется, это подействовало, потому что меня скоро позвали обратно.

Войдя, я увидел, что кучка манной каши перестала испускать пар. Она чуть-чуть была затронута с одного бока.

– Спасибо большое, – сказала Нина Антоновна, – а то мне нельзя больше изображать Бабу-ягу: он узнает меня по голосу. И потом, со вчерашнего дня он стал требовать, чтобы Баба-яга что-нибудь бросала на пол…

Дозы этого сильнодействующего воспитательного наркоза все увеличивались. Через месяц я застал Лешу, гуляющего по комнате в одном ботинке. Замысловатые петли его шагов повторяли: мать со вторым ботинком в руках, отец, знакомый отца, случайно зашедший по делу, и известная уже нам приятельница матери.

– Лешенька, ну, надень ботиночек, ты же простудишься!

Леша не отвечал и даже не ускорял шага.

– Ну, хорошо, вот сейчас придет Баба-яга!

– Пчму-у-у? – Вопрос был задан явно по привычке. По существу Леша был, видимо, заинтересован. Он сел на свою табуретку, оборотившись лицом к двери. Ни дать ни взять – зритель в первом ряду партера мюзик-холла, предвкушающий занятный аттракцион.

Между родителями Леши в это время происходил небольшой торг.

– Кто будет Бабой-ягой? – спрашивает отец.

– Конечно, ты.

– Я же был ведьмой утром, когда не пилось молоко.

– Здрасьте! Мало я изображала Бабу-ягу, когда тебя не бывало дома? И потом, он меня узнает.

– Где Баба-яга? Не идет пчму-у-у? – Капризный голос прервал споры.

– Сейчас, Лешенька. Ну, Баба-яга, походи на ручках. Леша просит.

Баба-яга – то есть Лешин отец – с заметным неудовольствием отошла от двери и, кряхтя, стала «на ручки». «Ножками» она при этом чуть не разбила зеркало. Шея Бабы-яги налилась кровью, и она с трудом сделала несколько шагов.

Из карманов со звоном выкатились три серебряных монетки и зажигалка.

Наблюдательный Леша заметил зажигалку.

– Смотри! – закричал он. – Папина жажигалка. У Бабы-яги папина! Пчму-у-у?

– А это так… Это ей папа дал поносить. Она отдаст. Ну, Баба-яга, уходи… Уходи, а то узнает.

Баба-яга не заставила себя упрашивать. Быстро встав на ноги, она скрылась. Леша был раздираем сомнениями:

– А жажигалка пчму-у-у?

– Не дай бог узнает, – шептала Нина Антоновна. – Ну что мы тогда будем делать?

…Через несколько месяцев после описанного случая с зажигалкой и Бабой-ягой я встретил Нину Антоновну на людной улице.

Она внимательно изучала вывески магазинов.

– Не знаете ли, – обратилась она ко мне, – где можно достать немного динамита или пороха?

– А вам зачем?

– Когда Леша расшалится, мы все ему говорим, что Баба-яга взорвет дом, если он не будет слушаться. Ну, вот приходится делать небольшие взрывы… Пробовали, знаете ли, обходиться бенгальским огнем, да теперь уж это его не интересует. Отцу обещали в одном месте несколько петард, но не наверное… Без динамита нам не обойтись.

– Куда уж там, без динамита-то, – вежливо согласился я. – Не такой это ребенок, чтобы его без динамита воспитывать…

Очевидно, воспитательный наркотик изживал себя, дойдя до возможных пределов дозировки.

1931

АЛЕКСЕЙ ШУБИН

Алексей Иванович Шубин *родился 17 марта 1901 года в Тюмени в семье служащего. Учился в Московском коммерческом училище. Участник Гражданской и Великой Отечественной войн. В Воронеже с 1922 года. Печатался в газетах с 1923 года. С мая 1925 года работал в штате редакции газеты «Воронежская Коммуна» («Коммуна»). Во время Великой Отечественной войны был ранен, лечился в госпитале в Иркутске, служил сотрудником военной газеты в Чите. Весной 1944-го вернулся в Воронеж.*

В 1946–1947 годах в ходе идеологической кампаний, поднятой постановлением оргбюро ЦК ВКП (б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», подвергался резкой критике в Воронеже за повесть «Богатство Матвея Галкина».

Автор более 25 книг, повестей и рассказов, в их числе «Свежий ветер» (Воронеж, 1940), «Победители» (Воронеж, 1945), «Доктор Великанов размышляет и действует» (Воронеж, 1947), «Большая Лукавка» (Москва, 1955), «Жили по соседству» (Москва, 1959), «Семь пар железных ботинок» (Воронеж, 1966). Читательский успех имела повесть «Непоседы» (Москва, 1960; Киев, 1962 и другие издания; переведена на языки народов СССР и социалистических стран, экранизирована). Шубин опубликовал несколько сборников рассказов для детей, в частности «Охотники за щитомордниками» (Воронеж, 1963).

Умер в Воронеже 5 сентября 1966 года.

На доме, где жил Шубин (проспект Революции, 48), установлена мемориальная доска. В Государственном архиве Воронежской области имеется личный фонд Шубина (Р-3058).

Критик З. Я. Анчиполовский, подготовивший в 1971 году к изданию двухтомник писателя, отмечал: «Шубину никогда особенно не давалась психологическая углубленность. Но своеобразная веселость творческой манеры и не нуждалась в тщательной проработке характеров. Пользуясь юмором, он отлично умел показать и красоту, и обаяние, и слабости своих героев».

БОГАТСТВО МАТВЕЯ ГАЛКИНА

(Отрывок)

В детстве Матвей Галкин упал с дерева, повредил ногу и охромел. Может быть, по этой причине он не женился и всю долгую жизнь прожил несерьезно, кое-как: был непоседлив, вертляв и, как в сердцах говаривал его племянник – председатель колхоза Михаил Андреевич, неприлипчив к труду.

Одно его качество – безукоризненная честность – сумело найти применение в колхозном хозяйстве: как определился Матвей Галкин в 1930 году сторожем, так и состоял в этой должности до последнего дня.

Жил Матвей Галкин одиноко, на отшибе, и дружил с одними ребятишками, притом в самую озорную их пору, когда головы их набиты мечтами о приключениях. Подрастет парнишка, вкусит алгебры и геометрии, посерьезнеет, и дружба уже остывать начнет, а года через два и вовсе расклеится. Взрослые Матвея Галкина всерьез не принимали, зато двенадцатилетние так и льнули к нему: во-первых, был Матвей Галкин единственным в селе рыбаком и обладателем лодки, во-вторых, умел истории рассказывать.

Лодка у Матвея Галкина была удивительная – при царе Александре долблена и такая гнилая, что ее серые бортища казались обгрызенными. Только благодушное мелководье степной речонки могло терпеть такое надругательство. Снасть рыболовная тоже

была самодельная, ветхая и какая-то терпеливая. Лески из конского волоса в частых узелках, крючки сточены так, что и бородок не осталось, бредень наполовину старыми мешками залатан. Походило на то, что рыба шла к Матвею Галкину по доброй воле, из жалости.

Соседская жизнь интересовала Галкина мало, но было бы ошибкой полагать, что он совершенно безразлично относился к окружающей его действительности.

Рассказывать и вообще разговаривать Галкин был великий мастер. Темы для разговоров он черпал из прочитанного и услышанного, но неизменна вносил свое, галкинское.

Поймает приятеля-паренька и начнет:

– Слыхать было, ты нынче двойку получил? Упади рядом, как нехорошо! Это, я считаю, последний человек, кто по арифметике двойки получает. Арифметику уважать надо: вполне точная наука!..

Помимо арифметики, к числу точных наук Галкин относил и русский язык – дисциплину, о которой он отзывался с особой похвалой.

– Вам, чижи нестреляные, советская власть какую помощь сделала – букву ять отменила, чтобы учиться приятнее было, а вы не стараетесь. Ежели ты русский парень, то эту науку до запятой должен знать. Упади рядом, какая точная наука!

Но были науки, которые Галкин к числу точных не относил, а с одной из них, именно с геологией, был в крупной ссоре. Поссорил его с нею приезжавший на каникулы племянник – студент горного института. Однажды в разговоре он обронил неосторожную фразу:

– По данным геологии, наш район никакими полезными ископаемыми, кроме песка и глины, не обладает...

– То есть, как это понять? – возмутился Галкин. – Что еще за геология такая?

– Наука о земле, дядя.

– Так! И будто эта наука говорит, что у нас в Грачевке ничего, кроме песку да глины, нету?

– Так и говорит.

Галкин от негодования даже задохнулся.

– Упади рядом, врака какая! Да мыслимо ли допустить, чтобы у нас в Грачевке, кроме песка и глины, полезных металлов не было?

Земная глубина еще у нас нетронутая. Сверху чернозем, под ним глинка лежит – не спорю, из-под глинки песочек пробивается – тоже верно, а под ними что?

– Водоносный слой и опять глина.

– Водоносный слой – это правильно, потому что водичку оттуда из колодцев берем, а дальше?..

– Дальше глина.

– Тьфу тебя с этой глиной. Под глиной-то что?

– Известковые отложения и основные породы.

– А дальше?

– А дальше… Почем я знаю что? Это никому неизвестно…

– От то-то и дело, что неизвестно! – восторжествовал Галкин. – Так бы, упади рядом, и говорил! Не может быть такого положения, чтобы у нас полезных металлов не водилось. Земля у нас богатеющая! А наука твоя – геология, видать, еще недоученая, совсем еще не точная наука.

Как ни спорил с ним студент, а Галкин при своем мнении остался. Несмотря на все свое уважение к наукам, даже на благоговение перед ними, там, где дело шло о Грачевке и вообще о родных местах, старик становился несговорчив и упрям. Даже к книгам он иной раз относился скептически.

Как-то, возвращая учителю взятую для прочтения книгу какого-то краеведа, он буркнул:

– На, спрячь да больше никому не показывай.

– Не понравилась?

– Клевета одна.

– А что?

– Да то!.. Читай, упади рядом, чего здесь про наш район написано. Вот здесь, с этой строчки читай…

Учитель надел очки и вслух прочитал:

«Засосненский район относится в зоологическом отношения к зоне обедненной фауны…» – Ну, и что же? Обедненная фауна – это значит, что у нас не так много животных водится.

– Это мне понятно, что значит. То, что у человека, который эти слова писал, упади рядом, ни стыда, ни совести нет. У нас-то фауна обедненная!.. Ежели, скажем, по суровости климата в нашей обла-

сти львов, носорогов или каких-нибудь человекосхожих обезьян не водится, то другого, упади рядом, в полном обилии… Летом, возьми, что делается: в каждом кусту соловей щелкает, а рыбу взять? Весной я, вон, сома на три пуда вытащил… Это что – бедность? Да я бы его за такие слова на масляну в Дальний лог на волчью свадьбу загнал бы. Они бы ему враз доказали, какие они бедные…

Успокоился Галкин не скоро, но и успокоившись, остался при своем мнении, что написана была книга с целью осрамить Засосненский район, а вместе с ним и его – грачевского гражданина Матвея Галкина.

Памятью Галкин обладал исключительной. То, что он узнавал из книг, весьма своеобразно обогащалось за счет догадок, домыслов, а иной раз и самой фантазии разговорчивого старика. Беседы его с ребятами поэтому были увлекательны и необычны.

– Дедушка, отчего земля вертится?

– Весело ей, вот она и вертится – танцует, значит, – лукаво поблескивая глазами, объяснял Галкин. – А весело ей оттого, что люди на ней живут – она и радуется.

– Нет, верно, дедушка?

– А ежели верно объяснить, то науку знать надо. Это у Василия Ивановича спросите: отчего, мол, и по какому такому природному закону земля вертится? Спросите и мне потом скажите, потому что вопрос серьезный, очень, упади рядом, серьезный вопрос… Когда он ответит, я уж скажу: правильно он вам объяснил или нет.

И Галкин, явно хитря, напускал на себя важность, делая вид, что знает куда больше Василия Ивановича.

– А вот, дедушка, есть такое, чего ты не знаешь!

– А ну?

– Отчего человек глазами видеть может?

– Очень просто! Глаз видел?

– Видел.

– В нем вроде зеркало устроено: все отражается.

– Маленькое, маленькое все…

– Вот, упади рядом, в этом зеркале и толк. Зеркальце-то к мозгам примазано. Понял? Что отразилось – сразу до мысли доходит…

– А ухо, дедушка? Отчего человек слышать может?

– Ухо?.

Галкин подержался за кончик собственного уха и, вздохнув, ответил:

– Об ухе точного сведения не имею. Сам, упади рядом, много раз думал, почему разные звуки получаются. Очень любопытная вещь. Да разве все узнаешь? Кабы пожить подольше – тогда бы все знал…

Но особенно любопытны бывали беседы, когда Галкиным поднимались темы большого, так сказать, философского порядка.

Рассадит, бывало, Галкин вокруг себя подростков и начнет:

– Вы, клопы, вовсе молоды, того, что я вам скажу, не поймете.

Говорил он вполголоса, по-птичьи вертя головой, точно поверял важную тайну.

– При царе у нас были, а в заграничных странах и теперь еще имеются, особо богатые люди. Этих людей, упади рядом, так и зовут мильенеры. Только капиталы ихние им впрок не идут. Талант на богатство им дан, а на денежную трату таланта у них не имеется.

– А у тебя, дедушка, есть?

– Есть, – убежденно отвечал Галкин. – У меня на денежную трату выдумка богатеющая.

– Чего же бы ты сделал, коли б миллионером стал?

– От-то и загадка – чего бы я сделал?

Галкин хитро щурится, достает старую-престарую мятую жестянку из-под леденцов и, испытывая терпение слушателей, неторопливо закуривает.

– Если бы ко мне деньги пришли, то я бы с ними, большие задачи порешил… В зависимости от наличия капитала, понятно… Вот ноне война была, немец наше государство рушить поднимался и большой вред учинил, а будь у меня деньги, я бы ему враз укорот дал.

– Танк бы купил? – догадался кто-то из слушателей.

– Созвал бы я особо знающих людей, самых наивысших специалистов, и прямо бы им задачу задал: соорудите вы мне такую пушку, чтобы немцев в два дня раздолбала. Дал бы, конечно, сроку самое малое время. Кто первый такую пушку представил, получай чувал с

брульянтами. Вот!.. Да что говорить, будь у меня сейчас капитал, я бы вас, озорников, в два счета всех бы в люди вывел.

– Как?

– Выстроил бы в нашей Грачевке такое заведение, чтобы сколько вас ни есть, могли бы за короткий срок все науки превзойти и профессорское звание получить. Здание бы я вымахал такое, что упади рядом – и только. Стены мраморные и кругом столбы разноцветные из крученого стекла, как графины делают... Вон там, на горе, против сельсовета, и место ему...

Обычно среди юных собеседников старика попадалась бойкая голова, умевшая повернуть разговор в другую сторону.

– Ты, дедушка, рассказываешь, как деньги тратить, а вот где капитал достать?

Подобный вопрос придавал последующей беседе немалую занимательность.

– Большой капитал достать двояким способом можно, – обстоятельно отвечал Матвей Галкин, – честным трудовым путем или через преступление – через воровство или торговую спекуляцию. Нам, понятно, это не годится... А честным трудовым путем деньги опять-таки двояким способом добываются: бережливостью или счастием. И в том и в другом случае опять-таки талант надобен. Бережливость, например, большого терпения требует, а это не всякому дано. У меня вот бережливого терпения совсем нету. Сколько мне денег ни дай – целы не будут. Очень уж я добрых людей угощать люблю... Страх это хорошо – приятное сделать. Иной раз подумаешь и скажешь: а ну его к дьяволу комолому и деньги, если, упади рядом, нельзя через них удовольствие сделать... Но все-таки, нужно сказать, талант денежный имеется у меня в полном объеме.

Как ни юна, как ни доверчива была аудитория Матвея Галкина, такое заключение она встречала скептически – уж очень бросалось в глаза несоответствие между словами Галкина и состоянием его жилища, одежды и охотничьей снасти. Старика, однако, возражения не обескураживали.

– А я, упади рядом, совсем не говорю, что я мильенер какой-нибудь, я про счастье говорю. Мне счастье непреодолимое прет, прав-

да истинная… Если бы только пожелал я по-настоящему, то сейчас же вас с головой золотом бы засыпал.

– Откуда же ты его бы взял?

При таком вопросе Матвей Галкин многозначительно подмигивал и понижал голос.

– Это-то и есть главное – где бы взял… Я вам так скажу: каждый человек рядом с золотом ходит, а взять его не всяк, может. Каждый клад своего хозяина ждет…

Здесь разговор переходил на захватывающе интересную и немного страшную тему о кладах, в существовании которых Матвей Галкин был убежден. Он даже знал десятки мест, где в земле сотни лет лежали мешки и сундуки с червонцами, и с редкой щедростью делился своими знаниями.

– А то вот еще… – рассказывал он. – Жил при царе Петре в наших местах знаменитый атаман, по прозвищу Черныш-разбойник. Главное свое убежище Черныш-разбойник имел в Диком логу. Были там у него землянки устроены, а кругом стена земляная с пушками. И между других было у него орудие серебряное с золотым снарядом, и колокол был еще серебряный. На юру, где теперь школа ваша, у него сторожевой дозор стоял, и оттуда до крепости, до Дикого лога, вроде телефона серебряная проволока шла. Увидит дозорный царское войско, за проволоку дергает, и колокол звонит, тревогу делает. Черныш-разбойник, натурально, шайку соберет, крепость запрет и давай из орудий палить. Очень хороший организатор был. Пока царя Петра не было, у Черныша дела шли лучше некуда. Но потом, когда Петр с Азова домой на Воронеж возвращался, плохо получилось. Зовет Петр губернатора и спрашивает: «На каком основании, такой-сякой, в доверенной тебе губернии разбойники бандитизм делают?» Тот, понятно, отвечает, что Черныш-разбойник особенный и что взять его ни живым, ни мертвым нет никакой возможности. Петр в таких случаях сердит бывал: губернатора побил и сам пошел Черныша брать. Но тут у него осечка получилась. Услышал про то Черныш и дожидаться Петра не стал. Собрал шайку на общее собрание и такой вопрос на повестку поставил: «Ребята! Пока Петра не было, жилось нам вольготно и после него еще пожить придется, но

против него самого нам никогда не выстоять, против него ни у кого силы нет. По этой причине объявляю полную ликвидацию. Пусть сейчас каждый свой пай товарищеский из казны берет и куда хочет отправляется». А казны у разбойников видимо-невидимо было, и начали они ее прятать – кто в пень, кто под пень, кто в яму. И случилось так, что, когда Петр пришел, ни разбойников, ни казны ихней уже не было: все ихнее имущество спрятано. Орудие серебряное, к нему двенадцать золотых снарядов и колокол с проволокой Черныш в одной яме закопал, а было в них ни мало ни много: в орудии сто, в колоколе двадцать, да в проволоке килограммов пять-десять серебра, да в двенадцати снарядах по пуду золота… Упади рядом, какое богатство! Да это еще вес старый, петровский, сейчас-то оно тяжелее потянет, потому что прирост большой.

– Какой же прирост, дедушка? В земле от сырости убыть должно.

Матвей Галкин с сожалением глядит на спорщика.

– Говоришь, а чего говоришь – не понимаешь, – отвечает он. – Золото и серебро, если в земле лежат, обязательно прибавку имеют. Железо или медь, те, верно, вес теряют, потому что их ржа точит и потом чистить приходится, а серебро и золото – металлы благородные, прирост дают, что деньги в банке.

– Ну, а ты, дедушка, знаешь, где они лежат?

– Знать точно – не знаю, а узнать могу…

– Как?

– Очень просто. На троицу в двенадцать часов нужно в лес идти и у дерева слушать – в ту пору колокол под землей звонит.

– Ты слышал?

– Два раза в лес ходил. Один раз вроде бы слышал, но только по праздничному делу веселый был. Слышал, а где звонит, понять не мог… Вот троица придет – опять попытаю…

Рассказ производит на слушателей большое впечатление, и за спиной Матвея Галкина неожиданно зреет заговор, душой которого становится тринадцатилетний Федька Беспалов. План действия заговорщиков разработан во всех деталях: дождаться троицы, напоить Матвея Галкина, чтобы в лес не ходил, подслушать, где звонит колокол, и овладеть кладом. Дальнейшая судьба сокровищ разбой-

ника Черныша также бесповоротно предрешена: все золото и серебро будет сдано государству, но не совсем даром, а по числу участников заговора в обмен, на два танка «Т-34» и на три «Ильюшиных», ну, и на мелочи кое-какие: десятка два гранат, пяток автоматов и пять мундиров младших лейтенантов с повседневными погонами.

Все представляется им простым и ясным.

В ожидании троицы заговорщики решают налечь на боевую подготовку. Федька и Сашка Беспаловы и Васька Гусев сейчас же превращаются в штурмовиков, а Санька и Сенька Пузановы – в танки. Штурмовики пикируют, танки отчаянно отстреливаются, но, будучи фашистскими танками, в конце концов, загораются и гибнут. После этого они становятся советскими и очень ловко на полном ходу сбивают трех «Фокке-Вульфов».

Пока на берегу реки кипит беспощадная война моторов, Матвей Галкин, ничего не подозревая, предается собственным мыслям. Как и ребята, он в эту минуту искренне верит в существование клада, и мечты его неотвязчиво прыгают вокруг огромной кучи золота и серебра: то он заказывает ученым книгу, в которой про всё как есть написано, то выдумывает лекарство, делающее всех здоровыми… Под конец он покупает за миллион рублей маленькую машинку с ручкой. Достаточно эту ручку покрутить, и сейчас же туча соберется и из нее дождь пойдет. Чуть-чуть крутишь – и дождик чуть-чуть каплет, посильнее – и дождик посильнее, что есть силы – дождь как из ведра льет, обратно покрутишь – солнышко засияет. Берет эту чудесную машинку Матвей Галкин и дарит председателю колхоза Михаилу Андреевичу. Дарит и наказывает:

– Вот тебе, Андреевич, упади рядом, нету у нас засухи. Только ты эту машинку при себе держи, ребятишкам баловаться не давай…

И целую ночь, сидя около колхозного амбара с семенами, мечтает Матвей Галкин о том, как много полезного, хорошего и приятного можно сделать людям…

1946

НИКОЛАЙ АЛЁХИН

Николай Иванович Алёхин *родился 12 ноября 1913 года на станции Лиски Юго-Восточной железной дороги. Из семьи железнодорожника. С 1930 года работал слесарем в паровозном депо станции Лиски, затем литературным сотрудником железнодорожной газеты «Лискинский ударник». В 1938–1946 годах служил в органах государственной безопасности. Несколько лет находился на партийной работе в Воронеже и Лисках. Произведения Алёхина публиковались в альманахе «Литературный Воронеж», журналах «Подъем», «Октябрь», «Крокодил», «Смена» и других изданиях. Автор вышедших в Воронеже сборников рассказов «Карасики» (1953), «Рассказы Никиты» (1958), «Рубашки и овражки» (1965), «Доброе зерно» (1978).*

В одной из рецензий на книгу рассказов Алехина отмечалось, что этот автор «наделен редким даром светлого юмора… Юмор у него жизненный, потому что писатель любит своих героев, верит в них и знает их настолько, что их яркие речения – во всем богатстве и неповторимости – естественно, переходят на страницы его рассказов». Особо выделял рецензент то обстоятельство, что в рассказах Алехина «позиция автора всегда партийна и в лучшем смысле тенденциозна…» («Литература и жизнь», 26 февраля 1958 года).

Умер в Воронеже 12 июня 1983 года.

Николай АЛЁХИН

ВОЗВРАТ

(Из цикла «Рассказы Никиты»)

Эх, и расчудесный же, скажу я тебе, был в Воронеже памятник. Я сам его видел. Большой гранитный камень, и на нем Петр Первый, Царь. Большущий, в три человечьих роста. Одет в старинный мундир русского солдата, на ногах сапоги, вроде моряцких или рыбацких, – высокие. И весь он из медной бронзы. Правой рукой опирается на якорь, а левой указывает на запад, в сторону захода солнца. Вокруг памятника – корней на сотню-две садок. По-городскому – сквер. Он так и зовется: Петровский. От сквера под горку – улица. Должно быть, Петр, когда был в этих местах, хаживал по этой улице к реке. Потому и называют улицу: Петровский спуск. А река – Воронеж. На ней тогда строили многопушечные корабли и сплавляли вниз по Дону, против турок. А Петр сверху на работу поглядывал, покрикивал:

– Давай, давай! Не жалей хребта, не береги пота! Поднимай матушку Расею!

Вниз по улочке сбежит, да и сам за топор или за молоток, и давай стучать. Он и царь, и мореплаватель, и прораб – на все руки мастер. При нем и Воронеж прославился как колыбель русского флота. Памятник и был по этому случаю поставлен, еще давно, а когда – точно не знаю.

Река год от году мелела, люди старели, а памятник стоял в целости и сохранности. В революцию, в семнадцатом году, сколько всяких царских истуканов поснимали? Тыщи! А Петра не тронули. «Стой, как стоишь. Ты хоть и не нашего класса, не рабоче-крестьянский, но все-таки не бездельник. И сам работал, и других торопил. Тем самым мы Россию подвинули вперед и прорубили окно в Европу. А всякие там вторые, третьи и прочая и прочая, – что в них проку? Только на шее народа сидели. Слазьте!»

Небось, знаешь? – после войны Петрова памятника в Воронеже не оказалось. Уцелел только камень, а на нем – ничего. Был слух, что свалили фашисты статуй Петра и увезли куда-то на переплавку.

Теперь слушай, что скажу…

Все это не так и не этак, а вот как…

Вот, значит, захватили фашисты Воронеж. Не умением или смелостью, – числом одолели. А дальше ни тпру, ни ну… Не пускает их наша армия за реку, бьет. Видят они, что зимовать-то им приходится в Воронеже, а не где-нибудь дальше. Разом всех жителей выгнали из города в чистое поле, все лучшие дома приспособили под свои казармы. К зиме, должно, только Петр и остался в городе русский, да и тот неживой, бронзовый. Стоит на своем камне, не шелохнется, не ворохнется, и сердце не бьется.

Как-то раз (это уже зимой) заходит в Петровский сквер главный фашистский комендант со своей свитой. Ведут нашего пленного бойца. Он с нашего берега ходил в город на разведку и, на свое горе, попал к врагам в плен. Теперь они собрались его вешать. Затем и пришли в садок, чтобы облюбовать подходящее дерево.

Комендант увидел памятник, воззрился, удивился:

– Кто такой? Почему указывает? Только мы, завоеватели, можем указывать!

Разведчик, наш солдатик, молодой, но боевой, не робкий, отвечает:

– Это он вам показывает направление для отступления, а нам – путь вперед.

За живое подцепил коменданта. Тот надулся, что твой индюк, и пыхтит.

– Скорее солнце пойдет по небу назад, чем мы отступим.

И тут же приказывает:

– Повернуть! Пусть показывает нам дорогу на восток!

Свита – к памятнику. И так и этак тужились, и так и этак ухитрялись, – кое-как загнули руку Петра чуток в сторону. Мало того, взяли да и повесили на ней, как на виселице, нашенского солдата. Оставили караульных, а сами ушли.

Скажешь: пропал разведчик? Как бы не так. В сумерках уже – очнулся. Видит… лежит он возле памятника. Рядом – разорванная петля, побитые караульные. Глянул вверх… обомлел: кончик петрова якорька в крови. А главное, испугался вот чего: рука Петра, что

была фашистами вывихнута, – распрямляется. Медленно так, с натугой, со скрипом. Чутóк… Еще чутóк… И вот вернулась на старое место и замерла.

Собрался разведчик с силами и за ночь вернулся к своим, за реку. Ну, понятно, рассказал, как и что с ним было, что испытал и что видел. Где быль, где небыль – разберись.

А дальше вот что. Наутро комендант снова заявился в Петровский сквер. Увидел, что здесь сотворилось за ночь, заорал, как резаный.

– Снять, повалить, разбить!

Набежала целая орава исполнителей. Вдоль и поперек опутали туловище Петра цепями и канатами, впряглись в концы, потянули что было мочи.

Тянут потянут – повалить Петра не могут, только упарились.

Еще пуще озлились. Несут бревна и доски, сколачивают их крёст-наперекрёст, вроде стропил. Привешивают к ним железяку пудов на пять-десять, раскачивают и, со всего маха, – в грудь Петра. Раз за разом. Звон – на весь Воронеж.

Бьют, бьют – разбить памятник не могут, только галок распугали.

На этом не угомонились. Волокут пушку с боевыми припасами. Заряжают, нацеливают… Бух-бабах, бух-бабах!..

Бухают, бухают – попасть в Петра не могут, только в белом свете дырок наделали.

Порешили памятник взорвать. Но тут среди них поднялась несусветная паника: наша Армия с двух сторон в обход Воронежа пошла в наступление. Перед тем как убежать, начали фашисты город губить. Где поджигают, где рвут динамитом. Огонь – на полнеба, дым ходит тучами, гарь закрыла солнце. Вокруг Петровского сквера огонь непроходимой стеной. Даже деревья скорчились от жара.

И вот тут-то началось… Петр на своем камне шевельнулся-ворохнулся, поежился – припекло и его, сердце в груди ожило, застучало. Потом он с ноги на ногу переступил, плечи расправил, да как чихнет! – гарь в нос шибанула. А как чихнул, так враз и заморгал глазами. Оглядывается, смотрит. Рукой от огня заслоняется и смотрит.

И что видит? Пропадает Воронеж! Сколько сот лет стоял русский город, а теперь пропадает от рук чужеземцев. Все труды прахом.

Ну-у, что тут пошло! Закричал Петр, что твой паровоз, нечеловеческим медным голосом, цепи и канаты, какими был опутан, одним махом, как паутинки, разорвал, спрыгнул с камня, так, что земля загудела, и ходом по улицам: дзинь, дзинь, дзинь… Встретит взрывателя-поджигателя, якорьком взмахнет и – душа вон. В полразмашки головы сносит, вразмашку – надвое перешибает, с раскруткой бьет – оставляет мокрое место.

Так и вышел из огня невредимым. А куда и какой дорогой он ушел – не спрашивай, я и сам не знаю. Дело его, ему с горы виднее.

После победы над захватчиками наши солдаты все, как один, кто остался в живых, вернулись по домам. Воронежские тоже вернулись. А Петра все не было, камень его пустовал. Это я и сам видел, когда работал на восстановлении города. Смотрю, бывало, на развалины и думаю: все тут восстановится, все вернется в довоенном виде и даже лучше. Вся жизнь и все голоса, люди и заводы, и памятники – тоже. Полный, значит, возврат всему. Было такое мечтание, что вот проснусь одним утром, а Петр уже на своем месте…

На этом и сказке моей конец. А присказка пусть будет твоя. Уже, говоришь, возвратился памятник? Ну, вот, видишь, – все сбывается. Надо бы и мне наведаться в Воронеж, посмотреть на эту быль, да все как-то недосуг.

СЕРГЕЙ АНАНЬИН

Дружеский шарж Н. Лисогорского

Сергей Александрович Ананьин *родился 22 октября 1913 года в Вологде. Из семьи железнодорожного служащего. В Воронеже жил в 1920–1950 годах. Окончил факультет русского языка и литературы Воронежского государственного педагогического института (1938). Сотрудник местной прессы с 1932 года («Коммуна», ОблРОСТА, «Москва-Донбасс», «Молодой коммунар», «За педагогические кадры», «За образцовую магистраль» и др.). Участник фольклорных экспедиций (1936–1937). С 1940 года служил в органах НКВД. Участник боев за Воронеж. В 1950–1965 годах работал в аппарате Министерства государственной безопасности. Одновременно занимался литературной деятельностью, печатался в журналах «Октябрь», «Подъем», «Огонёк», «Крокодил» и других.*

Автор изданных в Москве книг сатирических и юмористических рассказов: «Завещание Кантемира» (1960), «Несознательный исполнитель» (1964), «По дороге не туда» (1969), «Цена его жизни» (1985). Составитель книги А. С. Бухова «Рассказы, памфлеты, пародии» (Москва, 1972).

Умер в Москве 2 ноября 1996 года. До конца жизни поддерживал земляческие связи с воронежцами.

Известный советский писатель-юморист Леонид Ленч писал: «Гражданская позиция Сергея Ананьина ясна и непоколебима. Это точная политическая целеустремленность, смелость и последовательность сатирической мысли, способность в резких, заостренных и остроумных образах отображать чуждое советским людям. Саркастические усмешки писателя по поводу обличаемых им отрицательных явлений проникнуты сердечной болью, страстным желанием способствовать скорейшему их искоренению».

НИКАКИХ ШЕВЕЛЕНИЙ

Мы стояли у санатория и, перебирая ногами, чтобы не приклеиться к горячему асфальту, слушали напутственное слово массовика.

– Товарищи отдыхающие! – говорил он восторженно.– Само слово «экскурсия» означает коллективный осмотр достопримечательных мест. Опытный экскурсовод покажет вам достопримечательности нашего, города-курорта, лучшего на Черноморском побережье…

К санаторию подкатил автобус. Двери его раскрылись, и нам в лицо, вырываясь на свободу, пахнул раскаленный воздух. Мы невольно попятились назад.

– Смелее, товарищи! – подбодрил массовик. – За мной!

Мы устремились за массовиком, решив, что курортникам, укрепившим свои силы, стыдно проявлять трусость; наше мужество усиливалось тем, что за право побывать на экскурсии мы заплатили деньги.

Когда все расселись по местам, массовик пересчитал нас, тыча, чтобы не сбиться, в каждого пальцем, представил хмурого экскурсовода, подал знак шоферу и ловко выпрыгнул из автобуса.

Двери тотчас же захлопнулись.

– Вам не кажется,– спросил, тяжело дыша, мой сосед Николай Николаевич, – что так молниеносно может захлопываться, кроме нашего автобуса, еще мышеловка?

– Пожалуй, вы недалеки от истины, – ответил я, тщетно пытаясь открыть окно. – Разница лишь в том, что в мышеловке легче дышится.

– Отставим посторонние разговоры! – приказал экскурсовод и встал спиной к двери, словно желая подчеркнуть, что выхода у нас нет.

Мы съежились и притихли. Автобус помчался по городу, действительно очень красивому.

– Товарищи отдыхающие, – начал экскурсовод привычным, то есть монотонным, голосом. – Сейчас вы совершите интересную экскурсию по городу-курорту, являющемуся всесоюзной здравницей, имеющему очень много достопримечательных мест. Мы проедем мимо дендрария – так, называется богатейшее собрание вечнозеленых растений, а также мимо других достопримечательностей, которыми так богат наш курорт. Ваша обязанность…

– Позвольте, почему мимо? – встревожились мы. – У вас экскурсия или автобусная прогулка?

– Самая настоящая экскурсия. И таков маршрут, разработанный и утвержденный горэкскурсбюро, – ответил экскурсовод. – На чем вы меня перебили? Да, ваша обязанность – беспрекословно слушаться меня и Аркашу.

– Это я Аркаша, – поднялся, улыбаясь, смуглый юноша с фотоаппаратом. – Буду вас – чик! – фотографировать.

– Совершенно верно, – подтвердил экскурсовод. – На каждой остановке. И давайте заранее условимся: фотографироваться всем, иначе не будет полного лица экскурсии.

– Предупреждаю, – опять поднялся, улыбаясь, Аркаша. – Пока не скажу «благодарю», никаких шевелений делать нельзя. Зачем сейчас перестали шевелиться? Сейчас можно шевелиться.

– Товарищи, – продолжал экскурсовод. – Впереди, слева, просматривается красивая башня. Это вокзал, где останавливаются железнодорожные поезда. Мы тоже остановимся там на минутку. Справа просматривается другая башня. Это порт, где останавливаются морские корабли. По плану, мы там не остановимся.

Указанные башни замечательны своей архитектурой. Никакого практического значения они не имеют. Сейчас мы остановимся, разместимся, и Аркаша запечатлеет вас на фоне железнодорожной башни. Прошу выходить дружнее, чтобы не сорвать графика экскурсии.

– Сюда, сюда! – ласково приглашал Аркаша, юркий, каким и подобает быть фотографу. – Прошу не делать никаких шевелений... Благодарю. Теперь перейдем сюда... Благодарю. Теперь станем здесь... Благодарю.

– Теперь поехали дальше, – сказал, взглянув на часы, экскурсовод.

– Осмотреть бы этот архитектурный памятник, – робко попросил Николай Николаевич.

– Не предусмотрено, – ответил экскурсовод, загоняя нас в автобус. – Осмотрите в неорганизованном порядке. Так сказать, бесплатно. Продолжаем экскурсию. Впереди четко просматривается дорога, по которой мы едем. Справа и слева просматриваются санатории. На полном ходу, конечно, трудно разобраться в их архитектуре, но, поверьте на слово, она прекрасна и отражает заботу об отдыхающих. Сейчас мы остановимся, разместимся и увековечим себя навечно на фоне ресторана «Ривьера». Слово «ривьера» – это перевод на иностранный язык всем понятного слова «побережье». Прошу выходить смелее.

– Улыбнитесь, – попросил Аркаша, расставив нас на фоне ресторана. – И, пожалуйста, на ресторан не смотрите: увидите цены, улыбки моментально пропадут. Приготовились? Никаких шевелений! Снимать буду с выдержкой... Благодарю. Выдержка у вас хорошая. Теперь перейдем сюда... Благодарю.

– Быстрее в автобус! – подал голос экскурсовод. – Продолжаем осмотр достопримечательностей. Справа просматривается крыша гостиницы «Приморская». Названа гостиница так потому, что находится на берегу моря. Так сказать, при море. Дальше, также справа, перед вами промелькнет вход в санаторий Министерства высшего образования... Море, как вы, может быть, уже заметили сами, все

время остается справа. На обратном пути – обратите внимание на это любопытное явление – оно будет слева. А сейчас мы остановимся, зайдем в павильон «Кавказ» и попробуем молодого виноградного вина «Изабелла». Желающие могут, конечно, принять кое-что и покрепче. Потом разместимся и увековечим себя на фоне дерева, носящего название Вавилонская ива.

Мы вылезли из автобуса, послушно зашли в павильон «Кавказ», оказавшийся обычной «забегаловкой», послушно улыбнулись, когда Аркаша нацелился на нас фотоаппаратом, и так же послушно полезли в огнедышащий автобус.

– Молодцы! – похвалил экскурсовод.– Только вылезайте обратно. По плану, мы должны несколько шагов пройти пешком: надо, чтобы вы бросили взгляд на любопытное дерево. Оно любопытно тем, что по-местному называется, извините за выражение, бесстыдницей. Бесстыдство заключается в том, что оно, это дерево, на глазах у всех, не стесняясь, раздевается догола, то есть снимает с себя всю одежду, именуемую по-научному корой. Вот это соблазнительное дерево. Взглянули? Теперь быстрее в автобус! Приятно иметь дело с такими дисциплинированными экскурсантами! Наша экскурсия успешно близится к концу. Нам еще осталось сфотографироваться на фоне моря, потом на фоне…

Экскурсовод не докончил, потому что Николай Николаевич, засучивая на ходу рукава рубашки, вдруг пошел на него, ласково говоря:

– Прошу не делать никаких шевелений. Пока не скажу «благодарю», не шевелитесь. Почему не улыбаетесь?

Улыбались мы, наблюдая, как экскурсовод побледнел, затем вскрикнул и резво помчался вправо, где отчетливо просматривалось городское экскурсионное бюро.

1955

ПРОТИВОАТОМНЫЕ САРДИНЫ

Сценка из западногерманской жизни

– Неужели дела зашли так далеко?! – испуганно воскликнул Михель, роняя журнал «Дер Шпигель».– Боже мой! Что ни день, то новость! Марта! Марта!..

– Опять правительство проявило о нас заботу? – встревожено спросила Марта, вбегая в комнату и вытирая руки о фартук. – Говори сразу, Михель. Что нам еще предписывается делать? Жить в подвале? В бункере? Приобретать домашние атомные пушки? Кричать караул?

– На этот раз, Марта, ты не угадала. Нас призывают запасаться продуктами.

– Ты сошел с ума!

Михель поднял журнал и прочитал:

– «Граждане Федеративной республики! Покупайте сардины! Когда дело дойдет до мощного ядерного взрыва, то в ваших подвалах будут важнейшие калории!» Соображаешь?

– Начинаю соображать! – язвительно откликнулась Марта. – Значит, так: происходит мощный атомный взрыв. Подвал, в котором мы с тобой прячемся, конечно, летит к черту и даже дальше. А мы сидим живехонькие, потому что у нас изо рта торчат эти самые сардинки – вернейшее противоядерное средство! Интересно, Михель, какой идиот это выдумал?

– Ох и язычок у тебя, Марта! – пугливо оглянулся по сторонам Михель. – Объявление дал уважаемый господин Шмидт, крупный торговец из Гамбурга. Он выполняет свой высокий гражданский долг.

Михель взял со стола газету «Рейнишер Меркур» и продолжал:

– Вот здесь написано, что министерство продовольствия и снабжения Федеративной республики обратилось с призывом к населению создавать дома запасы продовольствия, так сказать, приватные продовольственные склады. Зачем? Как поясняется, «на вся-

кий серьезный случай». Разрабатывается специальная памятка, чем именно мы должны запасаться, чтобы уцелеть от всесокрушающего ядерного удара русских. Неудивительно, что торговцы уже проявляют о нас заботу и…

– …и хотят сбыть залежавшиеся консервы, – перебила Марта. – Хорошо еще, что торговцы ночными горшками не додумались утверждать, будто их товар защищает заднее место от радиоактивных осадков! Удивляюсь тебе, Михель. Ты аккуратно заносишь в расходную книгу каждый пфенниг, сердишься, когда я вместо ста двадцати пяти граммов масла куплю сто пятьдесят – ты называешь это расточительством, – и вдруг создавать дома продовольственный склад!

– Но, Марта, – нерешительно произнес Михель. – Вдруг действительно, как утверждают американская администрация и кое-кто из наших высокопоставленных лиц, Советский Союз нас атакует?

– Атакует! – Марта всплеснула руками. – А кто уже истратил несколько сотен миллиардов на возрождение бундесвера? Русские? Кто требует, чтобы у нас были американские ядерные ракеты? Русские? Ты… ты… Как ты оболванен! Впрочем, тебя очень легко обмануть. Лично я давно в этом убедилась.

– И как давно? – обиделся Михель.

– В первую нашу брачную ночь! – разозлилась Марта и, выйдя из комнаты, громко хлопнула дверью.

ГАВРИИЛ ТРОЕПОЛЬСКИЙ

Дружеский шарж Б. Цуканова

Гавриил Николаевич Троепольский *родился 16 ноября 1905 года в селе Новоспасское Борисоглебского уезда Тамбовской губернии в семье священника. Окончил Борисоглебское среднее сельскохозяйственное училище (село Алешки). Учитель в сельских школах. С 1931 года перешел на агрономическую работу. С 1937 года заведующий государственным сортоиспытательным участком (город Острогожск), занимался селекцией проса. В Воронеже с 1954 года. В 1953–1954 годах в журнале «Новый мир» опубликован цикл сатирических рассказов Троепольского «Записки агронома».*

Известность автору принесла повесть «Белый Бим Черное ухо» (1971), посвященная А. Т. Твардовскому; она выдержала множество изданий в стране и за рубежом; по произведению снят одноименный художественный фильм (режиссер – С. И. Ростоцкий, 1977). Большой общественный резонанс имел очерк «О реках, почвах и прочем» («Новый мир», 1965, № 1), поднявший острые проблемы экологии.

Автор повестей «Кандидат наук», «В камышах», романа «Чернозем», многих рассказов, комедии «Постояльцы» (собрание сочинений Троепольского в 4 томах, Москва, 1987–1988).

Лауреат Государственной премии СССР (1975), международной литературной премии (Италия, 1981), почетный гражданин города Воронежа (1993), почетный доктор Воронежского государственного университета (1993).

Умер 30 июня 1995 года. В Воронеже, на площадке перед Театром кукол, установлена скульптура Белого Бима (1998), а на доме, где жил Троепольский (ул. Чайковского, 8), – мемориальная доска. В 2005 году имя Троепольского присвоено Воронежской детской библиотеке № 32. Его именем названа улица в Воронеже, а в средней образовательной школе № 102 открыт музей его имени (17.01.2018). В марте 2021 года городскими властями принято решение установить памятник Троепольскому в реконструированном воронежском парке «Орленок».

Известный советский критик И. А. Дедков, размышляя о сатире Троепольского, отмечает особое ее свойство: писатель словно «видел: как бы сложно и трудно ни складывалась жизнь, в ней таился, блуждал по губам, взрывался смех». Насмешка Троепольского «могла быть злой или мягкой, даже сочувственной, но примирения не допускала. Писатель представлял… человеческие типы, которых по теории и быть-то не должно, но они здравствовали и даже процветали, и пора было всех и все поставить на место, а лучше смеха это никто не сделает».

ПАРШИВАЯ ФАМИЛИЯ

Он высокий, сухой, остроносый. Волосы жесткие, густые, почти седые. Голос же совсем не соответствует росту: тонкий, со скрипом, чуть приржавленный. А лет ему приблизительно пятьдесят пять – шестьдесят. Он никогда не улыбается, не может улыбаться, всегда суров и смотрит букой. Представьте себе тощего, прямого, как сухостойная ольшина, человека, тщетно пытающегося изобразить лицом и телом своим, скажем, Илью Муромца. Вот вам и будет он самый.

Его можно часто видеть и на улице города, и в Доме культуры, в кино, на базаре, в горсовете, на почте, в милиции – где угодно. Он вездесущий, этот угрюмый человек. И куда бы он ни пришел, там людям становилось не по себе. Если они до этого смеялись и были

веселы, то сразу мрачнели; если они работали не покладая рук, то после него опускали руки; если люди были добрыми, то становились злыми; если же до приезда угрюмого кто-то был невесел, то, будьте спокойны, обязательно заплачет.

Я совсем не хотел называть этого интересного субъекта по той причине, что очень уж паршивая у него фамилия, тоже совсем какая-то несоответственная. Даже неудобно говорить – Прыщ. И каких только фамилий не бывает на белом свете! Только подумать – Прыщ!

Так вот, гражданин Прыщ, получая хорошую пенсию, отгрохал себе домик. Потом продал его. Потом отгрохал дом. И еще раз продал. После таких операций он потребовал, чтобы ему дали квартиру. И дали. Пытались не дать, но куда там!

– Вот как вы относитесь к народу! – заскрипел гражданин Прыщ в лицо председателю горсовета. – Значит, учтем. Мы и в центр дорогу найдем. Что ж, будьте здоровы… до поры до времени.

– Вы же продали собственный дом! – развел руками председатель.

– А вы хотели, чтобы я в коммунизм вошел собственником? Интересно! Идеология! И вы, товарищ председатель, собираетесь руководить обществом, воспитывать?.. Да… Это действительно… – поскрипывал он с мрачной улыбочкой, стоя и пристукивая пальцами по притолоке, собираясь уходить. – Идеология! Ты, председатель, бюрократ! – И ушел, угрюмо усмехаясь.

Он никогда не стеснялся в выборе выражений, будь перед ним молодой человек или старый, заслуженный или незаметный.

А через неделю из области – запрос. Из Москвы – запрос. И все по поводу «дела» гражданина Прыща. Пять раз заседал Озерский горсовет, пять раз отписывались, разводили бюрократизм, а в шестой раз дали-таки квартиру тому человеку, который не желает войти в коммунизм собственником, а желает войти туда со сберкнижкой ценою в двести тысяч.

После того, как гражданин Прыщ перестал быть собственником и стал на порог коммунизма, он посвятил себя целиком и полностью делу укрепления общества города Озерска и воспитанию молодежи. Такую он поставил задачу, поскольку делать ему было нечего. И стал воспитывать.

Шел как-то гражданин Прыщ по улице. Шел медленно, будто он очень тучный человек, переваливаясь. Шел угрюмо, посматривая исподлобья. И вдруг услышал – боже мой! – он услышал веселый, раскатистый смех. Навстречу ему – три комсомольца, веселые, жизнерадостные. Они что-то рассказывали друг другу наперебой и заразительно смеялись, прижимая книжки к груди.

– Непорядок! – сказал товарищ Прыщ. – Эй вы, хулиганы, стойте! – И он сам остановился перед ними.

Для ребят он будто вырос из земли. Ершистый парень с непослушными волосами вытаращил глаза и в ужасе прошептал:

– Пры-ыщ!..

– Где вы находитесь? Почему хулиганите?

– Мы не... – попробовал возразить ершистый.

– Ну? Возражаешь? Хорошо. Учтем. Заявлю в милицию. Пятнадцать суток.

Ребята попробовали его обойти. Один даже извинился, неизвестно за что. Но гражданин Прыщ преградил дорогу. Около них уже собралась группа любопытных.

– Что там? – спрашивали они друг друга.

– Да хулиганов задержали. Послушаем. Интересно...

А гражданин Прыщ пошел и пошел точить:

– Вы слышали, что неделю тому назад обокрали магазин? Кто воры? Оба молодые люди. Отчего это так? Воспитываем, граждане, вот таких вот. – И он указал на смущенных ребят. Гражданин Прыщ уже вошел в азарт: – Вы несчастные хулиганы, вы не понимаете, что улица – для всех трудящихся! А вы идете и гогочете так, что все на вас оглядываются и тоже смеются. Улица – это вам не дом терпимости!

– Вон оно что! – послышался голос из толпы.

– Смеялись на улице, – сказал другой. – Что же им за это будет?

И в тот момент, легонько раздвигая толпу, подошли два милиционера. Один из них сразу узнал Прыща и спросил:

– Кого задержали?

– Троих. Хулиганов. Нарушали порядок.

– Граждане, разойдитесь! Ничего не произошло! – взывал пожилой милиционер. – Давайте пройдемте… Пошли, ребята! В милиции разберемся.

– Пойдемте скорее: стыдно! – шепнул милиционеру ершистый паренек.

И они все ушли. Угрюмо ушел и гражданин Прыщ.

За углом первого квартала ребята кратко изложили о происшедшем. Их отпустили с миром. Но никто из троих уже не смеялся так заразительно, как они смеялись до этого. Было обидно. А вокруг все стало мрачным.

Но гражданин Прыщ проследил за ходом исполнения. Он узнал-таки, что ребят не довели до милиции, он пришел к начальнику милиции и мрачно запилил:

– Потакаете хулиганам! Для вас не существует законов! Воров разводите, хулиганов воспитываете! Кто виноват, что молодежь развращенная?

– Я этого не вижу, – перебил его спокойно начальник. – Наша молодежь хорошая. Есть, конечно, исключения. Этих надо лечить. Паршивая овца все стадо портит.

– Что вы мне слова не даете сказать?! – пилил гражданин Прыщ. – Вы виноваты. Зачем отпустили троих хулиганов? За взятки? Да?

– Каких хулиганов? – забеспокоился начальник.

И пошла катавасия. Прыщ – заявление. Начальник вызвал тех двух милиционеров. Нашли тех самых ребят, вызвали их в милицию, допросили. И опять отпустили. И опять гражданин Прыщ написал в область. И опять – запрос. И снова – ответ в письменной форме.

О, если гражданин Прыщ вошел в милицию, будьте покойны, милиционеры попотеют: обязательно будет «дело»!

А в доме, где жили три веселых комсомольца, пошла молва: «Вызывали. Всех троих. Два раза вызывали. Ну и молодежь пошла! Ну и ну!»

– Воспитываем плохо, – скрипел гражданин Прыщ на каждом перекрестке. – Хулиганов отпускают. Она, и милиция-то, разложилась. С кого спрашивать?!

В общем, получалось так: если гражданин Прыщ шел по улице, то улица становилась угрюмой и казалось, дома сереют, а небо опускается и давит на городок Озерск.

Более того, гражданин Прыщ внес в горсовет письменное предложение следующего характера: «1. Запретить красить дома в белый, розовый, голубой, зеленый цвета, а равно и в прочие цвета, не внушающие доверия. 2. Предупредить всех граждан города о том, что дома должны быть преимущественно серыми, располагающими к серьезным раздумьям, или красными, поднимающими революционный дух масс».

Поскольку горсовет отказался от такого предложения, то гражданин Прыщ дал этому делу ход и написал в газету. Поскольку же газета не опубликовала его статью, то он написал на редактора в вышестоящую инстанцию. Будут скоро разбирать дело о невнимании редактора районной газеты к письмам трудящихся. Очень настойчивый этот сухой человек с жесткими волосами!

Но что дома? Дома – пустяк. А вот воспитание молодежи – это дело сложнее. Дело дошло до того, что гражданин Прыщ не удовлетворился полным молчанием улицы; он все чаще и чаще стал просто останавливать молодых людей и продолжал воспитывать на ходу.

Однажды шли по тротуару девушки, человек пять-шесть. Все они из десятого класса, все в фартучках – очень культурная и милая ватажка.

Вдруг одна из них тихо произнесла:

– Пры-ыщ!

И все произнесли тоже:

– Пры-ыщ!

Девушки приняли прямо-таки монашеский вид: слегка опустили головы, не разговаривали и скромно поприветствовали товарища Прыща. Он глянул на них, нахмурив брови и опустив углы губ, и спросил:

– А куда вы идете, позвольте-ка вас спросить?

– По домам, – ответила Лиза, самая смелая и самая маленькая из ватажки. – По домам. Из школы.

– Та-ак. А разве вы все живете в одном доме?

– Нет.

– Зачем так: ватагой?

– Так лучше, – ответила все та же Лиза.

– Ах, видите ли что! Так лучше! А если вас соберется сорок человек? А если сто? Значит, все можно? Так лучше вам? – Он уже не давал открыть им рта. – Знаете ли вы, что в поведении на улице мы видим лицо школы, мы видим и результаты воспитания? Вы разве не слышали, что в нашем городе за один год народный суд рассмотрел шесть разводов? Да. Шесть женщин бросили шесть мужей! Отчего? От плохого воспитания в школе и дома. Улица вам не... для хулиганства. Улица, она призвана воспитывать молодежь. А вы, бессовестные, ватагой, как те глупые овцы... Бесстыдницы!

Высокая худенькая Нина заплакала. Она никогда не слышала подобной обиды ни дома, ни в школе. А маленькая Лиза, как обозленный котенок, прыгнула к сухому человеку и выкрикнула в негодовании, покраснев:

– Товарищ Прыщ! Вы прыщ!

О! Это было уже хулиганство. Гражданин Прыщ немедленно отправился к директору школы. Гражданин Прыщ возмущался. Гражданин Прыщ негодовал и требовал немедленного созыва родительского собрания, где он, Прыщ, желает сделать сообщение о новейших методах воспитания молодежи.

– Распустили! Довели молодежь до того, что жутко жить становится, – методично скрипел он, чуть взвизгивая, как тупая ножовка на сучке. – Вы понимаете, что вы разрушаете будущее нашего общества? С кем мы войдем в коммунизм, спрашиваю я вас? – пилил он директора. Известно ли вам, что обокрали магазин? А? Неизвестно? Обокрали. Кто? Два молодых человека. Вы привели молодежь к пропасти. Вы!

Директор поднял обе руки, замахал ими и прокричал одно только слово:

– Уходите!

– Учтем, – сказал гражданин Прыщ. – Голос общественности выгоняете... Совесть народа! Прекрасно. У нас и в Москву дорога известна. Мы и в облоно знаем путь.

Директор, уже совсем обессилев, тихо и жалобно, в изнеможении, сказал еще раз, будто выдохнул:

– Уходите…

Гражданин Прыщ ушел. А директор, закрыв за ним дверь, сел в кресло и заплакал. По-настоящему заплакал. Сколько трудов, сколько бессонных ночей, сколько теплых писем из разных концов страны от выпускников школы! А тут пришел «голос общественности» (он же «совесть народа») и оскорбил старика… Заплачешь! Волком завоешь!

В тот же день об оскорблении директора узнали и те трое парней, которых таскали в милицию. (Они, оказывается, носили одно и то же имя – Петя. Так их, впрочем, и на улице звали – «три Пети» или «три веселых Пети»). Они возмутились. Чаша их терпения переполнилась. Они потрясали кулаками в воздухе, будто угрожая неприятелю.

– В райком комсомола! – крикнули все трое. – Завтра в райком! Больше терпеть нельзя! Нам теперь все равно: два привода в милицию уже имеем.

Все три Пети притопали в райком комсомола: Петя-длинный, Петя-толстый и Петя-ершистый.

Пети требовали немедленно созвать бюро и обсудить вопрос о гражданине Прыще.

– Не понимаю, – удивился, разводя руками, секретарь. – Как же вы сформулируете вопрос в повестку дня? Это же совершенно невозможно.

– Возможно! – гаркнули три Пети.

– Как же сформулировать? – повторил секретарь.

– «О влиянии Прыщей на состояние лица комсомола», – предложил Петя-длинный.

– «Борьба молодежи с Прыщами», – предложил Петя-толстый.

– Не так, – сказал Петя-ершистый. – «Прыщи порочат лицо советской молодежи и комсомола».

– Ну, это уж совсем не годится, – сказал секретарь. – Может быть, просто «О гражданине Прыще»?

– Нет, – сказали три Пети сразу, наперебой, – «О Прыщах», обязательно «О Прыщах», а не о Прыще. Может, еще где есть такие. Обо всех надо.

– Тогда так: «О гражданине Прыще и ему подобных», – заключил секретарь.

Представьте себе, ведь обсуждали на бюро! Степенный Петя-длинный сделал краткое сообщение.

– Товарищи! – говорил он.– Мы – молодежь. Это точно. Мы любим школу. Точно. Мы работаем. Это тоже точно. Молодежь покорила целину, молодежь строит заводы, молодежь строит дома, молодежь проливала кровь на защите Родины. Это уж точно. Раз я сказал… – Тут он малость зарапортовался, сбился и продолжал: – Не так я сказал. Значит, так: откуда же взялась такая молодежь? Из плохой школы, из плохой семьи? Не может этого быть! Точно. А гражданин Прыщ позорит нас на каждом шагу, оскорбляет. Везде сует нос и везде портит здоровый воздух. За что он порочит всех и вся? А от нас требуют вежливости к таким вот… Да если курицу дразнить, то и она будет драться! – крикнул он и вытер лоб рукавом. – Вот я вам еще расскажу. Играл на гармошке на базаре комсомолец из колхоза «Луч», а он, этот самый Прыщ, назвал его хулиганом. И чуть гармошку не отобрал. Да, спасибо, парень с головой. Говорит: «Ты за гармошку не берись. А то будешь очень бледный». И кулак показал. «Играть, – говорит, – не буду. Извиняюсь, если не полагается на базаре играть. А за гармошку прошу вас не лапать». Почему это не полагается? Приехал человек из колхоза на базар, купил гармошку, а играть нельзя. Да еще и хулиганом обозвал. Да тут любой выйдет из терпения. Какую же от него требовать вежливость? Я и так еще скажу, как сказал один писатель: «Если человека каждый день называть свиньей, то он обязательно захрюкает»… Почему нельзя играть на гармошке? Глупости все это! В общем, я кончил.

– А что же ты предлагаешь? – спросили Петю.

– А я и не знаю, что предлагать. Просто нельзя дальше терпеть таких Прыщей.

Долго думали ребята, какое же предложение внести и как его сформулировать. Да так ничего и не придумали. Отложили до следующего заседания. В общем-то, все согласились: терпеть дальше нельзя. А вот что же делать с Прыщами? Решили подумать.

А гражданин Прыщ пронюхал о заседании бюро райкома комсомола и заскрипел уже в райкоме партии, у первого секретаря:

– Я дойду куда следует! Дойду! За что они опорочили голос общественности, молокососы? Вы что же распустили их так? Так вы воспитываете комсомол? С кем же мы придем в коммунизм, товарищ секретарь? – И скрипел, и скрипел, и скрипел, как разлаженный чирковый манок.

А секретарь все выслушал. Он не заплакал, как директор школы, не вскипятился сразу, как три Пети, не стал проверять, как начальник милиции, не испугался, как председатель горсовета. Он сказал так:

– Гражданин Прыщ! Я вас выслушал. Воспитывать молодежь надо. Согласен.

– От вас первого слышу такие слова! – воскликнул гражданин Прыщ. – Вот видите…

– Нет уж, я вас слушал, теперь вы послушайте. Так вот. Больше того, убежден я: в систему воспитания надо вносить коренные изменения, но… не с того конца, с которого вы… Впрочем, есть у меня совет.

– В советах я пока не нуждаюсь, мне…

– А все-таки…

– …мне не двадцать лет.

– …а все-таки…

– Это вы им советуйте, а…

– …а все-таки…

– А…

– А все-таки! Все-таки! До свиданья, черт вас возьми!

Нет! Не выдержал и секретарь. Он отошел к маленькому столику, налил из графина воды в стакан и пробовал спокойно освежить горло. Но зубы застучали о край стакана. Что поделаешь, у каждого человека нервы, а секретарь был тоже человек, и не железный. Вот и застучали зубы.

Теперь-то уж гражданин Прыщ напишет прямо в Москву. Будет и там «работа» по «делу» гражданина Прыща. Очень крепкий этот гражданин Прыщ. Крепок, как сухая мозоль: твердая, и нестерпимо больно. Сидит такая мозоль, мучает ногу и воображает, что без нее нога совсем бы пропала.

Ну что с ним делать? Да и что сделаешь, если он дошел даже и до библиотеки! Говорил «дойду» – и дошел. Там он категорически заявил, как «голос общественности», что все книги, от которых читатель смеется, надо изъять.

– Вы мне не возражайте, – монотонно зудел он там. – Вы не думаете о том, что развращаете молодежь. Да. А надо думать. Да. Учтите: народ требует. Народ наш не желает смеяться в такие ответственные моменты строительства новой жизни. Учтите! Вот так. Я говорю это вполне серьезно. Я пишу критическую статью. Скоро будет готова. Учтите. Вот так.

Не дай-то бог, чтобы гражданин Прыщ проник еще и в литературу! Тогда мы перестанем смеяться, а сатире закажем гроб с бархатной обивкой и такими надписями: с одной стороны – «Со святыми упокой рабу божию сатиру», а с другой – «Жила бледно, умерла незаметно».

Что бы такое придумать для работы в деле борьбы с Прыщами? Правда, Петя-ершистый предложил написать такой лозунг: «Товарищи дорогие! Не проходите мимо Прыщей. Очень просим от лица всей молодежи».

Кто ж его знает? Может быть, он и прав, этот Петя- умница...

А насчет борьбы с Прыщами в литературе уж и не знаю, что порекомендовать. Заседание, что ли, какое-нибудь устроить в Союзе писателей в свободный от заседаний день? Или, скажем, включить в план мероприятий и каждую субботу (короткий день) всем смеяться? А? Может быть, по методу Пети вывесить золоченую табличку размером 2×2 метра, на каковой начертать крупно: «Прыщам вход воспрещен!»?.. Не знаю. Не знаю. Не знаю, дорогой читатель. Это не мое дело. Я даже и фамилию-то не хотел называть. Больно уж паршивая фамилия. Ха! Прыщ!

1958

ГЕОРГИЙ ВОЛОВИК

Дружеский шарж Б. Цуканова

Георгий Георгиевич Воловик *родился 22 апреля 1909 года в слободе Чернянка Новооскольского уезда Курской губернии в семье регента церковного хора. Учитель рисования, пения, руководитель струнного оркестра в родном селе. Необоснованно репрессирован (конец 1930 года), после отбытия срока остался работать в системе Байкало-Амурского исправительно-трудового лагеря, побывал на Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке, на Печоре. В Воронеже с 1948 года. С 1949-го занимался литературным трудом. Произведения Воловика публиковались в альманахе «Литературный Воронеж» (с 1941 года), журналах «Подъем», «Крокодил», в «Литературной газете». Совместно с П. Г. Маляревским написал либретто детской оперетты Павла Аедоницкого «Репка» (поставлена Воронежским и многими другими театрами музыкальной комедии). По пьесе Воловика «Храбрый Никитка» был сыгран спектакль в Воронежском театре кукол (1956).*

Автор нескольких изданных в Воронеже книг, в том числе «В школе и дома» (1953), «Басни и фельетоны» (1957), «Обжалованию не подлежит» (1967), «О самом близком» (1969). На тек-

сты Воловика созданы песни композиторами К. И. Массалитиновым, Я. А. Гальпериным, Г. Т. Ставониным и другими.

Умер 17 октября 1983 года в Воронеже.

В аннотации к книге «Зов весны», вышедшей в свет после смерти поэта, Воловик назван «остроумным юмористом» и «боевым сатириком».

БАСНИ

Флюгер

Вертлявый Флюгер говорил Трубе:
– Я не завидую тебе!
Ты жалкое влачишь существованье.
Торчишь на крыше, словно шиш,
И небо попусту коптишь.
А у меня высокое призванье.
Я ветры все, как будто слуг,
Шлю то на север, то на юг,
Могучий ураган и тот не протестует,
Куда я повернусь, туда и дует.
– Действительно завидная судьба, – Ему ответила Труба, –
Поскольку есть у вас и власть, и сила,
То я бы попросила: Взгляните – солнце не взошло?
Надеюсь, вам не тяжело.

Не шевелился ни один листок,
Как ни пытался Флюгер,
а без ветра
Не мог он повернуться на восток
Хотя б на дольку миллиметра.

Шишка

На службу утром прибыл Лев
И, в зеркало случайно поглядев,
Увидел на носу порядочную шишку,
– Вот не было еще беды!
Добро бы уж вчера хлебнул я лишку,
А то не пью ни капли со среды,
За исключением воды.
Бывает флюс и прочий вздор.
Все это просто и обычно,
По демонстрировать такой вот помидор,
Пожалуй, не особенно прилично.
Спрошу-ка я Лису-секретаря,
Возможно, вся моя тревога зря.
Лисица по звонку явилась,
Взглянула, втайне удивилась.
– Ну, – вопрошает Лев, – каков мой вид?
– Болит?
– Да нет, почти что не болит,
Но выгляжу, должно быть, я ужасно.
Лиса в улыбке растянула рот:
– Вы что? Совсем наоборот.
Коль разобраться беспристрастно,
То и слепому станет ясно,
Что шишка даже вам идет!
Довольно повиляв хвостом,
Лев принял твердое решенье
Считать, что шишка – украшенье,
И успокоился на том.

О Львы, не поддавайтесь лести,
Она уж многих подвела.
В болячке нет ни красоты, ни чести,
На чьем носу она бы ни была.

ВЛАДИМИР КОМОВ

Дружеский шарж Б. Цуканова

Владимир Ефимович Комов (Комм) *родился 29 апреля 1919 года в городе Александровске Екатеринославской губернии. Из семьи служащих. Окончил Московский институт философии, литературы, истории (1941), Высшую партийную школу (при Центральном Комитете КПСС, 1948). Заместитель главного редактора газеты «Орловская правда» (с 1943 года). Собственный корреспондент газеты «Известия» по Воронежской области, Липецкой области, Тамбовской области (с 1960 года в Тамбове, с 1964 года в Воронеже). Как прозаик печатался с 1949 года. Публиковался в журналах «Москва», «Подъем», «Огонёк», «Крокодил», «Крестьянка» и других изданиях.*

Автор более 20 сборников сатирических и юмористических рассказов, очерков, в том числе «Мы с Павлушей» (Орёл, 1955), «Именитые знакомые» (Тамбов, 1961), «Щедрое богатство» (Воронеж, 1964), «Кто же богаче?» (Москва, 1973), «От всей души» (Москва, 1981). Пьеса Комова «Испытание» поставлена на сцене Орловского драматического театра (1958).

Член Союза писателей СССР (1958), член Союза журналистов (1959), заслуженный работник культуры РСФСР (1964).

С лета 2003 года жил в Москве, где и умер 11 августа 2004 года.

В аннотации к одной из книг Комова сказано: «Свои прямые обязанности – журналистские – он совмещает с писательскими и продолжает, так сказать, на общественных началах сочинять сатирические и юмористические рассказы, многие из которых экзаменуются на страницах „Крокодила“ и других изданий».

РЕЙТИНГ ГЛАСНОСТИ

Только-только председатель местного комитета открыл профсоюзное собрание, как экспедитор Паринов взметнул руку.

– Я еще не предложил повестку дня, а вы уже обсуждать ее хотите, – заметил профсоюзный вожак.

– Не хочу, а рвусь! Любой вопрос стыкуется с моим сообщением.

– Хорошо. Повестку загодя обнародовали. Напомню итоги полугодия. Замечания есть?

– Нет.

– Первым слово предоставляется товарищу Паринову.

– Развивая гласность, хочу сообщить о неправильном поведении экономиста Селиховой. Вчера на час опоздала к рабочему столу.

– Так мне же разрешили – сынишка заболел…

– Приказ не видел, в трудовом законодательстве о подобных ситуациях не читал.

Начальник отдела попытался подтвердить довод экономиста. Но экспедитор был неумолим:

– Сговор! Круговая порука! Боится, что факт будет зафиксирован, вот и выгораживает. Оставляю за собой право после проверки прокомментировать грубейшее происшествие.

Доклад об итогах полугодия был скомкан. В зале продолжали дебатировать проблемы, связанные с опозданием.

Спустя немного дней Паринов на совещании вновь растормошил коллег:

– Развивая гласность, хочу проинформировать трудовой коллектив: бухгалтер Ковалев не был на субботнике.

– Так ему же больше шестидесяти, он ветеран войны. Страдает гипертонией. Врачи запретили перенапрягаться.

– Возможно. Но считал своим долгом уведомить. Кстати, я тоже не молодой – за сорок. И весной страдаю аллергическим насморком. Но никогда не манкирую общественными мероприятиями.

– Теперь за бухгалтера принялся. И уже забыл, что недавно сигнализировал о «недисциплинированной» экономистке. Оказалось же, что никакого прогула и в помине не было, – бросила немолодая кассирша.

– Допускаю. Но коллектив должен обо всем знать и обо всем судить!

Через месяц в стенгазете появилась заметка Паринова «Под самым острым углом» о том, что машинистка Маркина в рабочее время «на государственной пишмашинке и казенной бумаге напечатала какую-то рукопись, по всему видать, научно-художественную, ради крупного шабашного заработка!»

Маркина в сердцах сказала автору:

– Ну и соглядатай!

– Осторожнее в выражениях.

– Так я же напечатала текст трех поздравительных адресов нашим юбилярам.

– А что, от руки нельзя было оформить? Слава Богу, все они читают еще без очков.

– Ну и человек – с невыливайкой вместо сердца!

– Пожалуюсь – душите гласность, критику и другие проявления демократии…

Незадолго до Нового года группа работников попросила провести собрание «Гласность – орудие перестройки».

Доклада не было. Предложили всем желающим выступить. И, конечно, первым вызвался выступить Паринов.

– Подождите, – раздались голоса. – И другие могут начать… А то Паринову вроде пожизненно предоставлено открывать прения.

– Снова зажим! – И экспедитор медленно опустился на стул.

Никто не обратил внимания на реплику. И тут как прорвало: говорили без бумажек и реверансов, убежденно, запальчиво о том,

как некоторые понимают гласность. И, конечно, подробно изложили «программу» Паринова, который пристроился к гласности, шельмует по очереди членов коллектива, присвоил право быть монополистом-обличителем.

Напомнили также слова из одной его речи: «Мол, задача моя – огласить, а за стопроцентную правдивость не отвечаю. Я не средство массовой информации, а рядовой сознательный член коллектива». Не забыли и о том, что сам работает спустя рукава и уже схлопотал два выговора за недобросовестное выполнение служебных обязанностей.

Обстановка так накалилась, что экспедитор и не пытался взять слово.

Поступило предложение: «Просить администрацию уволить Паринова как не заслуживающего доверия в служебном, нравственном и моральном плане».

– Не имеете права! – взвизгнул герой прений. – Я не номенклатура и не должностное лицо и не подлежу выборам или оценке «доверяем» или «не доверяем». Кроме того, у меня самый высокий рейтинг гласности.

– Что-что? – спросил молоденький водитель.

– Разъясняю популярно: в шахматах есть такой термин для оценки гроссмейстеров и мастеров. Кто лучше всего сыграл в турнирах самого высокого класса, у того и самый высокий рейтинг. Вот и у меня, за выступления устные и печатные, накопился самый большой результат. Сам подсчитал. Что же вы мой послужной список, бойцовский аттестат хотите перечеркнуть?

– Вот спасибо, все разъяснил, – сказала уборщица тетя Настя. – У тебя и впрямь самый, самый высокий этот самый… по поклепам, наветам и придиркам.

– Точно, – снова бросил водитель, – у товарища диспетчера – самый крупный коэффициент по демагогии. Так что поддерживаю предложение – нечего ему делать с таким «рейтингом» в нашем коллективе.

ВЛАДИМИР ЕВТУШЕНКО

Дружеский шарж А. Цветкова

Владимир Яковлевич Евтушенко *родился 14 июля 1925 года в селе Белогорье Острогожского уезда Воронежской губернии. Из крестьян. Участник Великой Отечественной войны.*

Окончил исторический факультет Воронежского государственного педагогического института (1953), Высшую партийную школу при ЦК КПСС (1959). Работал в селе Белогорье инспектором отдела культпросветработы (1945–1947), в районном комитете комсомола (1947–1951), редактором районной газеты (1951–1957), заведующим сектором печати Воронежского областного комитета КПСС (1959–1964), главным редактором газеты «Коммуна» (1965–1989), руководителем пресс-центра областного Совета ветеранов (1989–2013), редактором общественной редакции «Живая память» (1995–2013)…

Автор более 20 книг, в том числе «Поросенок с лучком» (Воронеж, 1963), «Яблоня раздора» (Воронеж, 1972), «Дыхание весны» (Воронеж, 1975; Москва, 1977), «Гарусеновский летописец» (Москва, 1981, 1985), «Журавль, упавший с неба» (Москва, 1986), «Встречи с Василием Теркиным: Сказ про однополчан» (Воронеж, 2003, 2004), «Тропа разведчиков» (Воронеж, 2005).

Член Союза журналистов, член Союза писателей СССР (1969), лауреат многих творческих конкурсов.

Умер в Воронеже 26 марта 2013 года.

В 1975 году в серии «Библиотека Крокодила» вышел сборник юмористических рассказов В. Евтушенко, где об авторе говорилось так: «Владимир Яковлевич Евтушенко – редактор областной партийной газеты „Коммуна“. Но вполне серьезное занятие – редактирование газеты – он уже давно и вполне успешно совмещает с таким несерьезным, как сочинение юмористических рассказов».

ГНЕВ САТАНЫ

Так вот… Докатался Пашка Христь. Угробил трактор. Вздумал прямиком, без объезда на мост, к хутору Зеленые Овражки добраться. И это в такую осеннюю слякоть! А зачем, спрашивается? Прослышал или нюхом учуял, что есть там возможность самогоном разжиться… В сельмаге-то после семи вечера запрет теперь.

Двинул через Лысый бугор, преодолел подъем благополучно – хорошая машина «Беларусь», сильная, устойчивая! – а на спуске пополз под откос…

Стоит сейчас Пашка Христь в правлении колхоза перед председателем, перед Федором Евсеичем, и объясняет как дело было, отвечает на неприятные вопросы.

– Бригадиром ведь тракторным был… Был? – Хмуро напоминает председатель, дабы наглядно показать, с какой высоты Пашка падает.

– Довелось… – кивает Христь и гладит рукой синюю, слегка распухшую щеку. На всякий случай добавляет: – Так что вину свою полностью…

– Погоди каяться, – морщится председатель. – Почему сняли с бригадирства? Водка довела… Она!

– Было такое дело, было… – смирно соглашается Пашка, умышленно представляя «дело» в единственном числе.

– Пил систематически, – уточняет строго председатель. – Перевели помощником бригадира. Думали, опомнится человек. Нет, куда там! Рядовым трактористом поставили. Ну и что? Что вышло?

– Согласен… Даю зарок… – Пашка произносит эти слова скороговоркой, он и раньше не раз их повторял.

Федор Евсеич задумался: что теперь делать с Пашкой? Минуты две молчал председатель, потом вынес такое решение: отстранить Пашку от всяких механизаторских работ, дабы не позорил высокое звание… Что касается ущерба, то пускай комиссия определит, в каком состоянии «Беларусь», тот, что вверх колесами теперь, и сколько следует взыскать с виновного, то есть лично с Пашки Христя.

Засопел Пашка, надулся так, что синяя щека, и без того припухшая, выперла футбольным мячом, слегка спущенным.

– Удерживайте стоимость ремонта, согласен… Но зачем же лишать меня тракторных работ? Что же мне, механику, теперь быкам хвосты крутить?

– Это если тебя допустим… к этим самым быкам, – усмехнулся председатель. – Они, как и пчелы, пьяниц не очень-то уважают, особенно этот… Сатана. Рассказывал дед Кузьма… От малейшего запаха лютует… А что? – Председатель снова задумался, хитро прищурился и поскреб пальцем седой висок. – А что? Деда Кузьму отпускаем на пенсию, плембыки остаются без уходчика… Вот тебе, Пашка, и место. Сам напросился.

– Да я ведь так, к слову сказал, а чтобы впрямь идти к быкам… Ну, нет, извините! – обиделся Пашка.

– А ты все же подумай, – посоветовал Федор Евсеич. – Иди домой и подумай до завтра… За трактор-то платить чем будешь? Может, корову желаешь продать? А? Иди-иди… Поразмысль хорошенько. Учти, другой работы тебе не будет.

Так вот… Трудно сказать, что там у Пашки дома было, какой разговор с женой состоялся, но утром следующего дня он пришел к председателю и, гладя рукой щеку (не ту, синюю, а другую, в красных полосках – будто кошачья лапа прошлась) дал такой ответ: мол, все взвесил, посоветовался с женой… и решил уважить просьбу председателя, подменить – временно, конечно! – деда Кузьму в уходе за плембыками.

Федор Евсеич молча пододвинул лист бумаги.

– Пиши расписку.

– Какую такую расписку? – удивился Пашка. – О чем писать?

– О том, что ты мною предупрежден и, если появишься у быков… ну, с запашком… за последствия отвечать никто не будет. Пеняй потом сам на себя. Повторяю, Сатана от винного духа в гнев приходит. А рога у него – будь здоров!

Ухмыльнулся Пашка, подумал про себя: хитри, председатель, прорабатывай… Чем стращать вздумал – быком, рогами… На тебе расписку, бери, хоть две намалюю.

– Может, завещание еще потребуешь, Евсеич? – ухмыльнулся Пашка.

– А ты не смейся, я серьезно тебе говорю… – Председатель взял у Пашки расписку.

* * *

Сатана встретил Пашку настороженно. Покосился на него, шумно втянул воздух и замотал, фыркая, крутолобой рогатой головой.

Не понял все же Пашка Христь этого бычьего предупреждения, не догадался, что бык уловил неприятный для себя сивушный перегар, которым несло от нового уходчика.

Ближе к вечеру Пашке пришла мысль: не мешало бы по случаю новой должности и первого удачного дня отметиться. А чего? Сельпо рядом, семи еще нет, в продаже есть, что надо… Жена на ферме. И еще одна мысль мелькнула – второстепенная: посмотрим, какого ты мне страху нагнал, председатель… Проверим на практике.

* * *

Мурлыча песню «Скакал казак через долину…» и слегка пошатываясь, Пашка вошел в пристройку к коровнику, где стоял бык Сатана, и поприветствовал его:

– Мое тебе почтенье, друг любезный! – Взял в углу охапку сена, кинул в кормушку. – Жрать подано.

Бык круто нагнул красивую белую голову, утробно замычал и топнул ногой, сотрясая пол.

– Чего пузыри пускаешь, друг лю…

Кормушка с сеном вдруг взлетела вверх, посыпались куски дерева, сухая трава.

– Ты что? Ты чего?.. – Протер глаза Пашка и попятился. – Стой, бешеный!

Сатана навалился могучей грудью на перегородку, она сухо треснула.

Прижавшись к стене, холодея от ужаса, Христь уставился на грозно надвигающегося быка, на его широкий, как печь, лоб в завитушках, из которого пиками торчали черные лоснящиеся рога. В какие-то доли минуты Пашке вспомнился прошлогодний рассказ деда Кузьмы о том, как Сатана крепко намял бока ветеринару из района, когда тот обследовал ферму, а был выпивши. Гость спасся тем, что, удирая от рогатого преследователя, забрался на телефонный столб. Не поверил тогда Пашка деду: ветеринар, одетый, в сапогах, смог залезть на голый столб? Чепуха!.. Не может сего…

Мысль прервалась в воздухе. Мгновенно подброшенный Пашка полетел, взмахивая полами кожуха, к двери, шлепнулся – довольно удачно – на руки и на ноги и по инерции вылетел во двор.

Но и бык не стоял на месте. Он победно взревел и, вращая покрасневшими глазами, кинулся следом за уходчиком.

– Сатанчик… миленький! – закричал Пашка, оглядываясь. – Я больше не… согласен… не…

Бык сопел уже рядом, его рога вот-вот коснутся спины…

Пашка по-заячьи вильнул в сторону, подпрыгнул и почувствовал, что на чем-то повис. Столб! Вот оно, спасение! Тут же столб задрожал от удара быка, зазвенели вверху провода.

Одна пола кожуха оказалась пришпиленной к дереву, сам Пашка, полураздетый, без шапки, висел, уцепившись за фарфоровые чашечки, на самой верхушке столба и кричал испуганным, протрезвевшим голосом:

– Люди, рятуйте! Люди, сюда!

Сатана буйно крутился у столба, мычал и яростно топтал обрывки Пашкиного кожуха.

Первыми прибежали доярки. Успокоили кое-как быка, отогнали его в стойло. Потом, поняв все, схватились за животы, чуть не повалились от хохота.

– Бабоньки, что за птица примостилась там на столбе?

– Да, то же наш Христь!

– Гляньте, в сапогах, а вознесся на самую макушку, как святой!

– Фокус да и только.

– Пашенька, тебе там не зябко? Слазь, голубчик…

– А вы там… хорошо… его заперли? – спросил Пашка. Спустившись вниз, пригрозил: – Я буду жаловаться. Этого я так не оставлю… – И отбросил в сторону рукав от кожуха.

* * *

Дня три Пашка Христь сидел дома. Потом к нему заехал председатель. Внес в избу какой-то сверток. О чем они говорили, неизвестно. Но, видимо, тверд был Федор Евсеич в своем решении: Пашка снова появился подле быков. На нем красовался новый овчинный полушубок.

Сатана принюхался и, успокоенный, стал с аппетитом жевать поданное уходчиком сено.

Сказать, что окончательно исправился Пашка, пока рано… Но то, что вот уже три месяца от него пахнет только дубленым полушубком и ничем другим – это факт, это видно и по поведению быка: каждое утро он встречает уходчика приветливым мычанием.

1974

АЛЕКСЕЙ ПОПОВ-ФЕКЛУШИН

Рисунок И. Лопатина

***Алексей Арсентьевич Попов-Феклушин** родился 27 февраля 1925 года в селе Нижняя Ведуга Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии. Из крестьян. Участник Великой Отечественной войны. После демобилизации из армии работал мастером-десятником на строительстве судостроительного завода в посёлке Наваптино Горьковской области (1950–1952). Чертёжник, техник Воронежского «Облпроекта» (1952–1956). Инженер проектно-сметного бюро облкомхоза (1956–1985). Окончил филологический факультет Воронежского государственного университета (1969). Публиковался с 1941 года. Печатался в журналах «Крокодил», «Подъем», газетах Воронежа, Одессы, Горького.*

Автор около 30 изданных в Воронеже книг, в том числе историко-этнографического очерка «Нижняя Ведуга» (2001, 2002, 2005), автобиографических «Записок радиоразведчика» (2002, 2005), сборника литературных пародий «Да здравствует улыбка!» (2004). В жанре стихотворных филологических упражнений написаны книги «Играю словом» (1998, 1999, 2004), «Сказ о стране Руязии и её законах» (2003), «Поиски и находки» (2005), «От москита до кита» (2007).

Попов-Феклушин работал в оригинальном жанре «цифробуквенной» прозы, итогом чего стала книга «Людям деревни, города, села не обойтись без цифры и числа» (Воронеж, 2008).

Умер в Воронеже 28 августа 2014 года.

ТЕНЬ И ПЛЕТЕНЬ

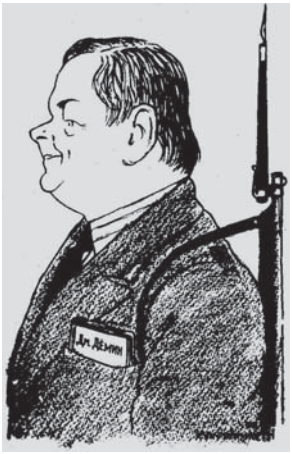
«Послушай, Тень, – сказал Плетень, –
Я – он. Мужского рода!
А ты хоть мне созвучна, Тень, –
Есть женская порода.
А почему? Да потому,
Что ты меня пониже
И положенью твоему
Род женский явно ближе»…
«Да, я – она! – сказала Тень, –
Насчет пониже – зря вы.
Я – Солнца дочь, отец мой – День,
А вы кто есть, дырявый!?
О вас скотина трет бока,
Загон вы и преграда,
А я от дуба, сосняка
В день знойный всем отрада!
Вот так, Плетень. И ваше „он“
Не признак благородства.
Не дал Грамматики Закон
Вам, сударь, превосходства»…
«Закон, ух ты, – смекнул Плетень, –
Да с ней свяжись – засудит»…
И он замолк. Молчит, как Пень,
И дальше жить так будет.

ДЕД СЕРГЕЙ

На нем поношенная кепка,
Рубаха – серого серей.
Так в мою память прочно, крепко
Влез словотворец дед Сергей.
Он всякий раз не ради шуток

Словечки новые творил.
Не говорил он «промежуток»,
Он «междужуток» говорил.
«Не клянчить» молвил, а «мыжжанить»,
«Втиху» побыть – не «в тишине».
Все – «шляться», он же – «шалыганить».
«Эй, шалыган!» – бросал он мне.
Съедалась «дуля», а не «груша»,
Рука не «чешется» – «свербит»,
А внучка Настя – «побегуша»,
Поскольку дома не сидит.
Его сумак, Егор Некрылов,
(«Сумак» – дружок. Его ж словцо)
Им величался «горборылый»:
Нос, скулы – горбят все лицо.
На торгашах мы. Праздник редкий.
Уставший, я готовлюсь в плач.
Он тихо: «Текуш, ты не текай,
Пошли, писклок, куплю калач».
Простыв, дед выпивал стаканчик
И грелся, лежа на печи,
И звал: «Ванюша, чурюканчик,
Айда суды, на кирпичи»...
Частенько он на той же печке
Свой прогревал радикулит
И вновь творил свои словечки:
«Ишь, „замигунил“, не болит»...
А если кто махорки фунтик
Просил взаймы, то дед мой рек
О нем, привязчивом: «Чанудик»
Или похлеще: «Скабазек»…
У всех у нас свои заслуги,
Не всем забвения трава.
Давно дед умер, но в округе
Еще живут его слова.

ДМИТРИЙ ДЁМИН



Дружеский шарж КУКРЫНИКСОВ

***Дмитрий Афанасьевич Дёмин** родился 27 декабря 1928 года в деревне Косарево Кромского района Орловского округа Центрально-Чернозёмной области. Из крестьян. Окончил профессионально-техническое училище (Ростов-на-Дону), филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета (1955). Работал в Центре научно-технической информации, помощник председателя Воронежского, затем Центрально-Чернозёмного совета народного хозяйства К. Н. Беляка. С 1965 года жил в Москве, был помощником председателя Моссовета.*

Около 20 лет сотрудничал с художниками-карикатуристами Кукрыниксами как автор стихотворных текстов к рисункам. Печатался с 1948 года (Ростов-на-Дону). Публиковался в воронежских газетах «Коммуна», «Молодой коммунар», «За научные кадры», журналах «Подъем», «Огонёк», «Крокодил», альманахах «Волга» (Саратов), «Поэзия», газете «Правда», «Литературная Россия». Работал преимущественно в жанрах сатирической миниатюры, короткой басни, эпиграммы.

Автор нескольких изданных в Москве книг, в том числе «Неоконченная повесть» (1981), «Цели в прицеле» (1981), «Гонец» (1984), «Ходит песня» (1987), «Искорки из-под копыт истории» (1998, 2008).

Член Союза журналистов, член Союза писателей СССР, трижды лауреат премии журнала «Огонёк».

Умер в Москве 5 июня 2002 года.

КОРОТКИЕ БАСНИ

Чайник

Кипел,
вздымался,
фыркал Чайник,
Как расходившийся Начальник.
А сняли,
смотришь: кум и брат,
За ручку даже можно брать.

Дым и Столб

– Я выше! –
Дым сказал Столбу.
Сказал –
и вылетел в Трубу.

Пень

На тропинке стоя, Пень
Возмущается весь день:
– Ну и люди же,
ей-богу,
Спотыкаются.
И дня
Обойтись никак не могут
Без меня.

В столовой

Повар кашу заварил,
Не решился пробовать.
И резон, конечно, был:
Не ему ж расхлебывать.

Балласт

Имеет вес,
давить горазд,
И называется
Балласт.

Воздушный шар

При красоте
и высоте
Он всем обязан…
пустоте.

Слово о Баране

Нет плова –
значит, рано
Брать слово
в честь Барана.

Дутая цена

Из Мухи
сделали Слона.
Объем возрос –
цена одна.

Жертва моды

«Опять худеть придется к лету», –
Проскрежетал скелет скелету.

Червяк

И там, где всем проход
был мал,
Червяк скользил –
и проползал.
Но, как ни полз,
ни пробирался,
Так Червяком и оставался.

Вода в ступе

Журчал доклад,
лилась вода –
И все скрывалось
без следа.

Подпевала

Не поет –
подпевает,
А живет-поживает.

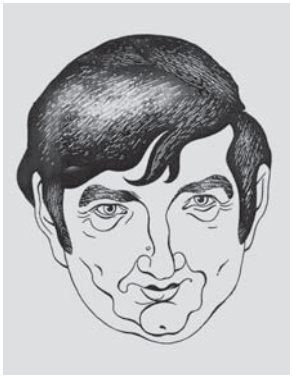
Гриб

Гриб в модной шляпе,
но увы –
Без головы.

Бюрократ

Уж сколько лет
Гадает свет:
Одушевлен он
или нет?

ВЛАДИМИР КОТЕНКО



Владимир Михайлович Котенко *родился 23 ноября 1934 года в селе Верхний Мамон Верхнемамонского района Воронежской области. В Воронеже с 1956 года. Окончил исторический факультет Воронежского государственного университета (1962). Работал на студии телевидения (Воронежский областной комитет по телевидению и радиовещанию, 1963–1965), фельетонистом (псевдоним Б. Фикусов) газет «Молодой коммунар», «Коммуна» (1965–1990). Учредитель и главный редактор юмористической газеты «Авось!» (1991).*

Автор 10 книг сатиры и юмора (начинал совместно с А. Давидовичем), в том числе «Любовь под псевдонимом» (Москва, 1980), «Служебный гороскоп» (Москва, 1989), «Война с амазонками» (Воронеж, 1999), «Корова на велосипеде» (Воронеж, 2008).

Член Союза писателей СССР (1981), лауреат нескольких творческих конкурсов: Воронежская областная премия Союза журналистов имени М. С. Ольминского (1973), диплом журнала «Крокодил» (1974) и других. Пьеса «Железный занавес» в 1990-х годах обошла сцены 40 театров страны (впервые поставлена Воронежским драматическим театром, 1988).

Умер в Воронеже 22 июля 2019 года.

Театральный критик В. Свиридов, представляя на страницах альманаха «Современная драматургия» (1988, № 1) пьесу

Котенко «Железный занавес», писал: «Я бы сравнил „Железный занавес“ с газетной фотографикой лучших мастеров репортажа. Этот хроникальный снимок драматургической камерой заставляет остановиться и вглядеться в самую суть происходящего сегодня, и вглядевшись – увидеть, а увидев – отреагировать. Кроме всего прочего, почти уверен, что взглянуть на это “фото” будет небезынтересно и в отдаленном будущем.

Пьеса получилась, безусловно, очень спорная, необычная, яркая. Можно с уверенностью предполагать диаметрально противоположные отзывы и оценки. Но мне думается, что судить ее надо строго по тем законам, по которым она создавалась. По законам перестройки и гласности, художественности и политичности. То есть по тем самым, по которым нам и надо бы жить сегодня».

РАССКАЗЫ

Голая правда

Она пришла ко мне после полуночи, потому что ночь – самое подходящее для такого визита время. Сентябрьская мгла, полонив сад лезла в окно маленького дома. Вдруг кто-то прильнул носом к стеклу. Это была женщина.

– Открой! – крикнула она. – Я совсем окоченела.

Она еще не вошла в светлый квадрат, образованный открытой дверью, как я уже понял, что женщина совершенно нагая. Я потупил глаза, чтобы ее не смущать, но она нисколько не смутилась. Плавными движениями вытерла о тряпку босые ноги. Маленький желтый лист прилип к ее плечу. Она села на стул, опершись руками о колени. Длинные волосы прикрыли грудь.

– Возьмите мой халат, – сказал я.

Она улыбнулась.

– Спасибо. Мне уже теплее.

– Вас раздела шпана? – спросил я.

– Шпана? – переспросила она задумчиво. – Нет. Я – правда. Голая правда.

– Хотите горячего чаю? – спросил я, чтобы собраться с мыслями.

Булки в доме не было, она аппетитно уплетала краюху черного хлеба с чаем. Я покачал головой.

– Страшно? – усмехнулась она.

– Если честно, боюсь. А что будет с ними?

– С кем?

– С теми правдами, которые я знал раньше?

– Плюнь. Они фальшивки.

– Все не так просто, – покачал я головой.

Чтобы успокоиться, я поймал по радио грустное старое танго.

– Каждый мужчина, если, конечно, он настоящий мужчина, должен узнать настоящую правду, – сказала она.

Я подошел к ней и погладил ее плечи. От шеи к рукам. Будто расправил погоны. Чистота и свежесть – вот что такое настоящая правда.

– А если я потом не смогу жить так, как жил раньше? Как живут все?

Она встала во весь рост. Светлые волосы, широкие бедра, простое лицо. Мне сразу вспомнился осенний лес, в его опавшие листья хочется броситься, как в глубокую пропасть.

– Почему ты не приходила раньше? – спросил я.

– Всему свое время. Ты у меня не один. Обними.

– Боюсь.

Я накинул ей на плечи свой халат.

– Понятно. Ты меня приукрашаешь, – усмехнулась она.

– А ты правда факта или правда века?

– Иди ко мне.

– Вот если бы тебя одеть, тогда можно и раздеть… Волосы собрать в узел.

– Не люблю.

– Намазать помадой губы.

– Противно. – Она встала. – Я ухожу, – сказала она холодно.

– Куда? – спросил я.

– К другому.

Она ушла, хотя начался дождь.

Как-то я встретил ее снова. На улице. Она была в мини-юбке, в прозрачной кофточке. Голый пупок. Волосы крашеные, лицо размалеванное. Мужчины шли за ней толпой. И я пошел.

Это была уже полуправда.

Воспоминания о воздушных замках

Ах, какие прекрасные прежде были воздушные замки! Дерзновенные, образцово ажурные, изумительно прочные, без недоделок. В них легко дышалось, они манили в себя, их хватало на каждого страждущего, все имели свой индивидуальный воздушный замок, а кое-кто даже несколько штук. Тонкий перекидной мостик вел вас через наливной ров. Вы шли в зимний сад, густо пахло розами, божественные птицы пели для вас неземные песни, а гирлянда фонариков на деревьях уводила вас на край мечты.

Из сада вы шествовали бесконечными залами, двери распахивал услужливый дворецкий во фраке, ваш взгляд услаждали старинные картины, а телеса – роскошная кресла. Натертые до блеска полы отражали довольную физиономию.

Физиономия была вашей.

Вы заказывали себе на ужин рябчиков и ананасов, запивали шампанским, красивые женщины играли вам на лютнях для аппетита.

Женщины тоже были ваши.

А какие прежде были миражи и фата-морганы! Если путник погибал в пустыне от зноя, то видел в мареве, почти рядом, лучший в мире оазис, который плыл на горизонте, как горделивый парусник. В оазисе шелестели пальмы, давая путникам тень, журчала вода в арыках, на каждом углу торговали мороженым, вас принимали в оазисе словно родного, угощали диковинными винами и плодами, вели с вами душещипательные беседы, роскошные женщины исполняли танец живота по заявкам.

Заявки были ваши.

О высоких достоинствах прежних фата-морган я могу засвидетельствовать лично, ибо однажды в необыкновенно жаркий день в пустыне Каракумы мне предстал почти воочию пивной ларек, он

был рукой подать, там торговали милым сердцу свежим и холодным «жигулевским». Очереди к ларьку не было, румяная, пышная продавщица Дуся явно скучала в отсутствие клиентов. Пересохшими губами я попросил сразу четыре кружки, втайне опасаясь, что она совершит недолив, однако Дуся, не поведя выщипанной бровью, наполнила четыре кружки до краев, дала им отстояться, потом долила, снова переждала пену и опять капнула сверху. Согласитесь, это было чудо! Коим и оказалось в самом деле. Я протянул руку, однако кружки исчезли.

А что мы теперь, господа, имеем?! Какие нынче у людей воздушные замки, какие миражи и, извиняюсь, фата-морганы? Даже говорить противно.

Как-то на днях меня пригласили в районную администрацию и спросили:

– Вы подавали заявку на воздушный замок?

– О, да! Очень давно.

– Получите ордер на вселение. Вам на каком этаже? Вернее, небе?

– На седьмом.

– Кончились. Остались только на первом.

– Что такое первое небо? Это все равно, что первый этаж.

– Берите, берите, а то скоро и этих не будет.

Согласно выданному ордеру, я вселился в долгожданный воздушный замок. Увы, увы… Комнаты были смежные, ванна тесная, не уляжешься, кухня – не усядешься, краны урчат, унитаз вопит, батареи шипят, обои трещат, полы скрипят.

Не воздушный замок, а так, халтура, типовой проект. При этом строители спустили налево тысячу кубов воздуха и пропили импортный озон.

На днях мне опять пришлось побывать в пустыне Каракумы. В раскаленном мареве возник все тот же пивной ларек, но возле него уже толпилась большая очередь, буфетчица хамит, не доливает, пиво теплое и кончилось. В арыках плавают окурки, под пальмами битые бутылки, кипарисы поломаны, женщины изнасилованы, танец живота не исполняется, потому что живот одряхлел и состарился.

Чудо кончилось.

Доброе утро, или Спокойной ночи!

Я проснулся от выстрела в затылок и услыхал вежливый, бархатный голос, какой приятно слышать после сна в других обстоятельствах, но, увы, не в этих…

– Вы просили вас разбудить. Доброе утро! – Голос продолжал:

– Взгляните в окно: на небе ни облачка. Веет легкий, бодрящий ветерок с юга. Ну, поднимайтесь, лежебока!

– Но вы же меня убили!

– Убил?! Зачем такие обидные слова? Когда убиваешь, жмешь гашетку до конца, а я ее только чуточку прижал. Зато вы сразу пробудились, увидели солнце, ясное небо, прелесть распустившихся хризантем – все это прекрасное утро.

– Но зачем вы стреляли? Силы покидают меня…

– Повторяю: хотел вас поскорее разбудить. Чтобы вы не тянулись, не зевали, не теряли драгоценное время.

– Но вы могли бы и крикнуть…

– Да, а если бы я вас до смерти напугал? На всю жизнь оставил заикой? Я никогда бы себе этого не простил.

– Стащили бы с меня одеяло…

– Чтобы вы простудились? Окно распахнуто, а на дворе хоть и ясный день, но все-таки осень.

– Ударили бы меня в конце концов…

– О боже! Куда?

– Хотя бы по щеке, – едва выговорил я из лужи крови.

– Бить человека?! Никогда! Я не садист. И где гарантия, что вы пробудились бы сразу?

– В крайнем случае выстрелили бы мимо.

– Да, и поцарапал бы стену. А рикошетом пуля могла отскочить в вас, мой самый драгоценный человек!

– А если бы я вас разбудил выстрелом в упор? Вам бы понравилось? – прошептал я, теряя сознание.

– О, это бы вам не удалось… Я всегда встаю раньше вас, едва забрезжит рассвет. Впрочем, если вам не по душе то, что я сделал сегодня, завтра я поступлю иначе. Я подниму вас ласковой песен-

кой, солнечным зайчиком, пристальным взглядом, нежным прикосновением… Я войду в комнату на цыпочках, не дыша, пощекочу вам пятку и только после этого пиф-паф ой-ой-ой… И вы пробудитесь, и мы, обнявшись, пойдем нюхать цветы… А сейчас я ложусь спать.

– Утром? – ахнул я, за минуту до смерти.

– Да, у меня такая привычка: сразу же, как только я разбужу всех…

– Всех?!

– …я ложусь спать с чувством хорошо исполненного долга. Спокойной ночи!

– Доброе утро! – воскликнул я, просыпаясь.

Мы не рабы

Дворник Пахомыгч не спал. Прятался от дум под подушку, как младенец, сбрасывал с себя одеяло, как старик, натягивал его по самые уши. Боясь проспать свой час, вставал и, подбадривая себя словами: «Смелость города берет», тихонько, чтобы не спугнуть снов супруги, выходил на улицу, украшенную отсутствием свидетелей, пробирался к заборам, недостатка в которых никогда не испытывалось, и мелом писал:

«Наш домоуправ – бюрократ». Потом присовокуплял: «консерватор и взяточник».

Покончив с одной надписью, дворник брался за другую. Писать было трудно, он сопел, высовывал язык, стараясь не сделать ни грамматических, ни политических ошибок.

– Сегодня я выскажу всё, что о тебе думаю, – шептал он, и луна, покрывая его рискованный труд, пряталась за тучу.

Дворник изливал в надписях душу. Скоро на всех заборах можно было прочесть крупным шрифтом заветную: «Повысим дворникам зарплату!» и «Требую законного права писать на заборах!». Пахомыч отходил в сторону и, прищурив глаз, любовался работой.

– Дрыхни! Дрыхни! – иронизировал он над домоуправом. – Я вот сейчас на трубу залезу. Уж там не сотрешь!

И в двадцати метрах от земли писал, придерживаясь фактов: «Мы не рабы!» Мысль, что он делает большое, нужное дело, поддер-

живала в критические минуты, когда ветер предательски стремился сбросить его на землю.

Мало-помалу Пахомыч так распалялся, что мел как материал его больше не устраивал, сковывал его и как художника, и как гражданина. Дворник бежал к себе в каморку, разводил погуще краску и делал всю работу заново. Он не халтурил. Подтирал, подчищал, подправлял, добивался гармонического единства формы и содержания.

За работой время летело незаметно. Наступал рассвет – час, когда Пахомыч становился не просто Пахомычем, а дворником Пахомычем, лицом, ответственным за чистоту заборов.

Как раньше за мелом и краской, так же скоро теперь он бежал за водой и тряпкой. Пахомыч стирал надписи, сознавая, что человечество ему этого никогда не простит. Он презирал себя. Ему хотелось плюнуть себе в лицо, но не хотелось связываться.

– Мерзавец! Ты губишь лучшее, что создал в своей жизни! – крыл он себя последними словами. Но его тут же одергивал внутренний голос:

– А что же ты будешь за дворник, если разведешь грязь на вверенном тебе участке?! Дворник есть дворник, и тут уж ничего не попишешь.

Удалить надписи было не так просто: краска предательски въелась в дерево.

– Какой дурак! – ругал он себя, стругая ножом дерево. – Ну зачем я пишу, если тут же стираю? Не лучше ли вообще не писать? Результат ведь тот же. Зато какая экономия мела и краски!

Без пяти восемь, валясь от усталости, стирал последнее слово с трубы. Ровно в 8.00 на улицу выходил сам домоуправ. Окидывал хозяйским оком подвластные ему заборы и трубы, благодарил дворника за чистоту, одаривая сигаретой, словно собольей шубой со своего плеча.

Пахомыч прятал сигаретку за ухо. А сам думал, глядя в рыхлое лицо, изрытое бюрократическими морщинами: «Нет, не писать – это значит смириться. Лучше писать и стирать, если нельзя писать и не стирать».

АРКАДИЙ ДАВИДОВИЧ

Дружеский шарж Н. Провоторова

Аркадий Давидович *(по паспорту – Адольф Филиппович Фрейдберг) родился в Воронеже 12 июня 1930 года в семье врачей. Окончил факультет механизации сельского хозяйства Воронежского сельскохозяйственного института (1953). Главный инженер совхоза (Рязанская область, 1953–1955), мастер «Воронежгоргаз» (1956–1976). Автор сатирических и юмористических рассказов, написанных совместно с В. М. Котенко. Работал преимущественно в жанре литературных афоризмов. Печатался во многих коллективных сборниках, журналах «Крокодил», «Подъем», «Кольцовский сквер», в «Литературной газете».*

Автор книг «Дуся» (Воронеж, 1990), «Конец света закончится хорошо» (Москва, 2000), «Избранное» (Воронеж, 2003).

Известный российский художник-карикатурист Андрей Бильжо, побывавший в Воронеже, признался: «А еще я познакомился в Воронеже с легендарным человеком Аркадием Давидовичем. Он скромно считает себя гением. В толстой "Антологии мудрости" из 25 000 афоризмов 1000 – его. В 1968 г., когда СССР ввел танки в Прагу, он написал: "Танки были введены по просьбе танкистов". Или вот еще: "Когда имеешь всех женщин, не хватает одной". Или: "Дайте им свободу, и они проголосуют за рабство!". И наконец: "Человечество уже обходится без человека". Этот человек расска-

зывал невероятные истории: что Мэрилин Монро была его любовницей; Берия лечился от сифилиса у его отца, врача-венеролога, и он, Давидович, помогал Берии знакомиться с женщинами; что Горбачев был его учеником, когда Давидович был механизатором, и под влиянием его афоризмов Горбачев сделал перестройку. "Как сладко заливает", – думал я. Но тут Давидович сообщил, что назавтра, в День России, у него день рождения. Заходите в гости. Я усомнился. Аркадий протянул паспорт… Я был в его 12-метровой комнате в коммуналке, где быт как таковой отсутствует. Потолок и стены исписаны афоризмами. "Это музей афористики – единственный в мире!" – гордо заявляет хозяин. 50 лет Давидович ходит по главному воронежскому проспекту… нет, не ходит – живет на нем. До сих пор знакомится с девушками – и не знает отказа. Человек по имени Адольф Фрейдберг, выживший в 40-х и 50-х и взявший псевдоним Давидович в 70-е, знает про жизнь что-то, что мы с тобой, читатель, не знаем точно».

Аркадия Давидовича не стало 25 февраля 2021 года.

РАССКАЗЫ

Лотерея

В зарплату кассирша всем предлагала лотерейные билеты.

– Возьмите, выиграете машину.

– Не выиграю, – заявил я.

– Выиграете, уверяю вас.

– Нет, я несчастливый.

– Честное слово, если вы даже ничего не выиграете, вы все равно выиграете больше, чем проиграете…

Она меня заговорила и уговорила. Я взял билет скрепя сердце. А через неделю состоялся розыгрыш. На номер больше – стоял холодильник, на номер меньше – пианино, а у меня в аккурат – машина «Запорожец».

– Не может быть! – воскликнул я.

И восклицал до тех пор, пока не сел за руль. И даже тогда твердил:

– Не может быть.

И твердил, пока не купил новый билет и не выиграл «Москвича».

Теперь уже в очереди за лотерейными билетами я стоял первым, а в положенный день шел к газетному стенду, всех расталкивал и небрежно выигрывал автомобиль.

О таких людях, как я, пишут в газетах, их показывают по телевидению, ставят в пример другим. Мол, возвысился человек над своей судьбой.

А однажды я взял сразу десять билетов и по всем выиграл машины.

Создался ряд трудностей, граничащих с автокатастрофами. Попробуй, найди гаражи, обеспечь горюче-смазочными материалами. ГАИ организовало возле моего дома дежурный пост и вывесило многочисленные дорожные знаки. Рядом разместилась бензоколонка и кемпинг.

Мне завидовали соседи. «Мы сотнями берем билеты и хотя бы мотоцикл, – шептались они. – А он выигрывает целые автопарки. Вероятно, какая-нибудь махинация».

А выигрыши сыпались, как из рога изобилия. Я выиграл во всех лотереях, существующих в стране: ДОСААФ, журналистской, спортивной. Я даже в художественной лотерее умудрился отхватить машину. Наконец, сказал «хватит» и взял только один билет. Последний.

В день розыгрыша я проторенной дорожкой подошел к газете и тренированным взглядом скользнул по колонке цифр. Оказалось – ничего. Пусто. «Наверное, пропустил», – подумал я. Проверил еще раз, внимательнее. Что за чудеса? Машины в этот раз нет. Ну, хоть что-нибудь есть? Холодильник там, телевизор или, на худой конец, настольная лампа? Может, хоть рубль? Ни-че-го! И это в то время, когда люди рядом что-то выигрывали и сияющие уходили.

Я гневно разорвал билет.

– Лотерея – это обман! – закричал я. – Форменное надувательство!

Зеркало

В городе открыли новый памятник. Скульптор сделал нам сюрприз: такой работы мы еще никогда не видели – на мраморном постаменте стояло огромное зеркало. Новое всегда вызывает недоумение.

– Это же обычное зеркало, – пожимали мы плечами.

– Нет, нет, в этом что-то есть! – воскликнул кто-то, продираясь локтями. – Смотрите, да это же мне памятник! Ну да, мое лицо, моя шляпа… Э-э… вы смотрите на меня, а не на себя…

Его кто-то заслонил.

– Там моя шляпа увековечена! Нет, это мой памятник.

– Мой! Мой! – раздались голоса. – Посмотрели, дайте другим взглянуть.

– Скульптор создал коллективный монумент, – было общее мнение.

Мы стояли на площади и принимали горделивые позы.

– А вот мне он что-то не нравится, – сказал один.

– Причешитесь, – посоветовали мы ему.

Когда улеглось первое волнение, мы стали смотреть на памятник критическими глазами.

– Ты мог бы создать что-нибудь и поинтеллигентнее, – сказали мы скульптору. – Какой-то он у тебя неодухотворенный. Одет не совсем по моде. Сутулится. Не нравится нам и орнамент: мало на улицах зелени. Поднимись над жизнью, скульптор!

– Согласен! – усмехнулся скульптор. – Но с вашей помощью.

– Все, что от нас зависит, сделаем, – заверили мы его.

Он лепил из нас памятник, как из глины. Чтобы монумент не сутулился, он заставил нас заняться спортом. Кое-кому пришлось изменить манеры. Стали больше читать. Оделись со вкусом. Толстяки, чтобы уместиться в памятнике, худели.

Для фона высадили на улицах деревья, провели ремонт домов.

Каждый день монумент становился все лучше.

– Все хорошо, только ты небритый, – однажды сказали мы скульптору.

– Ой, виноват! – смеялся он. – Я так много работал над памятником, что совсем забыл о себе.

– Зря! Деталь в искусстве – это все! – назидательно заметили мы.

Когда он вернулся из парикмахерской, мы пожали ему руку.

Теперь все в порядке. Ты создал настоящий шедевр.

Аркадий ДАВИДОВИЧ

АФОРИЗМЫ

Травля – лучшая реклама.

Если орел не умеет пресмыкаться, ему не взлететь к вершинам власти.

В борьбе с бесами главное самому не сбеситься.

Пока человек умеет обманывать себя, он не обманут жизнью.

Как хорошо мы жили, когда не давали жить всему миру и себе.

Часы бьют наповал.

Убивайте всех! Потом реабилитируем…

Если народ не имеет власти, власть имеет народ.

Небо создало землю, чтобы иметь почву под ногами.

Сначала сжигают книги, потом нации.

Революция – братание гильотины с шеями.

Никто не слушает умников, пока они не начнут валять дурака.

Мертворожденное в России особенно живуче.

Чем больше свободы, тем больше требуется мест ее лишения.

Это точно: мы – промахнулись.

Когда Россия не угрожает миру, она в смертельной опасности.

В своей жизни мы играем всё меньшую роль.

Опережать время нужно вовремя.

Короли на пенсии выглядят шутами.

Умный капитан присматривается к крысам.

Мы будем строить новый мир, пока не вернемся к старому.

Когда народ обрел голос, страна заголосила.

Живущие одним днем прожили вечностью

Заблудшие овцы нашли шашлычную.

Ума палата, а положили в коридоре.

Такую прекрасную жизнь – и так испортило бессмертие!

ЕВГЕНИЙ ДУБРОВИН

Дружеский шарж И. Семенова

Евгений Пантелеевич Дубровин *родился 20 августа 1936 года в поселке Верхнеозерский Таловского района Воронежской области. Окончил факультет механизации Воронежского сельскохозяйственного института (1960), работал инженером-механиком на авторемонтном заводе в Острогожске (1960–1962), ответственным секретарем редакции многотиражной газеты Воронежского государственного педагогического института. Печатался как прозаик с 1959 года (журнал «Подъем»). С середины 1960-х годов – заместитель главного редактора, а с 1967 года – главный редактор газеты «Молодой коммунар».*

Заведующий отделом (с 1971 года), главный редактор (1975–1985) журнала «Крокодил» (Москва). В конце жизни Дубровин предполагал создать в Москве Дом сатиры и юмора.

Автор около 20 книг: романов, повестей, рассказов, в том числе «Грибы на асфальте» (Москва, 1966), «В ожидании козы» (Воронеж, 1968, 2003, вступительная статья Т. Давыденко), «Племянник гипнотизера» (Воронеж, 1969; предисловие Ю. Томашевского), «Счастливка» (Воронеж, 1974), «Глупая сказка» (Воронеж, 1976; Москва, 1981), «Курортное приключение» (Москва, 1980), «Дивные пещеры» (Москва, 1980), «Грустный день смеха» (Москва, 1982),

«Столик с видом на трамвай» (Москва, 1982), «Оранжевая электричка» (Москва, 1987), «Эксперимент “Идеальный человек”» (Воронеж, 2007; вступительная статья О. Разводовой).

Член Союза писателей СССР (1967), лауреат премии международного конкурса юмористических рассказов «Алеко» (Болгария, 1975).

Умер от сердечного приступа в Москве 15 июля 1986 года.

Именем Дубровина названа улица в Воронеже. На доме в городе Острогожске, где он жил (улица Карла Маркса, 13), установлена мемориальная доска (2002).

Известный воронежский литературовед и критик В. А. Свительский, определяя творческий метод Дубровина, писал: «К явлениям жизни он подходит с меркой страстного отношения, допытываясь до их сути. Людские перепутья он судит с гневным неприятием всего застывшего, успокоившегося во зле и косности, не спеша обвинять, но уж если не принимая чего-либо, то с настойчивой последовательностью».

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДОМ

Женщина с красивым именем Виктория – для друзей Вика – встала из-за стола, отодвинула штору и посмотрела в окно: ей показалось, что кто-то постучал. Но за стеклом было темно, одиноко и страшно, там никого не могло быть. Ночной черный ливень загнал под крыши и в норы все живое.

Виктория вернулась к своим записям и к раскрытым чемоданам. Время от времени Вика делала инвентаризацию своего имущества, и это занятие доставляло ей удовольствие. Сегодня особенно, потому что шел дождь, за окном жутко и неуютно, а здесь светло от хрусталя, почти как в солнечный день, и Вика одна, и муж в командировке, и, значит, никто не может помешать ей наслаждаться своими любимыми вещами.

Вика любовно оглядела комнату. Все светильники были включены, и комната сияла, слепила, искрилась, переливалась, сверкала, как гигантская хрустальная люстра или как идущий на посадку на ночную землю космический корабль.

Вика зажмурилась от света, счастья. Вот к чему она стремилась всю жизнь. Сияющая комната, стерильная чистота, чемоданы-ларцы, в которых сбросила свое оперение жар-птица… Бесшумное движение золотого маятника в старинных часах, олицетворяющих вечность… Тишина красивых, дорогих, довольных, знающих себе цену вещей. Тишина, которую подчеркивал шум черного ливня за черными толстыми зеркальными стеклами.

Все-таки она обошла Тамарку. Тамарка, подружка детства, коллега, тоже завсекцией универмага, собирала янтарь. И всю жизнь строила янтарную комнату. Вика же сделала ставку на хрусталь, и правильно сделала. У нее выработался свой стиль. Тамарке же стиль не дался. Получилось механическое собирание янтаря, хаос вещей, не пронизанных общей идеей. А без идеи вещи мертвы.

У Тамарки нет идеи. Стены янтарной комнаты обвешаны дорогими безделушками, которые не может оживить холодное, зеленое, мелькающее пламя электронных часов. Тамарка думала, что янтарь и электронное пламя будут сочетаться, она думала, что миллионолетняя тишина застывшей смолы и мельтешение разбуженных электронов будут сочетаться, а получилось наоборот. Дрожащий свет, эта зеленая электронная жизнь еще больше сделали янтарь холодным, еще более далеким от нас, еще более мертвым. А попавшие в капкан времени насекомые внутри янтаря сильнее подчеркивали опасность, злодейство янтаря.

Тем более чтобы добыть янтарь, Тамарка «химичила». А ее хрусталь был чист. Все своим потом, работой до темноты в глазах.

Нет, у Тамарки не получилось.

А у нее, Вики, получилось.

Потому что Тамарка, человек без фантазии, не смогла придумать идею.

А она, Вика, придумала. Ее комната – вспышка света, веселая игра. Ее комната – это сама жизнь. Сказочная пестрая ярмарка.

Вот что такое ее комната.

Вот какая ее идея.

Опять послышался стук, но теперь уже в дверь. Неужели Тамарка? Увидела через дорогу сияющие окна и прибежала побеситься

от злости. Тамарка, больше некому. Мучилась, мучилась подружка от одиночества (муж убит в пьяной драке, детей нет), выглянула в окно, увидела свет и прибежала. Пусть смотрит, бесится. Теперь ничего не изменишь. У обеих на их комнаты ушли жизни. А жизнь назад не повернешь и не начнешь заново. Янтарную комнату не переделаешь. И хрустальную тоже. Поздно.

«Поздно, Тамарочка. Мы с тобой уже почти закончили свои дела на земле»,– подумала Вика и пошла открывать. По пути она заглянула в свое любимое зеркало с темным, пятнистым от старости стеклом. Это зеркало было очень искусной работы. Наверно, в него смотрелась какая-нибудь королева.

Вика знала, что зеркало немного лживо, чуть-чуть приукрашивает, тонко льстит всем, кто в него заглядывает. Оно ведь не знает, что в него сейчас смотрятся не короли. И все-таки Виктория любила это лживое зеркало.

Постояла, поправила волосы. Тяжелую каштановую копну на голове, которая гнула назад тонкую загорелую шею. Нет, она еще очень хороша для своих сорока пяти. И тело гибкое, как у девушки. И грудь высока. Хотя зеркало и привирает, конечно. Но все-таки она хороша и с поправками на ложь милого обманщика.

«Только зачем и для чего? – привычно подумала Вика и вышла на веранду.– Ни для кого, для всех. Просто так полагается. Созревшая роза, прежде чем упасть в траву, последний раз наполняется густым сладким соком, вскидывает голову и как бы заново расцветает».

Веранда стонала от ударов ливня, ветвей яблонь. Вика зажгла свет и как бы очутилась посреди батискафа, который опустили на дно океана посреди сильного течения. Не хватало только рыб. Но кто-то наподобие электрического ската прилип к стеклянным дверям. Плоский нос, спутанные волосы, как белые водоросли, широкий рот, огромные черные глаза.

– Кто там? – прошептала Вика, млея от ужаса и поворачиваясь в свою спасительную хрустальную сияющую комнату, но уже зная, что любопытство победит и она откроет и впустит электрического ската.

Человек отшатнулся от стекла и сразу же растворился во тьме. Вика только успела рассмотреть его умоляющий жест: рука к сердцу, палец в небо – дескать, спасите от дождя, всемирного потопа.

Она открыла дверь. На веранду, волоча за собой обрывки тьмы и рваную пелену дождя, вступил молодой мужчина с рюкзаком за плечами. Вокруг него тотчас же образовалась черная лужа.

– Хотел заночевать в стогу за поселком, да не успел. Вы разрешите мне переночевать в сарае? Я видел: у вас есть сарай. У других нет, а у вас есть. И у вас горел свет. Вот я к вам и постучался. На рассвете я уйду.

У мужчины был смущенный вид. И голос чистый, светлый. Почему-то, слушая его, Вика подумала о позвякивании главной люстры, когда быстро пройдешь по комнате.

– Это не сарай. Это баня,– сказала она.

– Тем более. Я ничего не сломаю.

Она и так знала, что ничего не сломает и за ним останется чистота в ее надраенной липовой баньке.

– Вы проходите. Я напою вас чаем. И вам надо обсохнуть. Мужчина неуверенно вошел в хрустальную комнату и зажмурился от хлестнувшего по лицу света.

Только тут Вика внимательно рассмотрела его. Он был весь рыжий, словно выкованный из красной меди: голова, усы, борода. Курносый веснушчатый нос, голубые глаза. Широкие плечи, крепкая грудь, уверенно стоящие ноги. Огни от хрусталя копошились у него в волосах, ползали по куртке и джинсам. Он весь сверкал, как молодой хрустальный бог, который прилетел на нашу планету из морозного космоса и теперь медленно оттаивал здесь, в тепле.

Он был похож на ее сына.

Которого никогда не было. Который так и не родился. Или нет. Он был похож на ее девичьего возлюбленного, который так никогда и не пришел.

– Вы кто? – спросила Виктория.

– Я художник,– сказал пришелец.– Странствующий. Я все время иду. Я почти не езжу. Ливень налетел слишком внезапно, и я не

успел добежать до стога. Я люблю ночевать в поле и в лесу. Вы уж извините, что потревожил. Почему у вас так много хрусталя?

Она зажгла газовую плиту, вскипятила чайник и развесила сушить над плитой его белье. Художнику она дала махровый халат мужа. В халате он стал похож на маленького заболевшего мальчика, и ей даже захотелось погладить его по мокрым кудрям.

Художника звали Олегом.

Он пил крепкий чай с малиновым вареньем и все время вертел головой, поражаясь великолепию хрустальной комнаты. Они говорили о комнате, и художник удивлялся все больше и больше.

– Я никогда не думал, что комнате можно посвятить жизнь. Для меня это просто открытие нового мира.

Польщенная Вика рассказала ночному гостю о Тамаркиной янтарной комнате, и художник Олег тоже признал, что янтарная комната – Тамаркина неудача. Что янтарь и зеленый дергающийся электронный огонь не сочетаются. И, значит, Тамаркина жизнь прошла зря.

За чаем он рассказал о себе, и настала ее очередь удивляться. Оказывается, Олег пишет всего лишь одну картину. Конечно, у него много пейзажей, и их охотно покупают, но все-таки он автор одной картины. Он достал из рюкзака и показал ей эту картину: излучина реки, скошенный луг, вдали лес и идет дождь. И больше ничего: излучина реки, скошенный луг, вдали лес и идет дождь.

Она долго рассматривала картину и вдруг услышала, как по темной воде стучит светлый дождь, как шуршит перебираемая струями дождя скошенная трава, как жнивье нанизывает на стебли капли дождя, как молчит далекий лес и пустеет, облегчается небо.

Вика все это явственно услышала. И еще вдруг от картины повеяло свежестью дождя. Мокрой белой глиной правого высокого берега; застывшим соком травы, перебродившим на солнце; спрятавшимся в копне мокрым травяным клопом; далеким, не досягаемым для дождя пыльным дном лесного моря…

Удивленная, даже немного испуганная, Вика сказала об этом художнику, но молодой хрустальный бог не удивился, а кивнул. Да…

да… именно этого он и добивается от своей картины: чтобы она звучала и пахла. Он и сам уже давно может видеть невидимое и слышать неслышимое и добивается, чтобы умели это и другие. Через его картины. Иногда он изменяет содержание картины. Вместо дождя светит солнце. И тогда и звуки другие, и запахи тоже. Или по реке идет теплоход. Тогда в аромат дождя вплетаются запах дыма, горечь радужной пленки на воде и можно слышать, как пароход гудит.

Или в конце сидит застигнутая дождем влюбленная парочка. И тогда слышится шепот влюбленных и можно уловить запах молодой кожи…

Потом Олег все переделывает в зависимости от того, что видит в пути и что поражает его воображение.

– Хотите, я нарисую на краю леса ваш хрустальный дом?

– Хочу,– сказала она.

Олег сел на стул возле хрустальной стены и принялся рисовать, изредка поглядывая на хозяйку. Убирая посуду, проходя мимо, Вика не выдержала и заглянула через плечо художника.

И застыла, пораженная. На краю леса сверкал, светился, пылал холодным голубым пламенем ее дом, как сказочная избушка на курьих ножках. И возле избушки, залитая ледяным северным сиянием, стояла она, Вика, молодая Баба-яга в белом платье, построившая этот хрустальный дом.

И вдруг она услышала звуки: резкие голоса – свой и мужа, ссорившихся из-за каждой копейки; вкрадчивый шепот продавцов хрусталя; свой вопль от жуткого удара в живот пьяного мужа; жалкий лепет застигнутой любовницы мужа; топот сапог милиции, пришедшей с обыском по анонимке завистников, молчаливая возня, когда вдруг по неизвестной причине дом загорелся – она так никогда и не узнала: была ли это случайность или злой умысел сторонников янтарной комнаты…

Но она все-таки построила его, свой дом, свою мечту. И вот она стояла возле него в белом платье, вытянув руки, прислушиваясь к тревожным шорохам ночного леса, готовая броситься навстречу каждому, кто выйдет из чащобы и покусится на ее хрустальный дом.

– Закрасьте,– сказала она устало художнику.

– Почему? – удивился тот.

– Так…

– Но все-таки? Не понравилось?

– Слишком большой лес. Так и кажется, что он раздавит дом.

Художник улыбнулся.

– Хотите я построю забор? Высокий, каменный. И собаку на цепь посажу. Слышали: «Что нам стоит дом построить? Нарисуем – будем жить!»

– Я вас прошу…

– Жаль,– сказал Олег и несколькими мазками кисти уничтожил и дом, и ее саму в белом платье.

И все. И опять темнота ночи. Как будто никогда не было ни хрустального дома, ни женщины по имени Виктория.

Да, так оно скоро и будет. Стоит ей устать, надломиться, и пьяные дружки мужа перебьют, пропьют хрусталь и перья жар-птицы из ларцов-сундуков.

И выходит, дом был построен зря. И ее жизнь на этой земле была никому не нужной.

Потому что нет продолжения.

Жизнь никому не нужна, если у нее нет продолжения, нет человека, который бы продолжил строить хрустальный дом.

– Я вам постелю в бане,– сказала Вика. – Там тепло и сухо.

– Очень хорошо, – сказал художник. – Люблю, когда пахнет сухим деревом.

Он ушел, унося с собой свой не очень тяжелый рюкзак, а она убрала со стола и вымыла пол, окончательно уничтожила следы пребывания в доме чужого человека.

Потом Вика легла в кровать, но заснуть не могла, все думала о темноте леса, который проглотил ее хрустальный дом, ее мечту…

Ей показалось, что за зеркалом кто-то стоит. Вика встала, включила малый свет. Из-за зеркала на нее смотрел златокудрый художник. Она тихо вскрикнула, но тут же зажала себе рот ладонью – все поняла.

Когда она выходила на кухню, Олег в правом верхнем углу зеркала легкими мазками изобразил себя, шагающим по дороге с ее хрустальным домом за спиной. Краски почти не были видны при свете – так, радужная пленка, но светились в темноте. Вот почему она сразу не заметила…

Вика улыбнулась, набросила халат, вышла на улицу, закрыла на ключ свой хрустальный дом и постучала в окошко липовой бани…

* * *

Когда Вика проснулась, в бане никого не было. Она выглянула наружу. По мокрой траве к калитке тянулись серебристые от капель дождя следы художника. Солнце все еще не встало, но лес за селом уже пылал красным пламенем. Отблеск пламени падал на ее мокрый сонный хрустальный дом, и он тихо нежился в теплом свете.

Нет, дом был все-таки хорош! Тамарка проиграла. Художник не мог постучать в ее темную холодную янтарную комнату, наполненную зеленым электронным светом. Художник постучал в светлую комнату. Все живое всегда тянется к свету.

И вдруг в своем доме она услышала детский крик.

Крик не мог ей почудиться.

Это был крик ее будущего ребенка.

И Вика, обжигая ноги о мокрую траву, заспешила в свой хрустальный дом. За эту ночь она научилась видеть невидимое и слышать неслышимое.

ЛЕВ КРОЙЧИК

Дружеский шарж В. Кулиничева

Лев Ефремович Кройчик *родился 26 мая 1934 года в городе Ярославле. Из семьи врачей. Окончил филологическое отделение историко-филологического факультета Воронежского государственного университета (1959). Сотрудник газеты «Пламя» (город Шебекино Белгородской области, 1959–1962). Ответственный секретарь редакции газеты «Воронежский университет» (1962). С 1963 года – преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры советской литературы, кафедры журналистики Воронежского государственного университета. Декан факультета журналистики Воронежского государственного университета (1989–1994). Заведующий кафедрой истории журналистики и литературы ВГУ (1989–2019). Художественный руководитель Театра миниатюр Воронежского государственного университета (1962–1976). Редактор отдела культуры газеты «Воронежский курьер» (1993–2000).*

Автор свыше 1400 научных и публицистических работ, в том числе более 15 изданных в Воронеже книг: «Современный газетный фельетон» (1975), «Поэтика сказа» (1978; совместно с Е. Г. Мущенко, В. П. Скобелевым), «Поэтика комического в произведениях А. П. Чехова» (1986), «Alma mater» (2003), «Энергия соприкосновения: История одной кафедры» (2004), сборника стихов «Пять тетрадей» (2005), сборника этюдов «Неуловимый Чехов» (2007)

и других. Составитель сборника произведений А. П. Чехова, М. М. Зощенко, Н. А. Тэффи и других, а также сборников, посвященных истории Воронежского государственного университета.

Член Союза журналистов, доктор филологических наук (1993), профессор (1994), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (2008), лауреат театрального конкурса «Событие сезона» (Воронеж, 1996, 2000), дипломант конкурса газеты «Культура» (Москва, 1997), лауреат премии «Золотой фонд Воронежской области» (2004). Награждён почётным знаком Союза журналистов России «Честь. Достоинство. Профессионализм» (2017).

Умер в Воронеже 11 апреля 2019 года. Посмертно изданы книга воспоминаний «Тогда…», а также книги «Усомнившийся Платонов: стихия комического в произведениях писателя» и «„Дядя Ваня“ Антона Павловича Чехова на сцене Воронежского камерного театра».

Когда-то к семидесятилетию профессора Л. Е. Кройчика я опубликовал на страницах «Воронежского курьера» очерк о юбиляре, где, в частности, были и такие строки: «Летом пятьдесят четвертого он приехал в Воронеж поступать в университет. Тогда это был один из немногих абитуриентов. За шестьдесят последующих лет Кройчик сумел создать вокруг себя энергетическое биополе, которое поглотило сотни людей разных профессий, возрастов и темпераментов. Сегодня все они представляются уникальным свободолюбивым сообществом, где особо ценятся интеллект и любовь к высоким истинам…

Вообще надо признать, что Кройчик оказался едва ли не самым успешным проектом по внедрению в интеллектуальную ауру края идеологии шестидесятничества»…

«МЫ В КНИЖКАХ НАЗЫВАЕМСЯ – „НАРОД“…»

Баллада о палачах
(Из спектакля «Парадокс» Театра миниатюр ВГУ)

Есть инженеры и врачи,
Студенты и солдаты,
А эти просто палачи –
Обычные ребята.

Палач на нас похож вполне,
Он тоже занят делом,
Но ждет винтовка на стене
С оптическим прицелом.

Ты с ним не схватишься в бою,
Не различишь мгновенно,
Но взял на мушку жизнь твою
Палач обыкновенный.

И если слишком ты хорош,
И если ты умнее,
То ты получишь в спину нож
Или петлю на шею.

Ты жить хотел – так получи
Семь грамм свинца на брата…
Живут на свете палачи –
Обычные ребята.

Песня Петровича
(Из спектакля «Шинель» Театра миниатюр ВГУ)

Мы в книжках называемся – «народ»,
А попросту – мы Степки, Ваньки, Гришки.
Без нас цивилизация замрет,
А нам плевать – мы не читаем книжки,
Но в книжках называемся «народ».

Весь мир – творенье наших ловких рук,
Мы шьем шинели и мостим дороги,
А если мы работать бросим вдруг.
Без наших рук весь мир протянет ноги.
Мы в книжках называемся – «народ».

Послушны мы велению господ,
Мы редко шевелим своим умишком,
Мы только называемся народ,
А в сущности, мы – Степки, Ваньки, Гришки,
Но в книжках называемся – «народ»!

Что ж ты, милое, смотришь искоса?

Государство меня не любит.

Главное – чего я только не предпринимаю, чтобы доказать свою гражданскую любовь к нему.

Хожу на дело, которое называется работой.

Исправно плачу налоги.

Безропотно получаю то, что кличут зарплатой.

Не ропщу!

Кручусь!

Между заначкой и получкой.

Между долгами другу и долгом перед Отечеством.

Между желанием отдыхать на Лазурном Берегу и необходимостью полоть грядки.

Между телевидением и тем, что есть на самом деле.

Но – удовольствия не получаю.

Ни от собственной зарплаты.

Ни от картин моей счастливой жизни по всем каналам.

А всё – от отсутствия любви.

Государству я не нравлюсь.

Оно на меня, милое, смотрит искоса. Низко голову наклоня. Исподлобья смотрит. Как на подкидыша. Которого приходится содержать. За его, государства, счет.

Его раздражает сам факт моего существования.

Но ведь другого меня у государства нет.

И – не будет!

Да, я – не герой, не мореплаватель, не плотник. Но ведь и представителей этих сословий государство не больно-то жалует.

Вот недавно один Герой Советского Союза пожаловался на государство президенту: мол, оно, государство, не хочет выплачивать ему, Герою, то, что положено президентским Указом.

Но что государству до президентских Указов. Тем более до отдельно взятых Героев.

Героев много, а государство одно.

Так что нет тебе, Герой, места под государственным солнцем.

Тут поражает даже не бесстыдная наглость, а уверенность в своей правоте.

Личность должна соответствовать букве.

А если соответствия нет – зачем нам такая личность?

В общем, насильно мил не будешь.

А любит государство только себя.

Вы наивно, граждане, полагаете, что государство – это «мы».

Государство – «оно».

Местоимение среднего рода.

А со среднего рода какой спрос?

Я могу напрячь свои извилины.

Он может напрячь свои извилины.

Она может напрячь свои извилины.

Оно на это не способно.

Единственное, на что способно государство, это делать вид.

В последнее время наше государство делает вид, будто печется о благе народа.

Оно продумало национальные проекты. То есть кучу денег, которые можно легально разворовать, заботясь о нашем с вами благе.

Давным-давно национальные проекты назывались иначе – «историческими решениями».

Как только государство принималось воплощать очередное историческое решение в жизнь, жить становилось невмоготу.

А жить, граждане, хочется!

Но разве это жизнь – без любви?

2006

Мздюки

Мздюки – это не ругательство.

Это – почти ласковое слово. Производное от «мзда». По Владимиру Далю, мзда – это награда или возмездие, вознаграждение, воздаяние, барыш, прибыток, корысть, добыча.

Согласитесь, если кое-какие слова вычеркнуть, то окажется, что слово «мзда» может ласкать слух.

Вознаграждение, воздаяние, награда, прибыток, добыча...

Чем плохо?

Так что «мздюк» – слово вполне приличное.

Приемлемое слово.

Означает человека, принимающего вознаграждение. Или – воздаяние. Или – прибыток. Или – добычу.

Кому что достанется.

То есть мздюк – существо во всех смыслах положительное.

Особенно – в условиях рыночных отношений. Когда люди несут в наши офисы, кабинеты и дома всё, что доставляет радость.

Так что когда вдруг начинается свистопляска вокруг отдельно взятого налоговика, бравшего мзду с отдельно дающего предпринимателя, то это режет мое рыночное ухо.

Потому что мздючество – это форма существования цивилизации.

Предприимчивые люди объединяются во имя прогресса.

Мздюк – это человек, лично заинтересованный в развитии нашей экономики.

Он – генератор наших производственных отношений.

Так что напрасно Владимир Иванович Даль, создатель «Живого великорусского словаря», с присущим ему датским снобизмом, утверждает, что в словарях сложных «мзда» изменяется во «мздо» и нередко прилагается в дурном значении подкупа, продажности.

Не будем играть словами.

Никакой сложности в слове «мзда» нет.

Просто: один дал – другой взял.

На развитие Вселенной.

На строительство светлого капиталистического завтра.

Как говорится, каждый получает свое.

По потребности.

Президент награждает особо отличившихся, а народ – всех желающих.

И – правильно делает.

Потому что разве это жизнь, если у вас нет ни дачки, ни тачки, ни подачки.

Да бог с ними – с дачками и тачками. Будут подачки – появится и всё, что с ними рифмуется.

Вот люди и стараются.

Несут.

Когда-то Николай Михайлович Карамзин говорил, что если одним словом выразить все, что происходит в России, то можно сказать – «воруют».

За минувшие двести с лишним лет мы ушли далеко вперед.

Сказал же Михаил Афанасьевич Булгаков: «Никогда ничего не просите. Принесут и сами дадут».

Вот люди и несут. А мздюки берут.

Будь я английским писателем Гербертом Уэллсом, я бы написал книгу «Россия во мзде», в которой бы поведал и о тех, кто берет, и о тех, кто дает.

Я бы поведал о тех, кто за три корочки хлеба открывает путь к корочкам дипломов любого уровня.

Я бы поведал об офицерах, прокладывающих дороги к чужым радостям жизни с помощью армейских бульдозеров.

Я бы поведал о мздюках, сгибающихся под тяжким грузом ответственности за благополучие всех, кто в их, мздюковской, помощи нуждается.

Это так прекрасно – знать, что всегда есть люди, готовые пойти навстречу.

И лично я готов выйти на тот большак и перекресток, где меня ждут.

Одно останавливает: подходящее откуда взять?

2006

В ожидании Слова

Великий русский цензор Федор Иванович Тютчев, будучи одновременно по совместительству не менее великим поэтом, задумчиво однажды заметил:

Молчи, скрывайся и таи
И чувства, и мечты свои...

Цензоры всегда немножечко философы: почитывая рукописи своих собратьев-классиков, они невольно начинают предлагать аудитории помалкивать.

На всякий случай.

Но по зрелому размышлению я пришел к выводу, что Федор Иванович, несмотря на такую философию, выглядел не слишком убедительным цензором и, небось, допускал к напечатанию отдельные не вполне благонадежные тексты.

Дескать, извините, господа, я тут у Фета Афанасия Афанасьевича чуток чего-то не предугадал. И на старуху бывает проруха. Не расслышал подозрительных шумов в его шепоте и робком дыхании.

Недостаточно бдел Федор Иванович Тютчев при исполнении своих служебных обязанностей.

Недальновидно поступал и рассуждал.

Наши люди такой недальновидности себе позволить не могут.

Наши люди, приставленные к слову, бдить умеют.

Вот, например, не так давно газета «Коммуна» увлеклась зачем-то арифметикой и стала считать, кто больше всех любит губернатора: математически подкованные коммуновцы стали замерять формат фотографий губернатора, публикуемых в местной прессе.

Но разве можно поверять алгеброй гармонию?

Разве благородно измерять любовь к начальнику квадратными дециметрами газетной площади?

Тютчева мало читали в газете «Коммуна».

Вот и отозвалось.

Понятно, тут дело не столько в арифметике, сколько в принципе – как можно не любить губернатора?

Как можно на это покуситься?

А тут еще «Воронежский курьер» в свою очередь покусился на устои – стал охаивать все самое светлое.

То сообщал, что милиция не слишком лояльно относится к лицам – норовит нарушить порядок на морде лица.

То стал разводить культуру на своих страницах в возмутительных размерах. А кому нужна культура в условиях бурного развития рыночных отношений?

Вот и отправила власть неразумного редактора «Воронежского курьера» повышать валовый сбор партийной литературы, печатаемой в областной типографии.

Как говорят в подобных административных случаях, власть расставила всех по своим местам.

И – стало тихо.

Комитет по средствам массовой информации при областном правительстве с высоты своего положения весело оглядывает примыкающие к нему информационные окрестности.

Перекликаясь при этом с пресс-службой губернатора:

– Слушай!

Так окликали друг друга в прежние времена часовые на стенах казематов.

Дабы не задремать.

А чего слушать-то?

Районные газеты с кляпами во ртах изо всех сил помалкивают.

Глоток свободы для них – публикация еженедельных телевизионных программ.

Самые смелые решаются на отчаянные шаги: публикуют сводки погоды с намеками на скорое похолодание.

Правда, наглые федеральные издания навязывают нам пресловутую свободу слова.

Критикуют власть за ее постоянную – поистине ленинскую – заботу о прессе.

Губернатор, естественно, в свою очередь озаботился.

Собрал совет.

Из самых верных читателей газет.

Из самых зорких зрителей телевидения.

В совете есть и другие представители прессы, которых настолько спрессовали, что никакая мысль в их изданиях не проскользнет.

Да и откуда взяться мысли при такой безграничной свободе слова?

Всякая здравомыслящая мысль, конечно же, норовит оказаться за границей свободы слова, дозволенной начальством.

Удивительная вещь получается.

Президент с волнением призывает пользоваться свободой слова.

Глава правительства клянется, что без свободы слова не представляет нормальной жизни.

– Ребята! – зазывает власть журналистов, замордованных свободой слова. – Присоединяйтесь! Вы даже не представляете, как вам будет хорошо.

Юрий Агибалов, заместитель главы областного правительства, на семинаре-совещании так прямо и рубанул правду-матку:

– Мы – за свободу слова! Никто не может диктовать журналистам, о чем писать, какие темы выбирать для публикаций.

Эти слова без всяких комментариев тут же растиражировала злокозненная «Коммуна».

Которая так и норовит посеять в моем сердце смуту.

Неужели заместитель главы нашего правительства – человек такой отчаянной смелости?

Или он не отвечает за свою персональную свободу слова и говорит всегда то, что думает?

Мне бы такую свободу слова!

На просторах Воронежской области.

Но нету чудес, и мечтать о них нечего.

Я долго не понимал, почему наша власть предпочитает отмалчиваться?

Сначала думал – не хватает мужества, чтобы сказать правду.

А потом сообразил – у власти просто слов нет.

Лексикон у нее маленький.

Словарный запас небольшой.

А среди звуков преобладают согласные.

С ними не больно разговоришься, с этими свистящими, шипящими и сонорными.

«Улица корчится безъязыкая», – выразился однажды Владимир Владимирович. Маяковский.

И – добавил:

Как бедна у мира слова мастерская!
Подходящее откуда взять?

Действительно, откуда? Откуда взяться *вразумительному* слову, если нас все время отучают мыслить?

Живем, набравши в рот воды,
Живем, чтоб не было беды.

Думаем – авось, пронесет. А беда давно в доме.

Коррупция.

Воровство.

Невежество.

Равнодушие.

Лень.

Скорбный этот список наших бед можно продолжить.

Но – молчим.

Немота – одна из самых главных наших бед: всё знаем, всё понимаем, но – молчим.

Не от страха – от безнадежности.

Не верим, что можно изменить жизнь к лучшему.

Сразу после революции буквари учили неграмотную страну:

– Рабы немы. Мы не рабы.

Почти сто лет с той поры прошло. Но вопрос остался.

Мы не рабы.

Тогда кто же мы?

2010

ЕВГЕНИЙ НОВИЧИХИН

Дружеский шарж Б. Цуканова

Евгений Григорьевич Новичихин *родился 9 февраля 1939 года в селе Верхнее Турово Нижнедевицкого района Воронежской области. Окончил Воронежский лесотехнический институт (1961). Работал инженером на Урале и в Воронеже (1961–1973), в редакции журнала «Подъем»: редактор отдела, ответственный секретарь (1973–1983), главный редактор (1988–1993). Председатель правления Воронежской организации Союза писателей СССР (1983–1988), Союза писателей России (2007–2010). Секретарь правления Союза писателей России (1995–2013). Директор областного литературного музея имени И. С. Никитина (1993–1997). Председатель комитета по культуре администрации Воронежской области (1997–2001). Заместитель директора Центра общественных связей Юго-Восточной железной дороги, главный редактор еженедельника «Юго-Восточный экспресс» (2001–2002). Член городской комиссии по историко-культурному наследию.*

Автор более 40 сборников стихов для детей, сатирических миниатюр, литературных пародий, переводов, краеведческих этюдов и прочего (1971–2006). Многие произведения Новичихина переведены на иностранные языки и языки народов бывшего СССР.

Член Союза писателей СССР (1977), член Союза кинематографистов (2003), заслуженный работник культуры РСФСР (1989), лауреат многих творческих конкурсов, в том числе «Золотые вилы» журнала «Крокодил» (1970), на лучший перевод стихов Юлюса Янониса (1978), премий имени М. А. Булгакова (1995), имени А. П. Платонова (2000), Центрального федерального округа Российский Федерации в области литературы и искусства (2007). Лауреат премии «Имперская культура» имени профессора Эдуарда Володина в номинации «Литературоведение» (2019).

Сатирические опыты Е. Г. Новичихина вошли в авторитетную четырёхтомную антологию «Всемирная эпиграмма» (1998).

ТО ДА СЁ…

Формула любви

Он ей сказал:
– Любовь навеки наша! –
И написал:
«Алеша плюс Наташа…»
Но, оценив слагаемые эти,
Добавил:
«Плюс машина минус дети…»

Точка зрения

Галоша старая
не прочь поныть,
поплакать:
– Повсюду грязь!
Вся жизнь –
сплошная слякоть!

Мушиная бдительность

От чистоты
воротит хобот
Муха:
– Тьфу!
Показуха!

Туда и обратно

– Скажи: далеко ли
идти до пивной? –
Спросили однажды у Власа.
– Отсюда – не больше
минутки одной.
Обратно – не менее часа...

Спасительная формулировка

Папаша – сыну:
– Сделал все уроки?
– Да нет, задачка
очень уж трудна...
А ты пиши:
В кратчайшие, мол, сроки
Задача эта
будет решена!

Раз и навсегда

Я попросил меню,
зайдя в столовую,
И вдруг услышал
отповедь суровую:
– Меню вы каждый день,
товарищ, просите!
Когда вы, право,
эти штучки бросите?

Неужто трудно,
заходя сюда,
Меню запомнить
раз и навсегда?!

Хорошее воспитание

Как хорошо воспитан мальчуган!
Где вежливость такую
вы найдете?
В буфете попросил
вина стакан
И мило так сказал:
– Спасибо, тетя!

Монолог мамаши

– Без знакомств сейчас
везде затрут!
Не пойду далече
за примером:
Эдик наш
не принят в институт –
Не знаком с каким-то там
Гомером…

Привычка

Любил цитаты слишком.
Знал мудрых мыслей тьму.
А как-то раз
мыслишка
Своя пришла к нему.
Но так сильны привычки!
Цитаты так милы!
И он ее – в кавычки
Как будто в кандалы…

АЛЕКСАНДР СМИРНОВ

Дружеский шарж В. Кулиничева

Александр Тихонович Смирнов *родился 30 марта 1945 года в Архангельске в семье военнослужащего. Окончил Воронежское суворовское военное училище (1963), филологический факультет Воронежского государственного университета (1968). Сотрудник районной газеты в посёлке Хохольский Воронежской области (1968–1971), старший лаборант кафедры советской литературы ВГУ (1971–1972), преподаватель, старший преподаватель кафедры журналистики, кафедры теории и практики журналистики Воронежского государственного университета (1972–2002). Публиковался в журнале «Подъем», местной периодике («Воронежский курьер», «Инфа» и других изданиях). Со студенческих лет увлекался художественной самодеятельностью. Создатель (совместно с А. В. Капланом) и художественный руководитель Театра песни ВГУ, гастролировавшего по СССР и за рубежом. Актёр Театра миниатюр ВГУ, автор многих эстрадных номеров, литературных инсценировок.*

Умер в Воронеже 21 марта 2003 года.

Посмертно двумя изданиями вышел сборник произведений Смирнова (включены и материалы о нем) «Я слова рассыплю по траве...» (Воронеж, 2004, 2015).

Его друг, декан факультета журналистики ВГУ В. В. Тулупов писал об А. Т. Смирнове: «Он внутренне ощущал себя Мастером –

собственно и был им, но судьба сложилась так трудно, что Саша смог реализоваться в мимолетном: актерских ролях, сценариях ,постановках пьес, не запечатленных, увы, даже на пленках… У него было природное ощущение стиля».

ЕСЛИ НУЖНО КОЛЛЕКТИВУ…

Я в шахматы играю. Дебют, гамбит – моя стихия.

А тут однажды подходит ко мне наш физорг:

– Поздравляю! Будешь представлять наш коллектив физкультуры на районных соревнованиях по боксу.

Я замахал руками.

– Хорошо машешь, – похвалил физорг. – Только корпусом энергичнее работай и подбородок прикрывай.

– Так я машу руками в знак несогласия!

– На коллектив зря махать нельзя, – насупился физорг. – Он этого не любит, коллектив физкультуры. И, вообще, у тебя вес легкий. То, что надо.

– Зато характер тяжелый!

– Отличная реакция! – обрадовался физорг. – Я тебе слово – ты мне два. Так и на ринге действуй: он тебя – бац, а ты его – бац-бац! Короче, я теперь твой секундант. Чего скажу, то и делать будешь. Встречаемся завтра в десять утра у спортзала.

Завтра в десять мы встретились.

Меня раздели. До трусов и майки.

Натянули перчатки, повели на этот самый ринг и поставили за канаты.

Места были малознакомые. Поэтому я долго оглядывался.

– Маловата площадь, – поделился я с физоргом мыслями.

– Замечательное бойцовское настроение! – отметил тот. – Но ты и здесь его погоняешь.

– Я в том смысле, что убежать некуда, если что.

– Это верно, – кивнул физорг. – Убегать некуда. В спину тебе наш коллектив физкультуры с доверием смотрит… Кстати, вон и

противник появился. Да ты не туда смотришь! Это судья. А противник в другом углу.

Противник в своем углу плясал.

– Разминается, – пояснил физорг. – И ты давай.

Я плясать не умел. Поэтому начал петь:

А я иду, шагаю по Москве...

В зале зааплодировали. Я поклонился.

Но в это время что-то звякнуло, и меня толкнули на середину ринга.

Тут я и оказался нос к носу с танцором.

И тут же получил от него по носу.

– Ах, так?! – возмутился я. – В таком случае – пойдемте выйдемте!

– Зря обижаетесь, – ответил танцор. – Это же бокс.

– Но я вам не боксер. Я шахматист. Меня просто наш коллектив физкультуры попросил... Вон он в спину с доверием смотрит.

– И на меня тоже, – заулыбался танцор. – Если по-настоящему, так я только на бильярде...

– Разговорчики на поле! – крикнул судья.

Мы помолчали.

– Слушайте, нельзя же так сложа руки стоять, – первым нарушил молчание противник. – Нужно что-то делать.

– А что? – поинтересовался я.

– Давайте я вас от борта в лузу пошлю. А потом вы меня.

– Давайте. А потом мы рокируемся.

Он меня послал.

Я побежал в его угол и стал там.

– Я ферзь! – кричу бильярдисту. – Объявляю вам шах!

– Послушайте, ферзь! – обратился ко мне судья. – Вы опять устраиваете на поле дебаты? Я вас удалю. Продолжайте игру!

Пришлось вернуться к бильярдисту.

Вдвоем, как ни говори, спокойнее.

– Где это вы ходите? – удивился противник. – Я вас заждался. Теперь ваш ход.

Я пошел на него.

Но тут подскочил судья.

– Вот что, дорогие друзья, – оказал он. – Я долго терпел. То вы говорильню на поле затеяли, теперь пытаетесь затеять драку. Удаляю вас с поля.

Мы ушли…

Позже выяснилось, что и меня, и бильярдиста дисквалифицировали.

И судью тоже.

Он оказался футбольным арбитром.

1974

РОДНАЯ КРОВЬ

Экзаменационная аудитория. За столом профессор.

Профессор. Следующий!

Появляется пожилой студент.

Профессор. Берите билет!

Студент. Эх, Васяка, Васяка! Эх, ты!

Профессор. Кто «ты»?

Студент. Да ты «ты»!

Профессор. А кто вы, раз я «ты»?

Студент. Не узнаешь?

Профессор. Постойте, постойте!

Студент встает.

Профессор. Нет-нет, садитесь! Это я фигурально…

Студент. Ну!

Профессор. Н…нет, не узнаю!

Студент. Эх, Васяка, Васяка! Да чтоб родную кровь, да чтоб не признать!

Профессор. Вы… ты… боже мой! Па-а-апа! Нашелся!.. Ах, папа! Дай мне тебя обнять!

Студент. Сядь, Васяка, не егози! Не папа я тебе. Не па-па!… Отвык, сразу видать. Ну, да ничего… (*кричит*) Митяка! Ми-тяка!

Перед ошеломленным профессором появляется более молодой пожилой человек.

1-й студент. А его признаешь?

Профессор. Н…нет.

1-й студент. Дожили мы с тобой, Митяка… Родный сын тебе не признает!

Профессор. Признаю, признаю! Папочка! (*бросается обнимать вошедшего)*

Студент-папа. Ты того… Деда, деда спервоначала обними…

Профессор. Дедушка, голубчик!

Студент-дед. Сядь, Васяка, не егози!.. Должки тут у нас кое-какие.

Профессор. Глупости! Всё прощаю!

Студент-дед. Как прощаешь?! А деканат?

Профессор. А причем здесь деканат?

Студент-папа. Без деканата нельзя, Вася, мы тебе не враги.

Студент-дед. Долги у нас… У папки твоего с 45-го года… За первый курс…

Студент-папа. А у дедушки – с 23-го, за второй.

Профессор. Так вы учитесь здесь?

Студент-дед. Конечное дело! **И** я, и отец твой, я на третьем. Он – на первом.

Профессор. На заочном?

Студент-дед. Ежели бы… На заочном можно было б еще лет с десяток обождать. Очники мы с Митякой.

Профессор. Постойте, постойте!

Дед и отец встают.

Профессор. Я не в этом смысле… Садитесь! Ничего не пойму! Так вы когда сюда поступили?

Студент-дед. Я-то? Щас подсчитаем… Отечественная война у нас когда была?

Профессор. В тысяча девятьсот сорок…

Студент-дед. Да не та! С французом!

Профессор. В 1812-м…

Студент-дед. Вот с той поры и учимся.

Профессор. Почему же я за это время ни разу вас не видел? Где вы были?

Студент-папа. Ты спроси, где мы не были… В академическом лет двадцать отбыли…

Студент-дед. Отчисляли лет эдак тридцать, ежели все скопом брать…

Студент-папа. Каникулы опять же набегли лет на десять…

Студент-дед. Ты нам, внучок, зачетик-то черкани. А то со стипендии сымут. Ты, часом, не болеешь?.. Ты того… Не болей. Нам с Митякой еще пособить надо… Энто неизвестно сколько еще тянуть…

Студент-папа. Ты, Вась, пиши, пиши зачетик!

Студент-дед. Опять же с опчежития погнали…

Студент-папа. Говорят – пьянствуем… А мы с тятей ежели когда и позволим…

Студент-дед. Цыть, Митяка! А ты, внучок, однако, зачетик подпиши.

Студент-папа. А насчет пьянства ректору-то скажи… Все ж не чужие мы тебе…

Профессор. Постойте, постойте!

На этот раз встают все. Профессор неожиданно падает в обморок.

Студент-дед. Ишь ты, упал!.. А говорит – не болеет.

Студент-папа. Лежит… Профессор, а все одно, жалко… Ведь не чужой.

Студент-дед. (Со *слезой).* Вот она… дается-то как – наука!.. И мы с тобой, Митяка, может, вот эдак, от науки… С копыт!

Студент-папа. Сынок, а сынок! (*Берет руку профессора, подносит к уху)* Стукает! Живой, стало быть!

Студент-дед. А ну, Митяка, давай-ка его в деканат снесем!

Поднимают профессора.

Студент-папа. Легкий-то какой… В чем только знания держатся…

Уносят профессора.

Занавес.

МАРК БЕРКОЛАЙКО, ГРИГОРИЙ РОЗЕНБЕРГ

Марк Зиновьевич Берколайко *родился 8 мая 1945 года в городе Баку.*

Доктор физико-математических наук (1988), профессор (1991).

Окончил механико-математический факультет Азербайджанского государственного университета (1967). Преподаватель кафедры математического анализа Курского государственного педагогического института (1967–1968). Преподаватель, доцент, профессор кафедры высшей математики Воронежского инженерно-строительного института (1971–1998). Профессор кафедры финансов и кредита Воронежского государственного университета, одновременно генеральный директор ЗАО «Финансовый консалтинг». Генеральный директор государственного учреждения «Воронежинвест» (2001–2004). Заместитель директора «Воронежской инвестиционной компании».

Как учёный занимается проблемами эффективности и рисков инвестиционных проектов, управляющий портфелем ценных бумаг.

Автор свыше 130 научных работ. Увлечение литературным творчеством началось с сотрудничества с местной командой КВН «ВИСИлей», для которой Берколайко писал тексты. Публиковался в альманахе «Ямская слобода», «Литературной газете», «Независимой газете», «Воронежском курьере».

Написал почти 10 пьес (некоторые совместно с В. И. Лещинским). Пьеса «Призы» (1990) стала лауреатом Всесоюзного конкурса радиопьес и прозвучала на «Радио России». Пьеса «Падение индекса Доу-Джонса» (1988) была поставлена несколькими молодёжными театрами страны.

Автор книг «Бруткевич и вечер» (Воронеже, 2005), «Партия» (Москва, 2009); «Гомер» (Воронеж, 2011); «Фарватер» (Москва, 2014); «Инструменты» (Москва, 2016); «Шакспер, Shakespeare, Шекспир: роман о том, как возникли шедевры» (Москва, 2018); «Баку – Воронеж: не догонишь. Молчание Сэлинджера, или Роман о влюбленных рыбках-бананках» (Москва, 2019).

***Григорий Аркадьевич Розенберг** родился 19 февраля 1948 года в городе Одессе. Учился на разных факультетах (с 1967 года), окончил архитектурный факультет (1974) Воронежского инженерно-строительного института. Член самодеятельного театра «ВИСИлей», один из авторов (совместно с М. З. Берколайко) и участник команды КВН ВИСИ. Архитектор Воронежского государственного строительно-проектного института (1974–1976). Работал архитектором в Смоленске, Светлогорске, Калининграде, Одессе. С 1992 года живёт в городе Петах-Тиква (Израиль).*

С 1985 года стихи, рассказы и повести печатаются в России, Германии, США, Италии, Израиле. Член писательского клуба (Тель-Авив). Повесть «Я – годяй» опубликована в антологии «Взрослым не понять» (Москва; Тель-Авив, 2008), подборка рассказов – в альманахе «Времени голоса» (США, 2007), повесть «Пьяные сосны» – в журнале «Крещатик» (Германия). Повесть «Кумран» написана совместно с М. З. Берколайко. Занимается компьютерной графикой. Публиковался в альманахе «Ямская слобода» (Воронеж).

В первой половине 1970-х годов юмористические рассказы, написанные в соавторстве Марком Берколайко и Григорием Розенбергом (публиковался под псевдонимами Гр. Аркадьев и Р. Гринин), публиковались в «Литературной газете», журналах «Юность», «Крокодил».

РАССКАЗЫ

Ах, романтика!

Все живописно расположились на траве вокруг костра, и лица их были такими, какими они и должны быть, когда не слышна суета большого города, когда тишина первозданна, ночь волшебна, а природа девственна. И руки сами тянулись к гитаре, и негромкие голоса пели о том, что люди идут по свету, а нужно им, в общем, немного.

– Сколько озона в этом воздухе, ребята! – простонал Эдик.

– И романтики! – добавил Павлик.

– Ах, романтика! – застенчиво прошептала. Вика. – Хорошо, что мы все – романтики! Только Коська не романтик…

…А Коська сидел в ярко освещенном зале, курил и терпеливо дожидался своих цыплят-табака…

Костер набирал силу, потрескивал, постреливал, и руки не выпускали гитару, и негромкие голоса пели о том, что страдают в ребячьих душах бетховенские сонаты, а светлые песни норвежского композитора Грига переполняют их.

– Надо, чтобы на ногах всегда были кеды, а не эти модные тупоносые полуботинки на платформе с пряжками под старинную бронзу, – убежденно сказал Павлик.

– Только так можно слиться с природой! – подхватил Эдик.

Как это прекрасно – слиться с природой!

– Жаль только, что этого не понимает Коська, – застенчиво прошептала Вика…

…А Коська сидел в ярко освещенном зале, пил нарзан и терпеливо дожидался своих цыплят-табака…

Костер уже гудел, разбрасывая вокруг пляшущие блики света, и негромкие голоса закончили петь.

– Звезда упала, – сказал Павлик, – а я не успел загадать желание. Вот вторая упала, третья…

– Что это они вдруг все попадали? – встревожился Эдик. – И гарью запахло! Мне здесь уже не нравится!

– Официант! – застенчиво позвала Вика.

Дверь распахнулась, в кабинет вошел официант, выключил костер, включил свет, скатал в рулон ковер с травой и прислонил его к стене. Все сняли кеды, сдали их официанту, надели модные тупоносые полуботинки на платформе с пряжками под старинную бронзу и вышли в ярко освещенный общий зал, где Коська ел хлеб с горчицей и терпеливо дожидался своих цыплят-табака…

1974

В гневе бледнею

Я брился. В зеркале отражался греческий профиль, жесткие складки подчеркивали мужественность красиво очерченного рта и сбегали к резкому, волевому подбородку. Купальный халат не скрывал мощного торса, покоящегося на стройных, длинных ногах. Впрочем, ног в зеркале видно не было.

Итак, у меня греческий профиль, античное телосложение, но я никогда не стал бы воином Александра Македонского. Александр Македонский брал в свое войско только тех, кто в гневе краснеет.

Я же в гневе бледнею. Я становлюсь белым, как подвенечное платье Дездемоны. Это у меня с детства. Когда мы играли в индейцев, то все поочередно, даже самые заядлые маменькины сынки, становились вождями краснокожих. Я же неизменно оставался бледнолицым братом.

И только позже я понял, что Александр Македонский был глубоко прав в своем пристрастии к солдатам, чьи щеки в минуту схватки с полчищами Дария полыхали румянцем…

…На работе меня считают трусом. Несколько раз в году шеф делает мне два предложения. Во-первых, он предлагает мне закурить; во-вторых, он предлагает себя в качестве соавтора моей статьи. Несколько раз в году я наливаюсь гневом и заявляю, что, во-первых, я не курю, а второе противоречит моим принципам. Каждый раз он ласково смотрит на меня и говорит: «Неужели?». Я бледнею, а потом закуриваю и ставлю фамилию шефа впереди своей. И происходит это не потому, что я боюсь, но потому, что кровь отливает от лица и

пропадает желание бороться, а хочется уйти домой, лечь и спрятать голову под подушку. Ибо таков исход гнева у тех, кто бледнеет.

…Дома меня считают тряпкой. Каждый год перед отпуском жена говорит мне, что мы поедем в Крым. Каждый год перед отпуском я отвечаю, что мне надоел Крым. И тогда по ее некогда любимому лицу текут слезы, а в прошлом ласковые руки начинают бить сервиз. Я бледнею, а потом плетусь на вокзал заказывать билеты в Крым. И все это происходит не потому, что мне жаль сервиз, но потому, что кровь отливает от лица и пропадает желание спорить, а хочется уйти в другую комнату, лечь и спрятать голову под подушку…

Я вспоминал все это и чувствовал, что больше так продолжаться не может. Я презираю свой греческий профиль, мощный торс и стройные ноги, швыряю в выбритое лицо своего отражения обидные слова и вдруг вижу, что щеки мои багровеют. Я не поверил глазам, спрятал голову под подушку – и впервые вместо ощущения покоя появилась потребность действия.

Эта потребность была так велика, что я выбежал на улицу. Мчась к заветному дому, я заглядывал в витрины и с радостью убеждался, что на щеках все еще рдеет румянец гнева. Взлетев на девятый этаж, я обнял любимую женщину и сказал ей без обиняков, что люблю ее безумно, что не могу жить без нее, что приду к ней навсегда, если только жена еще раз вздумает повезти меня в Крым. И что ответа я жду немедленно, ибо должен еще бежать к шефу.

– Я согласна! – прошептала она. – Но не волнуйся так, глупый. Посмотри, как ты побледнел!

…По улице, громыхая медью доспехов, тяжелой, мерной поступью уходило войско Александра Македонского. Уходило без меня.

1974

«Минуточку…»

07 – занято… 07 – занято… Наконец, часа через два, совершенно измучившись, он услышал долгожданный ответ: «Междугородная слушает!»

– Здравствуйте, девушка! – сказал он.

– Минуточку, – сказала она.

Он подождал немного, привел мысли в порядок, прошелся по комнате, насколько позволяла длина провода, и опять сел. Трубка молчала.

– Алло, девушка! – сказал он.

– Не вешайте трубку, – сказала она.

До отлета самолета оставалось три часа. Он провел рукой по щеке и решил, что необходимо побриться. Включил электробритву, выпятил подбородок, чтобы лучше натянулась кожа, и понял, что бриться, прижимая плечом трубку к уху, неудобно.

– Девушка, у меня срочный заказ! – сказал он.

– Минуточку, – сказала она.

Он вздохнул, выключил электробритву, спрятал ее в чемодан и размечтался.

Он представил себе, как очень скоро трубка заговорит с ним нежным Катиным голоском; как Катя обрадуется, узнав о его приезде; как захочет приготовить ему что-нибудь вкусненькое; как, кончив готовить, уберет квартиру; как вдруг вспомнит, что не причесана, и побежит в парикмахерскую; как просидит там весь день в очереди и опоздает в аэропорт; как он будет ждать ее, волнуясь и злясь; как потом они поссорятся, и он поедет в гостиницу, а Катя вернется домой и будет, давясь от слез, поедать то самое вкусненькое, с которого все началось.

– Девушка, я не буду ничего заказывать! – сказал он.

– Не вешайте трубку, – сказала она.

Он прижал трубку к другому уху и опять размечтался.

Он представил себе, как, не предупредив Катю о приезде, он с букетом цветов зайдет в ее комнату; как, прервав мытье пола, она кинется ему на шею; как она вдруг вспомнит, что не причесана, и побежит в парикмахерскую; как просидит там весь вечер в очереди; как он будет ждать ее, волнуясь и злясь; как потом они поссорятся, и он поедет в гостиницу, а Катя останется дома и будет, давясь от слез, домывать тот самый пол, с которого все началось.

– Девушка, я устал ждать, у меня уже уши болят! – сказал он.

– Минуточку, – сказала она.

Он посмотрел на часы и ахнул – до отлета остался всего час.

– Девушка, я улетаю, у меня нет времени! – закричал он.

– Не вешайте трубку, – сказала она…

Вернувшись через месяц, он с удивлением обнаружил, что телефонная трубка почему-то лежит рядом с аппаратом. Он хотел было положить ее на рычаг, потом вдруг все вспомнил и улыбнулся.

– Девушка, я вернулся! – сказал он.

– Минуточку, – сказала она.

1975

Драма вундеркинда

Здравствуй, Костя! Не имея времени для встречи с тобой, пишу тебе письмо. Мама сказала, что ты от имени шефа спрашивал, почему я не прихожу на работу. Я решил все тебе рассказать.

В конце июля к нам пришла тетя Валя и попросила меня сдать вступительные экзамены в пищевой институт за моего двоюродного брата Вовочку. Помнишь, когда я защищал диссертацию, приходил на защиту такой парень в расклешенных джинсах? Так вот, это был Вовочка. Он на год младше меня, в детстве мы дружили, но потом наши пути разошлись: он увлекся джазовой музыкой, а я – ядерной физикой.

Какой-то знакомый заменил Вовочкины фотографии в личном деле на мои, и я пошел сдавать вступительные экзамены. Все прошло хорошо, и меня, то есть Вовочку, зачислили в институт.

В начале сентября к нам опять пришла тетя Валя и, поздоровавшись, встала передо мной на колени. Я очень испугался и, как оказалось, не напрасно. Тот, кто наклеивал мою фотографию на Вовочкино личное дело, попался на подделке документов, и теперь некому переклеить фотографию обратно. Тетя Валя сказала, что из создавшейся ситуации есть только один выход – мне поучиться за Вовочку.

– Тетя Валя, – возражал я ей, – не могу же я, доктор физико-математических наук, учиться на инженера-кондитера!

– Ну, пожалуйста, миленький, – плача, говорила она, – тебе всего двадцать пять лет; ты же все равно вундеркинд, что тебе стоит овладеть еще одной специальностью!

Только ради нее я согласился и пошел учиться в пищевой институт!

Сначала я думал, что смогу ходить при этом на свою работу, но потом оказалось, что деканат строго следит за посещаемостью. Помнишь, из Калифорнийского университета один физик приезжал, чтобы поговорить со мной о кварках? Так вот, пока я с ним разговаривал, у Вовочки, то есть у меня, шла лекция, на которой делали перекличку. Декан снял меня со стипендии, это больно ударило по Вовочкиному карману, и тетя Валя убедительно просила меня не пропускать занятий без уважительной причины. Так что на работу я ходить не могу!

А учиться мне нравится. Когда я сам учился на первом курсе, мне было 14 лет и я обдумывал тему кандидатской диссертации, поэтому ничего веселого в студенческой жизни у меня не было. Зато сейчас все по-другому: я научился играть в коробочку, после занятий мы ходим в кино, а вчера староста нашей группы спросила у меня, дружу ли я с какой-нибудь девочкой. Но это строго между нами, да и вообще пора кончать – завтра у нас контрольная по физике, а преподаватель сказал, что я многого не знаю.

А шефу скажи, что после первой сессии я переведусь на заочный, тогда буду ходить на работу.

Твой Павлик.

1974

АЛЕКСАНДР НОВИКОВ

Александр Вячеславович Новиков *родился 17 октября 1951 года в Воронеже. Служил в советской армии (1969–1971), окончил школу военных корреспондентов (Калининград, 1971).*

Выпускник факультета журналистики ВГУ (1985).

Работал слесарем на заводе «Воронежсельмаш», литературным сотрудником многотиражной газеты «Машиностроитель». Публиковался в коллективных сборниках, журналах «Аврора», «Рабоче-крестьянский корреспондент» и других, местной периодике. В 1976 году занял первое место в конкурсе на лучший рассказ в «Комсомольской правде» (девиз «Письмо в Гавану»).

Автор изданных в Воронеже сборников рассказов «Даю советы безвозмездно» (1995), «Тайны конторского двора» (1996).

Член Союза российских писателей (1997).

Умер 24 июля 1997 года в Воронеже после продолжительной болезни, вызванной тяжелейшей травмой.

Александр НОВИКОВ

НЕЖДАННАЯ РАДОСТЬ

Чепизубов опаздывал на службу. Автобусы проскакивали мимо остановки, где дядя Петя под часами пританцовывал от волнения. И не нужны были Чепизубову сейчас ни сокровища, ни восточные принцессы, ни служебное повышение, ни мутоновая шуба для жены… Дядя Петя желал одного: оказаться, хотя бы без минуты девять, за рабочим столом!

«Единицы» и «двойки» тормозили далеко от остановки и, выбрасывая пассажиров, продолжали бег. Дядя Петя всякий раз кидался на визг тормозов, но тщетно… Чепизубову оставалось последнее: упасть под колеса бессердечного авто, но тут ему, кажется, повезло: он успел вскочить на площадку, и тут же задняя дверь хищно щелкнула за его спиной.

Одно только плохо: левой чепизубовокой ноге не нашлось места в набитом салоне. Зажатая дверью, она осталась на воле. Случайная дворняга, обратив внимание на ботинок, смахивающий на кусок говядины, подстроилась к автобусному бегу и вцепилась в «неопознанный объект», подвывая и урча.

Пассажирки зашумели, водитель нажал на тормоза, скрипнула дверь, и дядя Петя, кулем вывалившись на мостовую, приземлился на хвост обидчице.

…Поглядывая вслед удаляющемуся автобусу, Чепизубов медленно сознавал, что это, увы, конец. Теперь уж ему не отвертеться! Начальству нет дела до причин. Опоздал – в приказ, еще раз – без выходного пособия!.. Дисциплину велено укреплять!!

А дяде Пете до пенсии – восемь месяцев. И-эх, жизнь подневольная!..

Размазывая невольные слезы, дядя Петя попытался подняться и… не смог. Левая нога не слушалась. Он тронул колено и чуть не задохнулся. Сомнений не было: перелом!..

Нечаянная удача защемила трепещущее сердце. Камень скатывался с души, освобождая место безудержному счастью.

Теперь никакое начальство не посмеет назвать Чепизубова нарушителем трудовой дисциплины!

БЕЗОТЦОВЩИНА

Недоразумения начались спозаранку.

Придворная молочница, аккуратно приносившая свежие сливки к утреннему кофе, сегодня опоздала на сорок минут и вместо приветливой услужливости выказала его жене холодную непочтительность.

Вахтер Кузьмич в проходной родного НИИ не вытянулся, как всегда, в строевую стойку, а равнодушно сообщил Вадиму, что его ждет референт директора.

Сотрудникам, попадавшимся в коридорах, почему-то не было дела до здоровья Вадимовых родителей, когда еще накануне, помнится, от доброжелателей не было прохода.

И в автомате для чистки обуви ни с того ни с сего кончился свежезаправленный гуталин.

Референт, которого Вадим частенько баловал спец-сауной, вдруг стал официальным, как платежная ведомость.

– Сектор тихой воды, – коротко уведомил референт, – коим вы, Супорыжкин, руководили, ликвидируется в целях упорядочения штата.

– Как? – пошатнулся Вадим.

– Комментировать не уполномочен… – И вчерашний друг протянул Вадиму выписку из приказа.

«Подлый червь! Предатель! Лизоблюд!» – гневался Вадим.

Но референта на месте уже не было, и обескураженный Вадим покинул приемную.

«Как же так? – недоумевал он. – Еще позавчера директор грозился реорганизовать мой сектор в самостоятельный отдел… Что, наконец, произошло?»

У газетного стенда толпились сослуживцы. Вадим хотел пройти мимо, но народ услужливо расступился ему навстречу, как в старые добрые времена.

«Эге!» – подумал Вадим и повеселел.

Строчки, аккуратно обведенные черной тушью, привлекали внимание сразу.

«Пленум, – прочитал Вадим, – освободил от занимаемой должности в связи с уходом на пенсию по состоянию здоровья Супорыжкина Ивана Лукича».

...А люди меж тем разбредались, и вот уже он один остался в громадном фойе, размазывая слезы и растерянно шепча:

– Как же так? Папа!.. Как теперь жить?..

ВЛАДИМИР ТУЛУПОВ

Автошарж

Владимир Васильевич Тулупов *родился 8 августа 1954 года в городе Уфе Башкирской АССР. Окончил филологический факультет Башкирского государственного университета (1976). В 1975–1995 годах – сотрудник ряда уфимских и воронежских газет. В 1979–1990 годах – ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры советской литературы Башкирского государственного университета.*

Заведующий кафедрой теории и практики журналистики (с 1990 года), средств массовой коммуникации и рекламы (с 1998 года), декан (с 1994 года) факультета журналистики Воронежского государственного университета. Одновременно директор Центра информации и рекламы Воронежского государственного университета (с 1999 года), профессор кафедры журналистики Курского государственного педагогического университета (с 2002 года).

Автор более 800 научных и научно-методических публикаций и монографий. Выпустил около двух десятков книг стихов и прозы, среди них – «Нечаянная книжка» (2003, 2004); «Здравствуй, грусть!» (2005, 2006), «Рот до ушей» (2009), «Журфак и его окрестности» (2013), «Азбучные истины» (2014, 2015), «Вредные советы декана» (2017), «Углы зрения» (2017), «Любовь моя – «молодёжка»» (2019), «Тайный сад» (2020) и др. Его юмористические произведения публиковались во многих газетах Башкирии и Воронежской области.

Член Союза журналистов России, доктор филологических наук, профессор. Член Союза писателей России. В одном из интервью признался: «Меня всегда выручало и выручает чувство юмора. И, пожалуй, благоразумие. Да, я эмоциональный человек, но даже в споре успеваю среагировать на дельную мысль, дельное предложение».

ВРЕДНЫЕ СОВЕТЫ ДЕКАНА

* * *

Если экзамен с шестого захода
ты завалила и ждёшь отчисленья,
Всё ж обрати поскорее вниманье
на неженатого, вредного препа –
сделай сейчас же ему предложенье!
И не беда, что он – дедушка старый,
преп он живучий – протянет лет пять.

* * *

Не ропщите, что «стипуха»
слишком маленьких размеров –
«стёпку» можно экономно
с пользой реализовать:
закупите на все деньги
мешок сахара на рынке,
и тогда, конечно, сразу
станет сладкой ваша жизнь!..

* * *

В первый день своей учебы
приходи с фотоаппаратом,
с ним пройдись по факультету
и сними на фотоплёнку
ассистентов и доцентов,
и профессоров впридачу

(запиши их пофамильно)
и забудь сюда дорогу
вплоть до сессии, до зимней.
Только не забудь названье
альма-матер и отдельно
адрес полный факультета
с телефоном запиши!

* * *

Если ты – студент журфака –
написать решил заметку,
то подумать должен сразу
что и как в ней поругать.
Поругай журфак сначала,
универ, конечно, следом,
губернатора впридачу,
мэра, транспорт, МВД…
Жди потом, что в Абиреге
в блоге кое-что напишут
и зачёт, конечно, быстро
кто-то выставит тебе…

* * *

Если ты не любишь шпоры
(для несведущих – шпаргалки),
если ты их не готовишь, –
кто ты, если же не лох…
Знай: искусство делать шпоры
у студентов развивает
навык, знанье и уменье
кого хочешь обмануть.
Если делать их вручную,
то искусством каллиграфа
непременно овладеешь
(а начальник должен подпись

с завитушками, крутую
и красивую иметь!).
Если делать на компе их,
то продвинешься как хакер
а ведь хакер – тоже круто
(хакер – это очень круто,
правда, только на свободе…).
Шпоры надо умно спрятать
и лицом играть к тому же,
то есть ты почти разведчик,
то есть ты почти артист!
Вот бы шпоры на работе,
да, на будущей работе,
на серьёзнейшей работе,
можно было применять.
Хорошо бы, да начальник…
Вряд ли он поставит «пять».

* * *

Если вредный, очень вредный,
самый-самый вредный препод
вам зачёт опять не ставит,
то признайтесь, что не просто
пропускаете вы пары,
а ночами (да, ночами!)
у постели вы сидите
бедной бабушки-старушки,
что болеет (да, болеет!)
весь семестр, и читать вам
просто некогда, поскольку
эта хворая старушка
вашей требует заботы
ежечасно, еженощно.
А теперь что, за гуманность
незачётом вам платить?!.

* * *

Если ты на остановке
долго ожидаешь транспорт
и толпа из пассажиров
на глазах твоих растёт,
растолкай скорее бабок,
чтобы быть у двери первым,
чтобы в кресло у окошка
сесть быстрей и в ус не дуть.
И пускай дедуля старый
над тобой кряхтит натужно,
он привыкший – пионером
так в автобусе стоял.

* * *

Если вы в автобус сели
с рюкзаком, который сзади,
не стесняйтесь, по проходу
прямо бодро проходя.
Да, заденете старушку,
да, зажмёте в угол деда,
но ведь есть в запасе слово:
«Коль не нравится – такси
вызывайте, дедка с бабкой…».
А на разные упрёки
ничего не отвечайте:
ведь наушники от *Apple*
не пропустят ихний зуд.

ВИТАЛИЙ МУХИН

Виталий Мухин *родился 9 февраля 1953 года в городе Энгельсе Саратовской области в семье военного и врача. В Воронеже с пятилетнего возраста. Из автобиографии:*

«Окончил параллельно среднюю школу по классу десятого „В“, музыкальную – по классу скрипки и футбольную – по классу вратаря. И последовательно – факультет романо-германской филологии Воронежского госуниверситета и факультет игровых видов спорта Московского областного института физической культуры, так что, выполняя тяжелую физическую работу, может комментировать ее сразу на нескольких языках.

Работал учителем испанского и английского языков в средней школе № 78 г. Воронежа и преподавателем латинского языка в Воронежском медицинском институте.

Заодно выучил его сам.

За длинный язык, отросший за время учебы и работы в народном образовании, автор был приглашен журналистом сначала в областную газету „Молодой коммунар“, а затем собкором в московские издания „Семья“, „Россия“ и „Спортивная жизнь России“…

Писать начал еще в университете, за что был регулярно вызываем на ковер теми, о ком он писал, хотя гораздо чаще пинали

из-под ковра. Но поскольку во времена переделки сортиров все ковры были приватизированы, то вызывать автора стало не на что, и от скуки он стал писать „витализмы“, а также серьезные книжки, которых на сегодняшний день набралось аж восемнадцать штук. Как ни странно, но книжки эти не только читаются, но и покупаются, что весьма удивительно в наш безграмотный и скаредный век».

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Президент фирмы «Радость» Аркадий Бахвальный вызвал к себе в кабинет исполнительного директора предприятия Николая Прошкина.

– Скажите, Николай Аркадьевич, – спросил он, нервно покусывая губу, пока его подчиненный удобно располагал себя в кресле напротив. – Куда делись деньги на модернизацию производства, которые нам перечислили из Москвы в начале года?

– Я их украл, – не моргнув глазом, ответил тот.

– И вы гак спокойно говорите об этом?

– А чего волноваться-то, все так делают. Волноваться будем у прокурора. Да и то, если мало ему дадим.

– А вы не боитесь, если дадут не ему, а вам?

– Что, например?

– Например, срок.

– Нет, не боюсь, на адвокатов у меня денег хватит. К тому же я не один их крал, что-то ведь и другим оставалось…

И исполнительный директор многозначительно показал указательным пальцем на потолок.

Президент фирмы сделал вид, что не заметил этого жеста.

– Послушайте, Николай Аркадьевич, – продолжил он. – Но ведь нельзя же так. В позапрошлом году вы, так сказать, позаимствовали деньги, предназначенные на социалку, в прошлом – на перепрофилирование предприятия, теперь вот на его модернизацию. Ведь так никаких денег не хватит.

– Все понимаю и полностью разделяю ваше недоумение, – тяжело вздохнул исполнительный директор, – но дело в том, что я не могу иначе – здоровье не позволяет.

– Как так? – не понял Бахвальный.

– Очень просто. Я, если чего-нибудь не украду, то буду чувствовать себя очень плохо. Болезнь такая есть – клептомания.

– Так друг мой, лечиться же надо. Давайте я вас хорошему доктору порекомендую.

– Бесполезно, – нахмурился Прошкин. – Меня уже и хорошему доктору, и отличному следователю показывали, а толку? Полдня продержусь, а потом обязательно что-нибудь стырю. От меня уже и жена прокладки, и бабка памперсы прячут, хотя, казалось бы, на кой ляд они мне? Дурная привычка, знаете ли, а от дурных привычек очень тяжело избавляться.

Аркадий Петрович задумался. Конечно, можно было бы уволить Прошкина «по собственному желанию», предложив ему хорошее выходное пособие, но где гарантия, что он не начнет болтать на всех углах о том, что творится на предприятии – знает-то исполнительный директор немало, да и как специалисту цены ему нет.

– Ну, ладно, – сказал он, поразмыслив, – я подумаю, что с вами делать. А пока идите работать.

Николай Аркадьевич медленно поднялся из кресла, но никуда не пошел.

– У вас еще что-то ко мне? – вопросительно посмотрел на него президент.

– Да видите ли какая штука, – замялся тот. – Дело в том, что к вам я пришел с именной ручкой «Паркер», а сейчас ее нигде нет.

– Правда? – искренне удивился президент. – Так, может, она куда-нибудь закатилась?

И он принялся оглядывать окрестности стола в надежде обнаружить там ценную вещь.

– Мне кажется, вы ее случайно себе в карман положили, – осторожно заметил Прошкин.

– В самом деле? – опять изумился Бахвальный, залезая в карман пиджака и доставая оттуда искомый «Паркер».

– Ой, извини, – сказал он, прикладывая правую руку к сердцу, а левой протягивая ручку владельцу. – Видит Бог, засунул ее в карман машинально – привычка дурная, еще со школьной поры осталась.

И президент протянул «Паркер» Прошкину, после чего коллеги расстались вполне довольные друг другом.

ТЯЖЕЛЫЙ ДЕНЬ

Неприятности начались уже с утра. Сразу после того как я пришел на работу, меня вызвал начальник отдела Арнольд Петрович Задорный и голосом Гамлета, у которого враги потравили родню и посевы, сообщил, что грядет сокращение штатов.

– Мы что, у Америки снова выкупили Аляску? – обрадовался я.

– Не юродствуй, – сказал начальник. – Ты прекрасно понимаешь, о чем идет речь. Так что давай – расписывайся в уведомлении об увольнении и собирай свои манатки.

Думаю, если бы я попал не под сокращение, а под поезд и должен был расписаться за отрезанную им ногу, это не вызывало бы у меня большей горечи – я только что поменял в гостиной пол и задолжал за это соседу Ваське.

Но правду говорят, что беда не приходит одна. Не успел я переварить данную новость и хотя бы частично прийти в себя, как позвонили из школы и попросили срочно зайти туда. Из сбивчивой речи классного руководителя я понял только то, что моего пацана застукали в туалете за распространением порножурналов и хотят выяснить, кто его ими снабжает, хотя какая в школе может быть порнография после введения там ЕГЭ, я признаться, не понимал. На всякий случай я попросил у своего сослуживца новый ремень, поскольку мой уже износился и мог не выдержать грядущей порки.

Однако прежде, чем я добрался до филейного места сына, «выпороли» меня. По крайней мере, именно это я почувствовал, когда позвонили из заводской поликлиники, где накануне я сдавал анализы, и знакомая докторша голосом патологоанатома сообщила, что у меня обнаружен сахар в моче.

– И много? – поинтересовался я, втайне надеясь, что это ошибка.

– Достаточно, чтобы полностью обеспечить им страну, да еще и на экспорт останется, – пошутила врачиха, хотя какие в этом случае могут быть шутки, я не понимал. В довершении всего она в категоричной форме посоветовала мне сесть на диету, что автоматически означало отказ от воды и хлеба, на которых в преддверии получки я сидел все последнее время.

Я бы еще долго размышлял о роли сахара в своем организме, если бы, придя домой, не узнал, что моя четырнадцатилетняя дочь давно и серьезно беременна. И напрасно я силился вспомнить, когда в последний раз видел ее хоть с каким-то подобием мальчика, – ничего кроме Интернета в голову мне не лезло. Я уж было начал грешить на Ваську, который подозрительно быстро согласился сменить в моей квартире дубовый паркет на сосновые доски, но мои подозрения прервал жуткий треск, исходивший из коридора.

Последнее, что я в этот день видел, были лица людей с драными колготками на голове и только что настеленный пол в грязных пятнах, который Люська, зараза, так и не удосужилась вымыть.

Когда 3 апреля меня хоронили на загородном кладбище и приглашенный, непонятно на какие деньги, оркестр, играл погребальный марш, какой-то алкоголистого вида тип, решивший, очевидно, опохмелиться на моих поминках, поинтересовался у Арнольда Петровича:

– От чего товарищ-то умер? Вроде бы еще не старый…

– От отсутствия чувства юмора, – скорбно ответил тот. – Он все в этой жизни воспринимал слишком всерьез, даже в День дурака. А жаль, толковый был инженер – таких сейчас поискать…

АЛЕКСАНДР МЕШКОВ

Дружеский шарж В. Дружинина

Из автобиографии: «Родился в суровом 1954 году, в аккурат в ночь на Куприяна-эякулиста, 14 ноября в семье военного офицера в городке Таллин, что на Эстонщине. Детство прошло в Сибирском поселке Дальний, под Томском, где мой батя, теперь уже бывший военный офицер, после не совсем удачной военой операции вынужден бы валить лес. В 1970 году я бесстрашно поступил в Одесское мореходное училище, которое через 4 года успешно окончил на твердые тройки по специальности "гидротехник". Однако море синее не стало моей судьбою. Может быть, тогда небо голубое станет для меня судьбою, подумал я и поступил в Воронежское военно-авиационное училище на специальность "Строительство и эксплуатация аэродромов". Но Вооруженные силы СССР легкомысленно не оценили моего позыва, они не нуждались в моей кинетической энергии и голом энтузиазме, и я через пару лет был отчислен. Поняв, что я ни на что не гожусь, решил идти в журналисты. Поступил в Воронежский государственный университет, на факультет журналистики. Но что это? Через два года я вновь был отчислен, всего лишь за то, что, проходя через площадь имени Ленина, справил малую нужду на Монумент Вождя Пролетариата, молчаливым укором стоявшего супротив обкома партии. С этого момента все иностранные сту-

денты почитали меня как неустрашимого правозащитника и непримиримого диссидента, дарили мне джинсы, пластинки и свою любовь. Я старался не разочаровывать их и не признавался, что я тогда не хотел обидеть Ильича, а всего лишь писать очень сильно хотел. Дорога в Университет была для меня закрыта на некоторое время. В поисках средств существования, чтобы как-то сводить концы с концами и не влачить жалкого существования посредством подаяния, был вынужден работать разнорабочим, бетонщиком, сварщиком на передовых стройках социализма, вкалывать музыкантом в турецких ресторанах, париться групповодом на египетских курортах, пахать редактором юмористического журнала, хреначить тренером по легкой атлетике, уматываться директором культурно-равлекательного центра, ухандокиваться ведущим развлекательных программ на воронежском телевидении и радио, параллельно всемерно повышая свой образовательный уровень, читая запоем журналы "Здоровье", "Крестянка" и Большой энциклопедический словарь. Закончил курсы режиссера массовых представлений. А в 1985 году вообще ко всеобщей радости профессорского состава Воронежского университета закончил свое обучение с ярко-синим дипломом и стал писать юмористические рассказы, которые публиковались в изданиях Москвы, СПб, Екатеринбурга, Канады и Израиля. Автор всемирно известного стихотворения "На час светлее стали сутки", книг "Омерзительный алкаш и скромный учитель", "Пичужки прилетают ночью", "Пичужки возвращаются", "Странник". В "Комсомольской правде" работаю с 11 мая 2000 года. Пишу обо всем, что вижу, еду туда, куда пошлют».

В ПОТЕ ЛИЦА

Дед Тарас приехал к внуку в город. Погостить. Но дома внука своего Авдея дед Тарас не застал и отправился прямо к нему на работу в концертный зал мусоропроводного завода. Авдей вкалывал там в вокально-инструментальном ансамбле «Красные лица» гитаристом.

Концерт уже начался, когда деда Тараса привели за кулисы. Возле занавеса столпились работники концертного зала, гардеробщицы, уборщицы, буфетчицы и пожарник Петухов. На сцене что-то гремело, рычало, шипело, шваркало, стучало, мычало, стонало, визжало, тренькало, бренькало, ухало. Деду Тарасу стало страшно. Там даже гремел гром и сверкала молния. Во время одного мощного разряда у пожарника Петухова сорвало каску, и она со звоном покатилась по полу. Он нагнулся ее поднять и увидел перепуганного старичка – деда Тараса.

– Ты чего здесь, дедушка? – прокричал он ему на ухо.

– Внучок у мине тут-ка, Авдеюшко, – жалостно сказал ему дед Тарас. – Проведать вот приехал… Гостинец привез, – дед Тарас для убедительности показал пожарнику свой сидор с харчами для внука.

Деда окружили работники концертного зала, уборщицы, вахтеры, буфетчицы и кладовщики. Дед Тарас, ободренный вниманием и участием, развернул свой сидор и стал угощать работников культуры гостинцами.

– Год ужо-тка не видались со внучком моим, Авдеюшкой, – приговаривал он. – Как он тута?..

– А что ему сделается, – говорил беспечный пожарник Петухов, угощаясь ватрушками, домашней колбаской, сметанкой и яблочками. – Играет себе. Да ты сходи к нему, дедуля! А то ведь это они теперь до-о-о-лго будут вот так вот шуметь-то. А там во мраке тебя и не заметят. Вон и дым уже повалил…

Со сцены и впрямь повалил густой дым. Дед Тарас всполошился, стал было собираться, но Петухов его успокоил, сказал, что это они специально дымят, куражатся.

Деду Тарасу надели на голову каску Петухова и, подведя к занавесу, указали путь. Дед шагнул во мрак. Сзади надсадно кашлял пожарник Петухов, до сих пор за много лет работы не привыкший ко всяким пожароопасным признакам.

Шел дед Тарас, шел, пока не наткнулся в той мгле на какого-то мужика с черной бородой и длинными волосами. Тот наяривал на

синтезаторе и поначалу деда не заметил. Дед потеребил его за рукав власяницы:

– Сынок, ты мово внучка, Авдея, случаем не видал?

Бородато-волосатый с минуту ошалело смотрел на деда Тараса, пытаясь вспомнить, кто он такой. Наконец, так и не вспомнив, он понял, чего хочет от него этот странный старец. Он дал в руки деду Тарасу шнур и наказал ему идти по этому шнуру, пока он его не выведет прямо на Авдея.

– Передай ему, – сказал он деду, – что на коде играем рубато!

– Ты мине, сынок, запиши, – сказал Тарас, – я так-то и не запомню.

Но бородато-волосатый махнул рукой и снова уткнулся в клавиши, кнопки, рычаги, извлекая из своего всемогущего инструмента то шум волны, то крик павлина, то рокот космодрома.

Не прошло и пятнадцати минут, как дед Тарас вышел на неведомого ему юношу, игравшего на гитаре. Дед Тарас заглянул юноше в лицо, убедился, что это не Авдей, и несмело спросил:

– А Авдей-то где?

– Авдей? – переспросил юноша, оторвавшись от игры и вытирая платком взмокший лоб. – Да где-то здесь... Попить не найдется, отец?

Дед Тарас напоил музыканта молочком, угостил ватрушкой, жамкой обливной и пошел в сторону, указанную юношей. В темноте дед натыкался на ящики, которые ревели и дрожали от какой-то внутренней силы, два раза его ослепил луч прожектора и один раз дед даже упал, запутавшись в проводах, как в силках. Наконец, в темноте он наткнулся на какого-то парня, задумчиво сидевшего прямо на полу.

– Ты Авдея мово не видал? – спросил дед Тарас безнадежно.

– Да я вообще никого не видал. Я, дедушка, зритель!

Потом вдруг деда Тараса осветило сразу несколько прожекторов, кто-то громко захлопал прямо над ушами, совал в руки цветы и чмокал его. Дед Тарас перепугался. Привыкнув к свету, он заметил,

как здоровая деваха, волосы которой стояли на голове дыбом, словно застывший взрыв, крепко обняла его, чмокнула в бороду:

– Клево голосишь, парень! Я тащусь!

А потом свет снова погас, и дед опять оказался в темноте.

Он шел, выставив вперед руки, словно слепой, боясь наткнуться на ревущие ящики, и вдруг упал в пустую оркестровую яму. Вконец измучившись, дед Тарас примостился рядом с геликоном и заснул крепким сном.

Авдей разыскал его только наутро, когда рассеялся дым. Дед Тарас гладил внука по голове и говорил:

– Ох и нелегко достается хлебушко тебе, Авдей, нелегко… Ты вот что… Давай-ка бросай это дело… Я тебе у нас полегше работенку найду. Комбайнером будешь! Уж я похлопочу. Меня в правлении крепко уважают!

1988

ВАЛЕНТИН НЕРВИН

Дружеский шарж Н. Провоторова

Валентин Нервин *(Валентин Михайлович Берман) родился в Воронеже 15 августа 1955 года.*

Окончил экономический факультет Воронежского инженерно-строительного института (1977). Работал на различных инженерных и административных должностях в проектных, научных, административных организациях. Некоторое время даже возглавлял информационно-аналитический отдел аппарата администрации Воронежской области. Участник регионального и всесоюзного совещаний молодых литераторов. Один из учредителей Воронежского литературного клуба «ЛИК». Публиковался в коллективном сборнике, журналах «Подъем», «Сибирские огни», «Смена», «Родник» (Рига) и другие.

Автор изданных в Воронеже сборников стихов «По мере судьбы» (1989), «Угар» (1992), «Ипостась» (1995), «На позднем параде» (2003), «Похвала трезвости» (2005), «На голос любви отзывает-

ся эхо» (2005), «Одноразовая жизнь» (2009), «По обе стороны любви» (2012), «Воронежское время» (2015), «Даже во сне» (2018), «Раз и навсегда» (2020).

Книга Нервина «Сверх обыкновения. Над звичаэм» (Воронеж, 2007) вышла на русском и украинском языках (перевод Л. Олениной).

Член Союза российских писателей (1993), лауреат премии имени Н. С. Лескова (Ярославль, 1994).

Знаменитый Лев Аннинский написал о нем так: «Проглотив улыбку, я отдаю должное поэтическому качеству текстов Валентина Нервина. Чувствуется одарённость: слова, собранные в стих, сохраняют естественность непринуждённого звучания и выстраиваются так, словно в размер их не выстраивали, а они сами ждали этого. Слова влюблены в стих даже там, где душа ощущает себя „по обе стороны любви“ (название книги), а любовь – на грани бытия и небытия (моё понимание прочитанного).

И не это ли ощущение бытия, грозящего опрокинуться в небытие, мобилизует в читателе спасительную улыбку за мгновенье до того, как это произойдёт, и стих замолкнет на краю двух пропастей?

„Чертям тошно“ от такого веселья, – полагает автор.

А людям – весело?»

ВОСПОМИНАНИЯ О ГЕОРГИУ-ДЕЖ[1]

Не здесь ли мирны дни вели земные боги?..
А. Пушкин

Прекрасный город Георгиу-Деж!
Я там купил рубашку цвета беж
и брюки цвета, извиняюсь, хаки,
потом духи, любимые женой,
и сапоги для женщины одной,
с которой состоял в негласном браке.
Затем успел смотаться на завод,
оформить в ОКСе премию за ввод
каких-то там поточных новых линий
и, как всегда, окончив дело в срок,

[1] Советское название райцентра Лиски Воронежской области.

провел совсем не хилый вечерок
с одной милосско-лискинской богиней.
Мне полюбился тамошний вокзал,
где я с одним товарищем врезал
забористую местную «Мадеру».
Он был командирован из Орла
и, натурально, «клюнул» из горла,
последовав достойному примеру.
А после – я читал ему стихи
и подарил… по-моему, духи,
а сапоги остались возле кассы.
Прекрасный город Георгиу-Деж!
Я там купил рубашку цвета беж
и брюки цвета хаки экстра-класса!

* * *

…и шестикрылый серафим
на перепутье мне явился.
А. Пушкин

…и серафим передо мной
явился в час урочный:
он был небритый и больной,
нетрезвый и порочный.
Летал себе навеселе,
перстами не касался,
но оказался на Земле –
с похмелья оказался.
Его душа изнемогла
и на колени пала,
нетопыриные крыла
торчали, как попало.
Он из породы бедолаг.
Я их не обеляю,
но говорю ему: – Земляк,
восстань, опохмеляю!

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Дьяков. ОСОБАЯ ФОРМА ЭТИКИ. Вместо предисловия 3

СЕРГЕЙ МАРИН 7
Хвосты 8

МИХАИЛ МИЛОНОВ 12
Отрывок из Луциллиевой сатиры против его века 13

КОНДРАТИЙ РЫЛЕЕВ 16
К временщику (Подражание Персиевой сатире «К Рубеллию») 17
Провинциал в Петербурге 19

ВАСИЛИЙ СЛЕПЦОВ 25
Свиньи. Деревенские сцены 27

ИВАН ВОРОНОВ 44
Слесарь 45

ЕВГРАФ ДОЛЬСКИЙ 47
Грубый агент 48
Тараканы 51

АНДРЕЙ ПЛАТОНОВ 53
Антисексус 54

АНДРЕЙ НОВИКОВ 66
Лики Воронежа 67

ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ 77
Сатирические стихи 78

САМУИЛ МАРШАК 81
Старая веселая Англия 82

ВИКТОР АРДОВ 89
Сильнодействующее 90

АЛЕКСЕЙ ШУБИН 95
Богатство Матвея Галкина (Отрывок) 96

НИКОЛАЙ АЛЁХИН 105
Возврат (Из цикла «Рассказы Никиты») 106

СЕРГЕЙ АНАНЬИН 110
Никаких шевелений 111
Противоатомные сардины. Сценка из западногерманской жизни 115

ГАВРИИЛ ТРОЕПОЛЬСКИЙ 117
Паршивая фамилия 118

ГЕОРГИЙ ВОЛОВИК 128
Басни 129

ВЛАДИМИР КОМОВ 131
Рейтинг гласности 132

ВЛАДИМИР ЕВТУШЕНКО 135
Гнев Сатаны 136

АЛЕКСЕЙ ПОПОВ-ФЕКЛУШИН 141
Тень и плетень 142
Дед Сергей 142

ДМИТРИЙ ДЁМИН 144
Короткие басни 145

ВЛАДИМИР КОТЕНКО 148
Рассказы 149

АРКАДИЙ ДАВИДОВИЧ 156
Рассказы 157
Афоризмы 160

ЕВГЕНИЙ ДУБРОВИН 161
Хрустальный дом 162

ЛЕВ КРОЙЧИК 170
«Мы в книжках называемся – „народ“…» 171

ЕВГЕНИЙ НОВИЧИХИН 181
То да сё… 182

АЛЕКСАНДР СМИРНОВ 185
Если нужно коллективу... 186
Родная кровь 188

МАРК БЕРКОЛАЙКО, ГРИГОРИЙ РОЗЕНБЕРГ 191
Рассказы 193

АЛЕКСАНДР НОВИКОВ 199
Нежданная радость 200
Безотцовщина 201

ВЛАДИМИР ТУЛУПОВ 203
Вредные советы декана 204

ВИТАЛИЙ МУХИН 208
Сила привычки 209
Тяжелый день 211

АЛЕКСАНДР МЕШКОВ 213
В поте лица 214

ВАЛЕНТИН НЕРВИН 218
Воспоминания о Георгиу-Деж 219

Информационное издание

БЮЛЛЕТЕНЬ ЛАБОРАТОРИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Выпуск 8

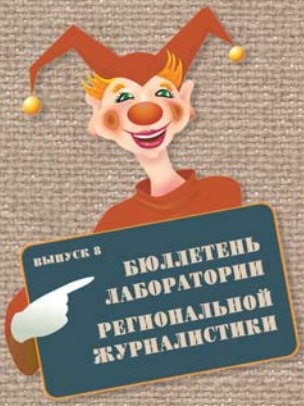
Редактор-составитель *Д. С. Дьяков*

Редактор-корректор *Е. С. Котлярова*
Компьютерная верстка *Е. Е. Комаровой*

Подписано в печать 29.09.2021. Формат 60×84/16.
Уч.-изд. л. 8,4. Усл. п. л. 7,2. Тираж 100 экз. Заказ 391

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3


ВЫПУСК 8
БЮЛЛЕТЕНЬ
ЛАБОРАТОРИИ
РЕГИОНАЛЬНОЙ
ЖУРНАЛИСТИКИ